

Отчет о проверке на заимствования №1

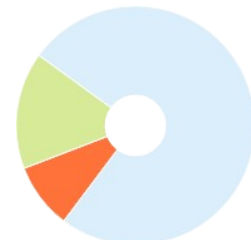
Автор: Сазанов Владимир Владимирович
 Проверяющий: (sazan-rubin@mail.ru / ID: 5420595)
 Отчет предоставлен сервисом «Антиплагиат» - <http://users.antiplagiat.ru>

ИНФОРМАЦИЯ О ДОКУМЕНТЕ

№ документа: 58
 Начало загрузки: 20.12.2020 16:17:55
 Длительность загрузки: 00:00:27
 Имя исходного файла: ВКР Сазанов В.В. - 2020.pdf
 Название документа: ВКР Сазанов В.В. - 2020
 Размер текста: 1 кБ
 Символов в тексте: 255811
 Слов в тексте: 35636
 Число предложений: 3145

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТЧЕТЕ

Последний готовый отчет (ред.)
 Начало проверки: 20.12.2020 16:18:23
 Длительность проверки: 00:01:09
 Комментарии: не указано
 Поиск перефразирований: да
 Модули поиска: Модуль поиска ИПС "Адилет", Модуль выделения библиографических записей, Сводная коллекция ЭБС, Модуль поиска Интернет плюс, Коллекция РГБ, Цитирование, Переводные заимствования (RuEn), Модуль поиска переводных заимствований по elibrary (EnRu), Модуль поиска переводных заимствований по elibrary (KkRu), Модуль поиска переводных заимствований по elibrary (KyRu), Модуль поиска переводных заимствований по интернет (EnRu), Модуль поиска переводных заимствований по интернет (KkRu), Модуль поиска переводных заимствований по интернет (KyRu), Модуль поиска переводных заимствований (KkEn), Коллекция eLIBRARY.RU, Коллекция Гарант, Модуль поиска Интернет, Коллекция Медицина, Модуль поиска перефразирований eLIBRARY.RU, Модуль поиска перефразирований Интернет, Коллекция Патенты, Модуль поиска общепотребительных выражений, Кольцо вузов

ЗАИМСТВОВАНИЯ

8,76% ■

САМОЦИТИРОВАНИЯ

0% ■

ЦИТИРОВАНИЯ

15,58% ■

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ

75,66% ■

Заимствования — доля всех найденных текстовых пересечений, за исключением тех, которые система отнесла к цитированиям, по отношению к общему объему документа.
 Самоцитирования — доля фрагментов текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника, автором или соавтором которого является автор проверяемого документа, по отношению к общему объему документа.
 Цитирования — доля текстовых пересечений, которые не являются авторскими, но система посчитала их использование корректным, по отношению к общему объему документа. Сюда относятся оформленные по ГОСТу цитаты; общепотребительные выражения; фрагменты текста, найденные в источниках из коллекций нормативно-правовой документации.
 Текстовое пересечение — фрагмент текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника.
 Источник — документ, проиндексированный в системе и содержащийся в модуле поиска, по которому проводится проверка.
 Оригинальность — доля фрагментов текста проверяемого документа, не обнаруженных ни в одном источнике, по которым шла проверка, по отношению к общему объему документа.
 Заимствования, самоцитирования, цитирования и оригинальность являются отдельными показателями и в сумме дают 100%, что соответствует всему тексту проверяемого документа. Обращаем Ваше внимание, что система находит текстовые пересечения проверяемого документа с проиндексированными в системе текстовыми источниками. При этом система является вспомогательным инструментом, определение корректности и правомерности заимствований или цитирований, а также авторства текстовых фрагментов проверяемого документа остается в компетенции проверяющего.

№	Доля в отчете	Доля в тексте	Источник	Ссылка	Актуален на	Модуль поиска	Блоков в отчете	Блоков в тексте
[01]	8,42%	8,42%	не указано	не указано	раньше 2011	Модуль выделения библиографических записей	2	2
[02]	7,01%	7,01%	не указано	не указано	раньше 2011	Цитирование	92	92
[03]	2,1%	2,41%	Чувство природы в русской прозе 192...	http://cheloveknauka.com	05 Янв 2017	Модуль поиска перефразирований Интернет	13	13
[04]	0,33%	2,22%	Гречишкина, Светлана Викторовна Т...	http://dlib.rsl.ru	01 Янв 2018	Коллекция РГБ	2	35
[05]	0%	2,22%	Творчество Гэри Снайдера: формиро...	http://zabgu.ru	06 Ноя 2018	Модуль поиска Интернет	0	35
[06]	1%	1,65%	Пейзаж - чувство природы - натурфил...	http://elibrary.ru	28 Авг 2014	Модуль поиска перефразирований eLIBRARY.RU	14	13
[07]	0,45%	1,64%	Бахова, Эмма Анатольевна диссертаци...	http://dlib.rsl.ru	01 Янв 2005	Коллекция РГБ	3	10
[08]	0%	1,5%	Традиции русской литературы в осм...	http://dslib.net	21 Апр 2016	Модуль поиска Интернет	0	8
[09]	0,14%	1,46%	Традиции русской литературы в осм...	http://cheloveknauka.com	01 Янв 2017	Модуль поиска перефразирований Интернет	1	7
[10]	0%	1,44%	Традиции русской литературы в осм...	http://cheloveknauka.com	18 Апр 2014	Модуль поиска Интернет	0	9
[11]	0%	1,44%	Бахова, Эмма Анатольевна Традиции ...	http://dlib.rsl.ru	21 Янв 2010	Коллекция РГБ	0	9
[12]	1,11%	1,43%	Магистерская работа // Традиции рус...	http://bankrobot.com	29 Янв 2017	Модуль поиска перефразирований Интернет	6	7
[13]	0%	1,43%	не указано	http://mirrabort.com	07 Янв 2017	Модуль поиска перефразирований	0	7

						Интернет		
[14]	0%	1,04%	Гурленова, Людмила Викторовна Чув...	http://dlib.rsl.ru	26 Дек 2011	Коллекция РГБ	0	14
[15]	0,23%	0,95%	Филологическое образование, 2(3), 2...	http://mgpu.ru	29 Янв 2017	Модуль поиска перефразирований Интернет	2	6
[16]	0,37%	0,87%	Человек - природа - литература (проб...	http://elibrary.ru	28 Авг 2014	Модуль поиска перефразирований eLIBRARY.RU	4	6
[17]	0%	0,69%	Скачать полнотекстовую версию	http://journals.tsu.ru	23 Ноя 2016	Модуль поиска Интернет	0	11
[18]	0,6%	0,68%	Скачать полнотекстовую версию	http://journals.tsu.ru	30 Янв 2017	Модуль поиска перефразирований Интернет	4	5
[19]	0,07%	0,67%	Человек - природа - литература (проб...	http://elibrary.ru	28 Авг 2014	Коллекция eLIBRARY.RU	2	16
[20]	0%	0,64%	Художественное отражение природы...	http://cheloveknauka.com	18 Апр 2014	Модуль поиска Интернет	0	4
[21]	0%	0,64%	Художественное отражение природы...	http://cheloveknauka.com	08 Июн 2019	Модуль поиска Интернет	0	4
[22]	0%	0,63%	Художественное отражение природы...	http://cheloveknauka.com	08 Июн 2019	Модуль поиска Интернет плюс	0	10
[23]	0%	0,63%	Диссертация на тему «Художественно...	https://dissercat.com	15 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	10
[24]	0%	0,62%	4 Научный журНал Серия Филологич...	http://libed.ru	25 Авг 2017	Модуль поиска Интернет	0	6
[25]	0%	0,62%	https://www.mgpru.ru/uploads/adv_doc...	https://mgpu.ru	28 Сен 2019	Модуль поиска Интернет	0	6
[26]	0%	0,59%	Традиции русской литературы в осм...	http://cheloveknauka.com	18 Апр 2014	Модуль поиска Интернет	0	5
[27]	0,01%	0,59%	Пейзаж - чувство природы - натурфил...	http://elibrary.ru	28 Авг 2014	Коллекция eLIBRARY.RU	1	19
[28]	0%	0,53%	http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/servic...	http://vital.lib.tsu.ru	24 Янв 2020	Модуль поиска Интернет	0	7
[29]	0,15%	0,53%	Сибирская идентичность в зеркале л...	https://e.lanbook.com	22 Янв 2020	Сводная коллекция ЭБС	2	7
[30]	0,19%	0,52%	Сибирская идентичность в зеркале л...	http://studentlibrary.ru	27 Ноя 2017	Сводная коллекция ЭБС	2	7
[31]	0%	0,52%	Бондаренко, Елена Николаевна диссе...	http://dlib.rsl.ru	14 Июн 2011	Коллекция РГБ	0	8
[32]	0,1%	0,51%	не указано	http://do.rulitru.ru	02 Мая 2014	Модуль поиска Интернет	1	8
[33]	0%	0,47%	ПРИРОДА КАК ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ФЕНО...	https://studopedia.ru	15 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	14
[34]	0%	0,43%	Русская натурфилософская проза вто...	https://universalinternetlibrary.ru	20 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	12
[35]	0%	0,42%	Е.С. Руфова. Творчество П.Н. Черных...	http://s-vfu.ru	23 Апр 2017	Модуль поиска Интернет	0	4
[36]	0,22%	0,42%	не указано	http://magazines.russ.ru	30 Янв 2017	Модуль поиска перефразирований Интернет	4	4
[37]	0%	0,42%	Диссертация на тему «Традиции русс...	https://dissercat.com	15 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	7
[38]	0%	0,41%	Шлома, Елена Сергеевна Материнско...	http://dlib.rsl.ru	01 Янв 2012	Коллекция РГБ	0	7
[39]	0,05%	0,39%	Кипкеева, Римма Энверовна Пробле...	http://dlib.rsl.ru	19 Авг 2020	Коллекция РГБ	2	7
[40]	0,19%	0,38%	Проблема экологии души в творчест...	http://elibrary.ru	25 Янв 2019	Модуль поиска перефразирований eLIBRARY.RU	1	2
[41]	0,12%	0,37%	Писатели-«деревенщики»: литература...	http://universalinternetlibrary.ru	10 Фев 2020	Модуль поиска Интернет	1	6
[42]	0,1%	0,36%	Читать книгу Писатели-«деревенщик...	http://iknigi.net	08 Янв 2017	Модуль поиска перефразирований Интернет	2	5
[43]	0%	0,36%	Пейзаж - чувство природы - натурфил...	https://yandex.ru	25 Июл 2018	Модуль поиска Интернет	0	5
[44]	0,1%	0,35%	Астафьевские чтения. Выпуск 3. Совр...	http://booksite.ru	28 Янв 2017	Модуль поиска перефразирований Интернет	1	2
[45]	0%	0,35%	Абдуллина, Амина Шакирьяновна дис...	http://dlib.rsl.ru	раньше 2011	Коллекция РГБ	0	3
[46]	0,34%	0,34%	ПОНЯТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНА...	http://elibrary.ru	17 Окт 2015	Модуль поиска перефразирований eLIBRARY.RU	2	2
[47]	0%	0,34%	Писатели-«деревенщики»: литература...	http://universalinternetlibrary.ru	10 Фев 2020	Модуль поиска Интернет плюс	1	8
[48]	0%	0,33%	Автореферат Гречишкиной С. В.pdf	http://zabgu.ru	15 Ноя 2018	Модуль поиска Интернет	0	2
[49]	0%	0,3%	Традиции пейзажного бытописания ...	http://elibrary.ru	14 Ноя 2015	Коллекция eLIBRARY.RU	0	12
[50]	0%	0,3%	Богач, Дмитрий Александрович Акси...	http://dlib.rsl.ru	27 Дек 2019	Коллекция РГБ	0	5
[51]	0%	0,3%	Читать книгу Писатели-«деревенщик...	http://iknigi.net	26 Фев 2017	Модуль поиска Интернет	0	6
[52]	0%	0,3%	Русский традиционализм: история, ид...	https://e.lanbook.com	22 Янв 2020	Сводная коллекция ЭБС	0	7

[53]	0%	0,3%	Русский традиционализм: история, ид...	http://dlib.rsl.ru	15 Дек 2017	Коллекция РГБ	0	7
[54]	0%	0,29%	Проблемы понимания образа приро...	https://cyberleninka.ru	20 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	8
[55]	0,15%	0,28%	не указано	не указано	раньше 2011	Модуль поиска общеупотребительных выражений	7	12
[56]	0%	0,28%	Русская натурфилософская проза втор...	https://e.lanbook.com	20 Янв 2020	Сводная коллекция ЭБС	0	4
[57]	0%	0,28%	115129	http://biblioclub.ru	14 Апр 2016	Сводная коллекция ЭБС	0	4
[58]	0%	0,28%	А. И. Смирнова Русская натурфилосо...	http://dlib.rsl.ru	17 Фев 2014	Коллекция РГБ	0	4
[59]	0%	0,27%	http://www.lib.csu.ru/vch/402/vcsu17_0...	http://lib.csu.ru	30 Ноя 2017	Модуль поиска Интернет	0	5
[60]	0,16%	0,27%	Эволюция "чувства природы" в русск...	http://cheloveknauka.com	30 Янв 2017	Модуль поиска перефразирований Интернет	1	3
[61]	0%	0,27%	Вальянов, Никита Александрович Худ...	http://dlib.rsl.ru	22 Фев 2019	Коллекция РГБ	0	5
[62]	0%	0,26%	ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ПРОИЗВЕДЕ...	http://elibrary.ru	30 Авг 2012	Коллекция eLIBRARY.RU	0	12
[63]	0%	0,26%	Петушкова, Елена Викторовна Эколог...	http://dlib.rsl.ru	01 Янв 2004	Коллекция РГБ	0	5
[64]	0,19%	0,26%	Инь Цзэцзе Рецепция творчества В.П...	http://dlib.rsl.ru	01 Янв 2019	Коллекция РГБ	1	2
[65]	0%	0,25%	Гаврилина, Ольга Вадимовна диссерт...	http://dlib.rsl.ru	раньше 2011	Коллекция РГБ	0	4
[66]	0%	0,25%	Диссертация на тему «Натурфилософ...	https://dissercat.com	20 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	9
[67]	0%	0,24%	Русская натурфилософская проза вто...	http://studentlibrary.ru	27 Ноя 2017	Сводная коллекция ЭБС	0	3
[68]	0,22%	0,23%	"ТАЕЖНЫЙ ЗАКОН" В ПРОИЗВЕДЕНИ...	http://elibrary.ru	02 Янв 2019	Модуль поиска перефразирований eLIBRARY.RU	3	2
[69]	0,23%	0,23%	ГОРОД МЕРТВЫХ В ТВОРЧЕСТВЕ И. БУ...	http://elibrary.ru	08 Янв 2018	Модуль поиска перефразирований eLIBRARY.RU	2	2
[70]	0%	0,22%	Филиппова, Светлана Викторовна 197...	http://dlib.rsl.ru	02 Фев 2013	Коллекция РГБ	0	4
[71]	0%	0,22%	Диссертация на тему «Художественн...	https://dissercat.com	12 Ноя 2020	Модуль поиска Интернет плюс	1	7
[72]	0%	0,21%	https://trepo.tuni.fi/bitstream/handle/1...	https://trepo.tuni.fi	15 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	5
[73]	0%	0,21%	Степанова, Василина Андреевна Дуал...	http://dlib.rsl.ru	19 Фев 2018	Коллекция РГБ	0	4
[74]	0%	0,2%	Диссертация на тему «Экологические...	https://dissercat.com	14 Апр 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	6
[75]	0%	0,2%	Диссертация на тему «Экологические...	https://dissercat.com	20 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	6
[76]	0%	0,19%	Проблема экологии души в творчест...	http://elibrary.ru	25 Янв 2019	Коллекция eLIBRARY.RU	0	2
[77]	0%	0,19%	Человек и природа в русской литерат...	https://knowledge.allbest.ru	02 Апр 2019	Модуль поиска Интернет плюс	0	5
[78]	0%	0,19%	Человек и природа в русской литерат...	https://bibliofond.ru	15 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	5
[79]	0%	0,19%	Человек и природа в русской литерат...	https://bibliofond.ru	15 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	5
[80]	0%	0,16%	Диссертация на тему «Природа в про...	https://dissercat.com	20 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	5
[81]	0%	0,15%	Александр Афанасьев Славянская ми...	http://dlib.rsl.ru	17 Фев 2014	Коллекция РГБ	0	2
[82]	0%	0,15%	http://dado.msk.ru/rlib/utf8/495239.ht...	http://dado.msk.ru	18 Июл 2018	Модуль поиска Интернет	0	2
[83]	0%	0,14%	Мифологическое и сказочное в худо...	http://cheloveknauka.com	05 Апр 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	4
[84]	0%	0,14%	Проза В.С. Журавлева-Печорского - ав...	http://cheloveknauka.com	18 Апр 2014	Модуль поиска Интернет	0	3
[85]	0%	0,13%	ФОРМИРОВАНИЕ ПРИРОДОЗАЩИТН...	http://elibrary.ru	24 Дек 2011	Коллекция eLIBRARY.RU	0	4
[86]	0%	0,13%	Диссертация на тему «Человек и при...	https://dissercat.com	20 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	5
[87]	0%	0,13%	https://www.hse.ru/data/2012/05/03/12...	https://hse.ru	03 Окт 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	4
[88]	0%	0,13%	https://www.hse.ru/data/2012/05/03/12...	https://hse.ru	03 Окт 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	4
[89]	0%	0,12%	Эстетические функции пейзажа в худ...	http://dslib.net	20 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	3
[90]	0%	0,11%	Эстетика путешествия: пространство ...	http://elibrary.ru	01 Янв 2015	Коллекция eLIBRARY.RU	0	7
[91]	0%	0,11%	Натурфилософская проза второй пол...	https://pandia.ru	20 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	3
[92]	0%	0,11%	Сборник материалов конференции - ...	https://docplayer.ru	15 Апр 2019	Модуль поиска Интернет плюс	0	2
[93]	0,01%	0,1%	Курсовая работа по социальной рабо...	https://infourok.ru	11 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	1	2

[94]	0%	0,1%	Свет, правда и народы России всех вр...	http://biblioclub.ru	25 Мая 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	3
[95]	0%	0,1%	Из записок по русской грамматике. I. ...	https://biblioclub.ru	23 Окт 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	3
[96]	0%	0,1%	Жизнь Державина по его сочинения...	https://biblioclub.ru	23 Окт 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	3
[97]	0%	0,1%	Творчество В.П. Астафьева как вопло...	http://dlib.rsl.ru	15 Дек 2017	Коллекция РГБ	0	1
[98]	0%	0,09%	Литературная сказка А. М. Ремизова (...)	http://bibliorossica.com	27 Мая 2016	Сводная коллекция ЭБС	0	2
[99]	0%	0,09%	Современная традиционалистская пр...	http://bibliorossica.com	27 Дек 2016	Сводная коллекция ЭБС	0	1
[100]	0%	0,09%	63068	http://e.lanbook.com	09 Мар 2016	Сводная коллекция ЭБС	0	1
[101]	0%	0,09%	11 ПРИРОДА В РУССКОЙ ЛИРИКЕ 196...	http://diss.seluk.ru	20 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	3
[102]	0%	0,09%	Русскоязычная литература Якутии на...	http://elibrary.ru	19 Янв 2012	Модуль поиска перефразирований eLIBRARY.RU	0	1
[103]	0%	0,09%	Русский фольклор	http://studentlibrary.ru	19 Дек 2016	Коллекция Медицина	0	2
[104]	0%	0,09%	Павлович, Кристина Константиновна ...	http://dlib.rsl.ru	26 Мар 2019	Коллекция РГБ	0	1
[105]	0%	0,09%	Экологические проблемы в отечеств...	http://dslib.net	20 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	2
[106]	0%	0,09%	Le texte des parties 1 à 3 du livre au for...	http://classiques.uqac.ca	04 Дек 2016	Модуль поиска Интернет	0	1
[107]	0%	0,09%	Из книги "Поэтические воззрения сла...	http://biblioclub.ru	20 Апр 2016	Сводная коллекция ЭБС	0	1
[108]	0%	0,09%	А. Н. Афанасьев_Происхождение миф...	https://niros.org	20 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	1
[109]	0%	0,08%	Современная традиционалистская пр...	http://studentlibrary.ru	20 Дек 2016	Коллекция Медицина	0	1
[110]	0%	0,07%	Технология социально-экологическо...	http://studentlibrary.ru	20 Дек 2016	Коллекция Медицина	0	1
[111]	0%	0,07%	Экологическая культура младших шк...	http://studentlibrary.ru	20 Дек 2016	Коллекция Медицина	0	1
[112]	0%	0,07%	Вопросы истории методики препода...	http://studentlibrary.ru	19 Дек 2016	Коллекция Медицина	0	1
[113]	0%	0,07%	Детский универсальный спортивно-и...	http://bankpatentov.ru	25 Июн 2015	Коллекция Патенты	0	1
[114]	0%	0,07%	Тренажер-лабиринт "аудиал" Банк п...	http://bankpatentov.ru	25 Июн 2015	Коллекция Патенты	0	1
[115]	0%	0,07%	1-r-4,9-диоксо-1h-нафто[2,3-d][1,2,3]тр...	http://findpatent.ru	25 Июн 2015	Коллекция Патенты	0	1
[116]	0%	0,07%	ВКР Ю.ГЕРТНЕР.doc	не указано	15 Июн 2015	Кольцо вузов	0	1
[117]	0%	0,06%	Диссертация на тему «Власть и общес...	https://dissercat.com	21 Дек 2019	Модуль поиска Интернет плюс	0	1
[118]	0%	0,06%	https://istina.msu.ru/media/publication...	https://istina.msu.ru	20 Фев 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	1
[119]	0%	0,06%	http://cnp.org.ua/files/Archive/August_...	http://cnp.org.ua	20 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	1
[120]	0%	0,06%	Хализев В.. Теория литературы (Весь т...	https://modernlib.net	10 Окт 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	2
[121]	0%	0,06%	https://www.ssa-rss.ru/files/File/Publika...	https://ssa-rss.ru	14 Июн 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	2
[122]	0%	0,06%	№4 (18)	http://emll.ru	21 Дек 2016	Коллекция Медицина	0	1
[123]	0%	0,06%	Общая теория права: проблемы инте...	http://ivo.garant.ru	14 Янв 2017	Коллекция Гарант	0	2
[124]	0%	0,06%	Список книг и других произведений ...	https://librebook.me	20 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	1
[125]	0%	0,06%	Эндоскопическое лечение новообраз...	http://emll.ru	21 Дек 2016	Коллекция Медицина	0	1
[126]	0%	0,05%	Проблема свободы личности в прозе ...	не указано	20 Мая 2014	Кольцо вузов	0	1
[127]	0%	0,05%	проблема свободы личности в прозе ...	не указано	22 Мая 2014	Кольцо вузов	0	1
[128]	0%	0,05%	Таисия Яковлевна Гринфельд-Зингур...	http://elibrary.ru	14 Янв 2020	Модуль поиска перефразирований eLIBRARY.RU	0	1
[129]	0%	0,05%	Способ определения мощности нагр...	http://findpatent.ru	24 Июн 2015	Коллекция Патенты	0	1
[130]	0%	0,05%	Творчество В.Г. Распутина в социокул...	http://studentlibrary.ru	19 Дек 2016	Коллекция Медицина	0	1
[131]	0%	0,04%	Спасова Дарья Владимировна ГИ id_e...	не указано	13 Июн 2017	Кольцо вузов	0	1
[132]	0%	0,04%	Sapar Pokgiyew diplomnaya_rabota_isp...	не указано	21 Мая 2018	Кольцо вузов	0	1
[133]	0%	0,04%	Покгиев Сапаргелди Худайбердиевич...	не указано	28 Мая 2018	Кольцо вузов	0	1
[134]	0%	0,04%	diplomnaya_rabota_ispr_27_05	не указано	28 Мая 2018	Кольцо вузов	0	1
[135]	0%	0,04%	Pokgiev_Sapargeldi_dlya_antiplagiata (1)	не указано	02 Июн 2018	Кольцо вузов	0	1

[136]	0%	0,04%	Поэтика пейзажа в произведениях А...	не указано	17 Июн 2020	Кольцо вузов	0	1
[137]	0%	0,04%	Книга: Культурология 2 Особенности ...	https://bestreferat.ru	28 Фев 2019	Модуль поиска Интернет плюс	0	1
[138]	0%	0,04%	бщие проблемы философии науки (а...	не указано	06 Фев 2013	Кольцо вузов	0	1
[139]	0%	0,04%	ИМАГОЛОГИЯ И КОМПАРАТИВИСТИ...	https://docplayer.ru	03 Окт 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	1
[140]	0%	0,04%	ИМАГОЛОГИЯ И КОМПАРАТИВИСТИ...	https://docplayer.ru	27 Мая 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	1
[141]	0%	0,03%	ОБЪЯСНЕНИЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ И П...	http://esaulov.net	20 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	2
[142]	0%	0,03%	Решение Мценского районного Сове...	http://ivo.garant.ru	20 Июн 2019	Коллекция Гарант	1	2
[143]	0%	0,03%	Диссертация на тему «Жанр пасторал...	https://dissercat.com	20 Дек 2020	Модуль поиска Интернет плюс	0	1

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им.В.П.Астафьева»
(КГПУ им.В.П.Астафьева)

Кафедра мировой литературы и методики ее преподавания

САЗАНОВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ

НАУЧНО-КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА: ГЕНЕЗИС, ТЕКСТЫ И КОНТЕКСТ

Направление подготовки 45.06.01 Языкознание и литературоведение

Программа подготовки Литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

заведующий кафедрой

канд. филол. наук, доц. Т.А. Полуэктова

(подпись)

Руководитель программы подготовки

доктор филол. наук, проф. Н.В. Ковтун

(подпись)

Научный руководитель

канд. филол. наук, доц. Т.Н. Садырина

(подпись)

Красноярск 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В ЛИТЕРАТУРЕ: ФИЛОСОФСКИЙ, ЭСТЕТИЧЕСКИЙ, НРАВСТВЕННЫЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ	
1. «Человек и природа» как традиционная тематическая номинация в отечественной литературе и литературоведческом дискурсе.....	13
2. Натурфилософская литература в литературно-критическом осмыслении...	32
3. Экологическая проза: генетический код.....	42
4. Экокритика: зарубежные исследования темы «человек и природа».....	51
ГЛАВА II. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ 1970-х – 2015-го ГОДОВ	
1. Образ затопляемого погоста как символ бедствия в произведениях В.П. Астафьева «Кладбище» и В.Г. Распутина «Прощание с Матерой».....	63
2. Художественно-интенциальные признаки исповеди и проповеди в рассказе В.П. Астафьева «Капля» из книги «Царь-рыба».....	72
3. От охоты к промысловой бойне (Ю.П. Казаков «Белуха», Ч.Т. Айтматов «Плаха»).....	82
4. «Экологический роман» С.П. Залыгина как идеологический роман на злободневную социально-историческую тему.....	90
5. Экологические проблемы в современной прозе: Роман Сенчин «Зона затопления».....	98
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	107
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	114

ВВЕДЕНИЕ

В комплексе социально-экономических и социально-нравственных проблем в России и в мире экологическая проблема занимает важнейшее место. Взаимоотношения человека и природы с давних пор находили свое отражение в культуре. Человек пытался осмыслить, как саму природу, так и свое место в ней. С течением времени эта взаимосвязь понималась по-разному, что художественным образом воплотилось в большом массиве литературных текстов.

Отечественный историко-литературный процесс включает все возможные инварианты творческого, философского, нравственного осмысления проблемы «человек и природа». Эта устойчивая тематическая номинация функционирует в различных формах. В 60-е-70-е годы XX века в русской литературе появляется ряд произведений, анализируя которые литературные критики используют определения: «экологическая проблематика», «экологический аспект» и «экологическая проза». Поскольку до настоящего времени нет закрепленного авторства в отношении термина «экологическая проза», можем предложить следующее определение. Под экологической прозой мы понимаем тематическое единство ряда произведений, возникших в русской литературе в 70-е годы XX века, содержащих развитие темы/мотива «человек и природа» в социально-нравственном, экологическом аспекте.

Задача, выдвинутая самой жизнью в XX веке, заключается в следующем: необходимо направить общие усилия на сохранение окружающей природы, доказать возможность рационального, разумного использования природных ресурсов. В мире назрела необходимость утверждения новой гармонии: разумного сочетания активно-творческого отношения человека к природному миру и умения беречь его первозданную красоту. Экологическая проблема, осложненная бурным развитием научно-технического прогресса, явилась благодатной почвой для углубления нравственных поисков, исследования

вопросов человеческого бытия. О неизбежности этой гармонии уже сказала свое слово литература.⁷

В зеркале литературы¹² отражаются этапы развития в самом социуме экологической проблематики. Не касаясь социально-исторической, экономической и естественно-научной стороны, можно проследить генезис данного проблемно-тематического аспекта в художественном творчестве. Интерес к изучению природы возник уже в античной философии. Натурфилософы стремились объяснить феномен человека, основываясь на научных представлениях своего времени.⁴⁶

Очевидно, что тема «человек и природа» - это одна из вечных тем литературы. Она традиционна в лучшем смысле этого слова. Практически все крупные русские писатели внесли вклад в художественное осмысление этой темы - А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Некрасов, И. Тургенев, Л. Толстой, А. Чехов, Ф. Достоевский, И. Бунин и многие другие. Подлинный художник всегда ощущает себя частью природы, ее духовным органом, посредством которого природа заявляет о себе человеческим языком. Одной из интересных черт русской классической литературы является ее любовь к пейзажу. В самом деле, русская классическая литература от Пушкина до Толстого изображала очень тонко и с любовью картины русской природы. Русские классики вдохновенно воспевали природу, философски осмысливая ее. Природа для них - это свободная стихия, которая придает ему душевные силы, помогает раскрыть свой внутренний мир, является источником вдохновения. Естественно, у каждого из них природа имела свой облик, свое лицо, свое место и роль в творчестве и в искусстве. Они считали, что человеческие деяния слишком суетные и жалкие, и природа ежечасно напоминает человеку, что ей нет до него дела, «она царствует», а он пусть трепещет за жалкую жизнь, которая в любую минуту может оборваться. Многие из них были убеждены в том, что природа живет по законам своего гармонического равновесия. Когда этот закон нарушается, природа, оберегая равновесие, заставляет умереть множество насекомых, птиц, зверей и людей.¹²

Человек - раб природы. Эта концепция философии природы характерна для многих писателей XIX века.¹² Нельзя не заметить появление героя в литературе этого периода, который декларирует новое отношение к природе: Базаров в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» утверждает: «природа не храм, а мастерская и человек в ней работник».² Очевидно, авторский взгляд находится в оппозиции к данному нигилистическому высказыванию, Тургенев акцентирует внимание на смене мировоззренческих векторов. В дальнейшем развитии общества будет доминировать такой антропологический подход, при котором человек - «царь природы» и его «царственное» положение ведет к неразумному, стяжательскому природопользованию и сугубо утилитарному отношению к природе. Вышесказанное помогает понять, что в классической литературе роль природы значительна и неотъемлема, так как она всегда как бы сопутствует переживаниям героев, становится рамкой, фоном, оттеняющим состояние героя, побуждает¹² к выражению лирических чувств и философских размышлений. А затем в конце XIX века возникает тема преобразовательной деятельности человека, которая в полной мере найдет отражение в литературных текстах XX века.

Тревога о судьбе русских лесов раздаётся в монологах доктора Астрова в пьесе «Дядя Ваня» А.П. Чехова.⁶⁸ Русская литература начала и середины XX века (А. Куприн, М. Горький, М. Пришвин, К. Паустовский, Л. Леонов), являясь одной из наиболее чутких литератур мира, интуитивно почувствовала трагедию разрыва человека с природой. Природа у русских писателей - самостоятельный, чрезвычайно насыщенный эмоциональный участник действий, отсюда пристрастие авторов к философскому пейзажу. Писатели то и дело противопоставляли природу, обширную, прекрасную землю и порочных людей, осквернивших ее. Они понимали, что биография земли становится все трагичнее по мере углубления человека в природу.

Тема «человек и природа»¹² получила дальнейшее свое освещение и развитие в современной прозе в произведениях последней четверти XX века Ч. Айтматова, В. Астафьева, В. Белова, Б. Васильева, С. Залыгина, В. Распутина, В. Соловьева,⁷

В. Солоухина, В. Федорова, В. Чивилихина, Ю. Казакова и многих других.⁷ Писатели не скрывают своего серьезного беспокойства по поводу заметно растущего отрыва человека от природы, утраты его связи с землей. Конфликтная ситуация «человек - природа» отражается многими писателями также через проблему «город - деревня» («Прощание с Матерой» В. Распутина, «Привычное дело» В. Белова, «Не стреляйте в белых лебедей» Б. Васильева⁹ и др.), в данной оппозиции подчеркнуто, что сельские/деревенские жители являются носителями экологического сознания, традиционно поддерживая разумное, рациональное и гармоническое отношение к природе.

В 1960-70-е годы XX века в литературе нашла отражение тема отчуждения человека и природы. Потеряв естественную связь с природой, человек, тем не менее, стремится хоть частично восстановить свой союз с ней. Данная проблематика преломляется во многих текстах современной литературы. Развивая философские и эстетические принципы русской классической литературы, современные авторы вносят в художественную ткань текста и социальный аспект.

Экологическая тема широко представлена в русской художественной литературе. Природа по-прежнему остается объектом поэтического изображения лирических чувств автора, пейзажных описаний. Однако экологическая тема начинает доминировать и формироваться как самостоятельное направление в 70-80 годы XX столетия. Причины его появления можно разделить на внешние и внутренние.⁵⁵ Это может быть связано не только с обострением экологической ситуации в стране, но и с развитием этого направления в гуманитарной культуре Запада.

Особенную остроту проблемы экологии приобретают в сибирской литературе. Одним из родоначальников этого направления стоял В.П. Астафьев. Но важно заметить, что Астафьев посвящает повесть «Стародуб» Леониду⁶⁸ Леонову, считая его авторитетным предшественником, в каком-то смысле литературным учителем в развитии темы «человек и природа». Действительно роман «Русский лес» с его главным героем лесоводом Иваном Вихровым —

первый образец художественной постановки темы разумного природопользования. Повествование в рассказах В.П. Астафьева «Царь-рыба» - первый текст, в отношении которого прозвучало определение «экологическая проза».

В 1993 г. выходит в свет «Экологический роман» С.П. Залыгина. В романе панорама экологической проблематики раскрывается с позиции ученого-гидролога. Главный герой не верит в успех научно-технического подхода в отношениях человека и природы.

Тема взаимосвязи природы и человека достаточно хорошо изучена в русском литературоведении и критике, но преимущественно с точки зрения натурфилософии. По сравнению с экокритикой взгляд натурфилософии является более философским, этическим, пантеистическим и нравственно ориентированным, но в то же время ²⁹ менее экологическим, политическим, биоцентрическим и практичным. Натурфилософия демонстрирует обоснованную точку зрения на «деревенскую прозу», поскольку ее авторы в значительной степени являются и философами. Они обсуждают нравственные аспекты человеческой жизни, подчеркивая чувство неразрывного единства культуры и природы. Они описывают мир таким, каковым они его видят, но ⁵⁵ проблемы и пути их решения обозначены расплывчато. Тем не менее у представителей натурфилософской прозы есть и экологическое видение. ³⁰

Экологическая литература занимает сегодня одно из основных мест в ряду факторов развития экологической культуры. Вместе с этим отмечается недостаточная степень изученности некоторых аспектов данного явления. Несмотря на значительное количество работ, посвящённых изучению экологической литературы как неотъемлемой части экологической культуры, терминологическая база исследований характеризуется некоторой неточностью, отсутствием единообразия. ⁴

Актуальность предлагаемого исследования заключается в попытке обобщения имеющихся точек зрения по данной проблематике, систематизации

подходов и обозначению этапов развития темы «человек и природа». В данной работе анализируется историко-литературный процесс в аспекте возникновения, развития, художественной трансформации темы «человек и природа» через экологическую проблематику. Выявляя литературоведческие дефиниции, традиционно используемые определения (натурфилософская проза, экокритика, биорегиональная литература), предлагаем формулировку, аккумулирующую основные характеристики литературного явления, называемого экологической прозой. Анализ художественных текстов через призму экологической проблематики открывает новые подходы для дальнейшего исследования воплощения экологической темы в жанре антиутопии.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

1. Работа представляет собой первую попытку системного изучения традиций русской литературы в аспекте развития и трансформации темы взаимоотношений человека и природы к экологической проблематики.

2. В исследовании обнаруживается генетическая связь экологической и натурфилософской прозы, обозначается переход в содержании текстов от философской и эстетической составляющей к социально-нравственному аспекту.

3. Осуществление литературоведческого анализа текстов экологической проблематики для выявления традиционных и новаторских черт.

Рабочей гипотезой нашей работы является утверждение, что экологическая проза генетически восходит к натурфилософской прозе и является закономерным этапом развития темы «человек и природа» в русской литературе.

Теоретико-методологическая база. Работы отечественных учёных, посвящённые изучению произведений, связанных с экологической проблематикой немногочисленны. Среди них следует отметить литературоведческие исследования разных жанров: Е. А. Стеценко, А. А. Грякалова и О. А. Судленковой. В зарубежной науке можно выделить труды по разряду так называемой экокритики Л. Бьюэлла, Ч. Глотфелти, Т. Марана, П. Д. Мёрфи, С.

Словика и др.⁴ Изучая генезис экологической прозы, мы опирались на исследования: А.И. Смирновой⁷¹ «Русская натурфилософская проза второй половины XX века»² и др. Особо следует выделить монографию А.И. Разуваловой «Писатели-«деревенщики», в которой большой раздел посвящен анализу традиционной прозы в экологическом аспекте.

Методологической базой данного исследования послужили работы А.И. Смирновой, А.И. Разуваловой, С.В. Гречишкиной, Л.В. Гурленовой, Т.Я. Гринфельд-Зингурс, О.В. Гаврилиной, М. Перкиёмяки.

Объектом исследования являются художественные тексты: В.П. Астафьев «Царь-рыба», «Затеси», В.Г. Распутин «Прощание с Матерой», Ч. Айтматов «Плаха», С. Залыгин «Экологический роман», Ю.П. Казаков «Белуха», Р. Сенчин «Зона затопления».

Предметом анализа является экологическая проблематика в названных произведениях: В.П. Астафьева, В.Г. Распутина, Ч. Айтматова, С. Залыгина, Ю.П. Казакова, Р. Сенчина.

Основной целью диссертации является осуществление анализа генезиса и особенностей воплощения экологической проблематики в художественных текстах, относящихся к различным историко-литературным периодам.

Необходимость достижения поставленной цели обусловило постановку следующих задач:

- осмыслить историко-литературный и социально-философский аспекты проблемы взаимоотношений человека и природы (на материале литературоведческих исследований, связанных с произведениями натурфилософской и экологической проблематики);
- выявить генезис и художественные трансформации темы: от номинации «человек и природа» к собственно экологической прозе;
- обозначить этапы историко-литературного процесса, с которыми связано зарождение и развитие экологической прозы;

- раскрыть социально-философский, нравственный смысл экологической проблематики в литературе;
- выявить традиционные и новаторские черты экологической прозы в современную эпоху;
- обозначить перспективы развития экологической прозы в XXI веке.

Метод исследования представляет собой синтез сравнительно-типологического, культурно-исторического и историко-литературного подходов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Развитие темы “человек и природа” в русской литературе сопряжено с понятием «чувство природы», которое приобрело актуальность в XIX веке в момент ускорения развития человеческой цивилизации. Социально-исторический контекст обусловил необходимость осознания человеком своего места в мире, соответствующее изменившейся ситуации — НТР и ее последствий. Это отражено во многих произведениях **русской литературы XIX и XX веков.** 19

2. Экологическая проза генетически восходит к натурфилософской прозе. Ее появление было своеобразным ответом на господство технического и социального прогресса, ее развитие в XX столетии связано с идеей самоценности природы, идеей сдерживания натиска на природу ради практических целей и потребительской выгоды. Содержание экологической прозы художественно иллюстрирует философскую и социально-нравственную значимость «чувства природы», которое формировалось в культуре предшествующих веков.

3. Экокритика - это изучение литературы и окружающей среды с междисциплинарной точки зрения, литературоведческий анализ текстов, которые иллюстрируют экологические проблемы и исследуют различные способы взаимодействия человека и природы. Это культурное явление, закрепленное в терминологии и научных исследованиях зарубежных ученых. Таким образом, вся

русская натурфилософская, экологическая проза становится неотъемлемой частью мирового экокритического дискурса.

4. Натурфилософская проза писателей-традиционалистов, в первую очередь, В. Астафьева и В. Распутина, а также произведения авторов, у которых доминирующей темой творчества является тема «человек и природа» (Ю. Казаков, Ч. Айтматов) содержат экологические мотивы и проблематику.

5. В традиционной реалистической прозе В.П. Астафьева возникает философско-религиозный аспект при обращении к теме взаимоотношения человека и природы. В повествовании в рассказах «Царь-рыба» Астафьева (глава «Капля») проявляются черты архаических жанров исповеди и проповеди. Это обусловлено авторской идеей, связанной с экологической проблематикой. Человечеству грозит гибель из-за утраты «чувства природы», безнравственности, проявляющейся особенно в стяжательстве и браконьерстве.

6. Тема охоты, возникающая в произведениях Ю. Казакова, В. Астафьева, Ч. Айтматова, раскрывает опасный процесс превращения занятия, необходимого для выживания человека в природном пространстве, в бойню и безудержное истребление ради наживы.

7. «Экологический роман» С. Залыгина завершает переход русской литературы от натурфилософии к комплексу социально-исторических проблем, обусловивших опасные последствия технократических проектов XX века - строительства многочисленных ГЭС в России, а также Чернобыльскую катастрофу.

8. Произведение Р. Сенчина «Зона затопления» является примером постановки и художественного решения экологической проблематики XXI века. Являясь в определенном смысле художественным ремейком В. Распутина «Прощание с Матерой», произведение раскрывает болезненную социально-нравственную проблематику в реалистическом ключе. Жанр, тема и проблематика традиционны: в романе главным событием становятся последствия строительства

новой ГЭС на Ангаре. Художественное решение — иное: без притчевой составляющей, природный мир показан без помощи мифологических образов, повествование имеет документально-публицистический характер. Сближает оба произведения не только экологическая проблематика, но и открытый финал, в котором каждый из авторов по-своему предрекает эсхатологические последствия.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что обоснованное нами понятие «экологическая проза» вносит вклад в разработку теоретической проблемы традиции и новаторства в литературе.

Практическое значение результатов исследования заключается в возможности ее использования в научно-исследовательской, вузовской и школьной практике. Материалы исследования могут способствовать разработке спецкурсов при изучении русской литературы на филологических факультетах, элективных курсов в средней школе.

Апробация промежуточных и итоговых результатов исследования осуществлялась на заседаниях кафедры Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, на конференциях разных уровней: Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летнему юбилею В.П. Астафьева «Творчество В.П. Астафьева в контексте национальной истории и культуры». 29-30 апреля 2019 года в Красноярском государственном педагогическом университете им. В.П. Астафьева, на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Современная филология: состояние, проблемы, перспективы» (Красноярск, КГПУ, 29 ноября 2019), XIX, XX Краевых образовательных Рождественских чтениях 2019, 2020 года.

Структура работы включает в себя Введение, две главы, Заключение и список использованной литературы.

ГЛАВА I.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В ЛИТЕРАТУРЕ: ФИЛОСОФСКИЙ, ЭСТЕТИЧЕСКИЙ, ПРАВСТВЕННЫЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

1. «Человек и природа» как традиционная тематическая номинация в отечественной литературе и литературоведческом дискурсе.

В отечественном литературоведении насчитывается около двухсот работ (преимущественно, статей), раскрывающих тему «человек и природа» в русской художественной литературе. Они неравнозначны по глубине раскрытия проблематики и, следовательно, по значимости для исследователя. В наименее оригинальных работах функции пейзажа в конкретных текстах лишь описаны; как правило, они традиционны (фон действия, средство психологической характеристики героя, создание эмоциональной тональности произведения и пр.).

Более интересным и перспективным представляется глубокое, всестороннее исследование конкретных природных образов, их общего символического смысла и вложенного в них индивидуального авторского содержания.

В данном параграфе, посвященной теме «человек и природа» в литературе мы опирались в основном на работы таких исследователей как Л.В. Гурленова, Т.В. Сапрыкина, Н.В. Кожуховская, В.Ф. Саводника и некоторых других.

Природа в жизни человека всегда играла важную роль. С древнейших времен от нее зависело благосостояние человека, сама его жизнь. По справедливому замечанию А.Н. Афанасьева, человек чувствовал себя слабым и ничтожным перед неодолимой амбивалентной силой природы, которая одновременно пугала, заставляя чувствовать свет и мрак, жар и холод, и даровала милости: «Не зная естественных законов, народ не мог понять, почему известные

причины вызывают всегда известные последствия; он видел только, что между различными явлениями и предметами существует какая-то таинственная близость»² [Афанасьев, С. 5]. Познание природы человеком происходило через непосредственное с ней взаимодействие и, судя по тому, как она себя проявляла, он делал вывод о наличии в силах природы другой воли, подобной человеческой [Афанасьев, С. 6] Все это впоследствии находило свои отражения в культуре и искусстве, созданном в процессе развития человечества. Естественным образом тема взаимодействия человека и природы проявилась в литературе.

Сапрыкина пишет, что западная и русская литературы познавали природу с давних пор, в соответствии с меняющейся эстетической картиной. Гармония с миром всегда была свойственна русской национальной культуре. Связь человека с природой много веков опиралась на одну из важных христианских идей, а именно идею спасения. Художественно-поэтическое восприятие природы имеет корни в пантеизме древнего мира. [Сапрыкина, с. 105]

Первые проявления «чувства природы» мы видим у древних: стихийные явления природы соединялись в сознании людей с живыми существами.¹⁵ Древние греки обладали поразительным единством мировоззрения, иначе «космоса», обозначавшим красоту, порядок, вселенную. Древние греки стремились познать мир как целое во всех культурных сферах. [Там же]

Человек является зависимым от природы и поэтому все воспринимает, как ее порождение. Мир кажется ему фантасмагорией явлений природы, ужасающими, всемогущими,¹⁶ непонятными. По мере «очеловечивания» природы в сознании древних греков, ее «картины» в литературе и искусстве делаются средством передачи внутреннего состояния человека.¹⁹

Возрождение отличается значительными достижениями, как в области искусства, так и в области науки. Этап раннего гуманизма уступает место интересу к природе как к исследуемому объекту. В сознании художников и писателей Ренессанса природа не самостоятельна, а связана с человеком. Человек отстраняется от пейзажа и наблюдает за средой как зритель, сторонний наблюдатель. Природа становится объектом научного исследования. В основе¹⁶

нового отношения к природе – разлада между человеком и природой. В XVII веке он был воспринят как трагическое противоречие бытия, но положил начало процессу эстетического слияния с природой, к становлению «поэтики природы». [Сапрыкина, с. 106]

Руссо во времена Просвещения создавал произведения чистой природе, не тронутой человеком. Эта тема волновала и русских авторов XVIII века, уделявших вопросу взаимоотношений природы и человека особое внимание. К концу XVIII века единая картина мира распадается, а человек из неё исключается. С приходом идей эпохи Просвещения на первый план выходит наука и «космос», открытый Коперником и Ньютоном, а человек остается наедине с самим собой – со своей иррациональной и непредсказуемой природой.

В русской литературе этого периода космологические традиции развиваются в творчестве Радищева. «Особая роль в их поддержании и развитии принадлежит философской антропологии А. Радищева, изложенной им в работе 1792 года «О человеке, его смертности и бессмертии». Идеи Радищева внесли свой вклад в формирование уникального, так называемого, «космического» направления научно-философской мысли, которое стало бурно развиваться в начале XX века» [Сапрыкина, с. 107].

В XIX веке в русской и зарубежной литературах формируется особое чувство природы, основанное на стремлении к гармонизации отношений человека с окружающим миром. Авторы обращаются к природе в поисках ответов на «вечные» философские вопросы бытия, связанные. Природа становится «средством для духовного подвига, в ее девственных красотах видели, как в зеркале, отражение всех лучших движений своей души и своего сердца, в созерцании ее находили не возбуждение своих страстей, но наоборот — освобождение от темных сил своей человеческой природы; одним словом, они любили жизнь и природу... для того, чтобы быть добрым по сердцу, светлым и чистым по настроению, терпеливым и мужественным по духу» [Замотин, с. 8]

Для русскоязычных авторов природа являлась источником прекрасного. Кафедра русской литературы Сыктывкарского университета более двадцати лет

занималась исследованием образа природы в русской прозе. В коллективной монографии ²⁷ «“Чувство природы” в русской литературе» ² (1995) были заложены основы целостного изучения этой темы. В этом труде тема «чувства природы» рассматривается хронологически, а также учитываются законы функционирования природы в художественном тексте. За это время было собрано и осмыслено большое количества материала. Проанализированы наиболее значимые произведения, в которых отразилась тема природы [Гурленова, 2001, с. 15].

В список наиболее значимых авторов XX века, работавших над этой темой, вошли В. Арсеньев, М. Пришвин, И. Соколов-Микитин, П. Низовой, С. Клычков, Л. Леонов, Вс. Иванов, М. Горький, А. Платонов, А. Серафимович, А. Неверов, А. Веселый, Вяч. Шишков, М. Шолохов, А. Яковлев и другие отечественные, а также писатели русского Зарубежья, такие как И. Бунин, И. Шмелев, Б. Зайцев, М. Осоргин, В. Набоков ³² и многие другие. По ходу исследования, была выявлена несостоятельность понятийного аппарата, связанного с чувством природы, что и привело к актуализации термина «чувство природы», который объединяет мировоззренческий аспект понимания природы и ее чувственное восприятие, определяющее эмоционально-эстетический аспект, то есть характер ее художественного изображения. [Гурленова, 2001, с. 16]

Понятие «чувство природы» объединяет в себе интеллектуальный, мировоззренческий и эмоциональный аспекты. В искусстве «чувство природы» целостно, поскольку произведение воплощает порождаемое образом автора идейно-художественное восприятие природы. Для философии, эстетики, литературоведения, истории и теории живописи «чувство природы» также целостно. В этих областях науки «чувство природы» связано с онтологией, генезисом данного термина и отражением его в искусстве. Иногда один из аспектов (интеллектуальный или эстетический) в творчестве конкретного автора перевешивает, не вытесняя при этом другой [Гурленова, 1998, с. 3].

Интеллектуальный аспект представлений о природе превалирует в поэзии Ф.И. Тютчева, в XX веке у С. Клычкова, Л. Леонова, А. Платонова, Н. ³

Заболоцкого. Эстетический же аспект реализуется в пейзаже и преобладает в творчестве романтиков и реалистов, обладающих развитым чувством живописной формы (А. Серафимович, А. Веселый, А. Грин, А. Неверов, М. Шолохов). Есть также авторы, в чьих произведениях оба названных аспекта гармонично сочетаются друг с другом. Это присуще авторам, для которых тема природы была ведущей, например, для В. Арсеньева, М. Пришвина.

Понимание природы в терминологии прошлого века называлось, как правило, истолкованием природы или «мирозрением» [Бизе]. Так, А. Гумбольдт пишет о «знании природы» [Гумбольдт]. Наиболее часто употребляется темным «философия природы», ведь понятие «мировоззрение» неразрывно связана с философией. О собственно философской основе представлений данного писателя о природе – материалистической или идеалистической; об их религиозных корнях – языческих, христианских; о мировоззренческих установках – антропоцентристских или пантеистических; о научных подходах – механицистском (в терминологии В.И. Вернадского «физическом» [Вернадский, с.13-14]) или органическом («организмическом» [Гордиенко, с. 7], натуралистическом).

Эстетическое восприятие природы в свою очередь тесно связано с человеческой психикой, в том числе с подсознанием. В этой связи в науке появляются термины «переживание природы» и «психология чувства природы» [П. Флоренский, А. Бизе]. Во многом соглашаясь друг с другом, исследователи делают акцент на разности обстоятельств переживания природы. Данные представления являются актуальными для литературы рубежа XIX–XX веков и всего XX столетия.

В.Ф. Саводник считает, что «чувство природы теснее всего связано с эстетическими эмоциями» [Саводник, с.2]. Дж. Рескин признает преимущество морально-этического, нравственного аспекта: «зритель сознает, что он не только увидел новый пейзаж, но вступил в общение с новым человеком» [Рескин, с.

861]). П. Флоренский же ставит на первое место религиозно-ориентированные переживания человека. Мировоззренческий и эстетический аспекты «чувства природы» несомненно взаимосвязаны. Первый «теснейшим образом сочетается с теми или другими элементами душевной жизни, образуя весьма сложный ... комплекс, отдельные части которого находятся в состоянии внутреннего взаимодействия» [Саводник, с.1].

Л.В. Гурленова говорит о том, что понятие «чувство природы» сложилось в последней трети XIX века как универсальная категория, сочетающая в себе философские, социальные, эстетические представления о природе. Этот термин сформировался как обобщение предшествующих представлений о природе, месте в ней человека и формах отражения этого в эстетической системе. Исследователь убедительно показывает, что в российской науке это понятие воспринимается как особенность русского искусства, ведь и фольклор, и художественная литература отражают специфику эмоционального восприятия природы человеком, а также его умственные, мировоззренческие суждения.

С 1860-х годов одновременно с европейскими в отечественной науке публикуются исследования взаимоотношений природы и человека. В этих исследованиях понятие «чувство природы» все еще приводится без перевода, в немецком варианте «*naturgefühl*» (в частности, в работе А.Н. Веселовского «Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля» [Веселовский, с. 154]) [Гурленова, 1998, с. 5].

В данном контексте нельзя не упомянуть исследование Дэлина «*La Terre dans le Roman Russe*» (1887), в котором отражены наблюдения над темой природы (земли) в произведениях Д. Григоровича, Л. Толстого и др. [Delines], и книгу Е. Купффера «*Klima und Dichtung*» (1907), где описано отражение в поэзии влияния природы на национальное мироощущение [Kupffer, с. 10-11.].

Отечественное литературоведение активно касается обозначенной проблемы в XIX веке, особенно во второй его половине. Появляются серьезные философские, эстетические и историко-литературные труды ставится проблема понимания человеком природы, своего места в ней и отражения этого в искусстве. Однако понятие «чувство природы» в этих работах еще не используется. Речь идет об исследованиях Н.М. Карамзина, П.Я. Чаадаева, А.И. Герцена, В.Г. Белинского и Н.Г. Чернышевского.

Николай Михайлович Карамзин смотрит на отношения природы и человека с исторической точки зрения (в работах «О любви к отечеству и народной гордости»; 1802; «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре»; 1803 и др.). Такой же взгляд присущ и В.Г. Белинскому. Карамзин пишет, что природа формирует национальное мировоззрение и идентичность, а также физические возможности человека и его психологию. Автор пишет, что «яркое сияние солнца не произведет таких сладких чувств в его душе, как день сумрачный, как свист бури, как падение снега», что «в русском человеке действие «натуры» воспитывает смиренность» [Карамзин, с. 327, 329], а «благословение северных земель содействует его физическому и духовному здоровью»² («Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре»²; с.292, 294). Русские люди, по мнению Карамзина, для поселений и строительства монастырей и храмов выбирали особенно красивые места («Записка о московских достопамятностях»; с.318-320).

Согласно Карамзину, жизнь природы никак не связана с историческим аспектом развития человечества, она ценна сама по себе. В процессе освоения пространства человечество создает свою природную среду – культурную, которая не обладает природной мощью, нуждается в постоянном внимании, но при этом не менее прекрасна («Исторические воспоминания...»; с.291, 289).

П.Я. Чаадаев («Философические письма») рассматривает природу с позиции метафизики – как средство открытия законов «Верховной Силы». Чаадаев без сомнения говорит о том, что реальность природы объективна, в связи с чем гармонические отношения с ней человека крайне важны. Следовательно, познание природы становится неотъемлемой целью всякого разумного существа. Критике Чаадаева подвергается «механицизм». Характерно, что автор обращается к опыту философов античного мира, которые «толковали о подражании природе, о повиновении ей, о согласованности с ней» (Письмо третье) [Чаадаев, с. 53].

Воззрения на данную тему также высказывает А.И. Герцена в таких произведениях, как «Былое и думы», «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы». Автор коротко описывает историю натурфилософских представлений, анализирует статью И.В. Гете «Природа». в отличии от П.Я. Чаадаева и соглашаясь с Н.Г. Чернышевским, Герцен придаёт особое значение эстетическому моменту натурфилософской проблематики, акцентирует понятие гармонии как основы учения о красоте в природе и искусстве [Смирнова, с. 405].

Вслед за А. Гумбольдтом и Н.М. Карамзиным, В.Г. Белинский утверждает влияние природы на национальный характер и национальные эстетические предпочтения: огромность индийских зданий и статуй – отражение гигантской гималайской природы, а гармония природы Греции – залог соразмерности, гармонии и отсутствия крайностей, присущих грекам [Белинский. с. 9]. Кроме того, в искусстве отражается и религиозность взгляда на природу. Прекрасное же трактуется с философских позиций и обнаруживается в сущностных законах естественной среды: в движении и творении («Русская литература в 1841 году»), следовательно, природа прекрасна, но Белинский не проецирует на природу эстетические категории.

Н.Г. Чернышевский посвящает описываемой проблеме статьи «Антропологический принцип в философии» (1860) и «Эстетические отношения

искусства к действительности»² (1855) – вообще, наиболее существенный трактат в материалистической эстетике XIX века – и утверждает взаимозависимость всех явлений природы [Пантин, с. 35.]. Человека мыслитель признаёт частью мира природы, но способным на борьбу с ней для «важного дела» [Чернышевский, с. 97]. Прекрасное понимается как следствие единства человека и природы. Искусство понимается через такие качества, как пропорция, симметрия, гармония, которые признаются «всеобщими объективными соотношениями природы» [Квасова, с. 427].

А.Н. Афанасьев в фундаментальном труде 1865–1869 гг. «Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов»² (Кн.1–3) [Афанасьев] заложил основы понимания натурфилософских представлений многих писателей XIX–XX веков. Также в связи с описываемой проблематикой стоит назвать «Исторические очерки русской народной словесности и искусства»² (1861) Ф.И. Буслаева [Буслаев], «О некоторых символах в славянской народной поэзии»² (1860) и другие статьи А.А. Потебни [Потебня, с. 285-378; 530-552.], О погребальных обычаях языческих славян» (1868) А.А. Котляревского [Котляревский], «Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля»² (1898) и ряд других работ А.Н. Веселовского [Веселовский, с. 101-154.].

Также важны исследования И.Е. Забелина 1850–1870-х годов (глава «Московские сады в XVII столетии» в книге «Опыты изучения русских древностей и истории»; 1872—1873 [Забелин, с. 266-350]; глава о развитии темы природы в книге «Кунцево и древний Сетунский стан»; 1873) [Забелин]. Указанные работы подготовили включение понятия «чувство природы» в научный обиход.

В середине 1870-х отечественные учёные прямо обращаются к проблеме чувства природы. Здесь наиболее интересно исследование К.К. Арсеньева «Критические этюды по русской литературе»; 1840 и уже упоминавшаяся нами ранее работа В.Ф. Саводника «Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева»; 1911, где чувство природы осмысливается как формально-содержательная система, национальный колорит и историческая изменчивость впервые отмечены, подчёркивается индивидуальность чувства природы («...формы проявления чувства природы отличаются чрезвычайным разнообразием, видоизменяясь в зависимости от темперамента человека, общего склада характера и мирозерцания, преобладающих интересов, жизненных условий, воспитания, обстановки и т. д.» [Саводник, с. 1]), его связь с эстетическими переживаниями человека.

В 1910 г. И.И. Замотин впервые пробует осмыслить чувство природы в художественной литературе и описывает его эволюцию. В работе «Чувство природы и жизни и его понимание в русской художественной литературе XIX столетия» учёный указывает на чувство природы как средство характеристики персонажей, которое в том числе определяет отнесение текста к конкретному литературному направлению. Здесь впервые была предпринята попытка сформировать периодизацию развития русской литературы посредством осмысления специфики взаимодействия человека и природы. Работа продолжается в трудах С.В. Шувалова «Природа в творчестве Тургенева»; 1920 [Шувалов, с. 115-139] и А.И. Белецкого «В мастерской художника слова»; 1923 [Белецкий, с.13-111.].

На рубеже XIX–XX веков понятие «чувство природы» активно описывают философы, в том числе отечественные. Так, в 1889 году появилась статья Вл. Соловьева «Красота в природе» [Соловьев, с. 204-245], открывшая широкую дискуссию, где, вероятно, важнейшей была статья В.В. Розанова «Что выражает

собой красота природы?» (1895) [Розанов, с. 601-623]. Здесь обсуждались эстетические проблемы, заявленные в еще А. Гумбольдтом и Дж. Рескиным. История термина «смысл природы» и его сущность рассматриваются в работе П.А. Флоренского «Столп и утверждение истины» (1914), обнаруживающей перечень исследований чувства природы в культуре, науке и религии. Далее последовал ряд работ Н. Лосского, С. Булгакова, Л. Карсавина, осмысливающих роль человека в «тварном» мире. П.А. Флоренский вслед за Вл.А. Кожевниковым полагает, что «только с христианством явилось место для чувства природы» и человеческому обществу открылась мысль о земной жизни как тварном мире во главе с человеком» [Флоренский]. Эта идея, пишет С.С. Хоружий, стала основанием мысли «положительного всеединства» Вл. Соловьева, идеи «органического единства», «софийного» состояния мира, «обожения» живого и неживого природного мира П.А. Флоренского, С. Булгакова, Н. Лосского, Л. Карсавина [Хоружий, с. 35, 43-44], и, конечно, она стала основанием проповеди чувства целого, единства между всеми обитателями земли Н.Федорова [Федоров, с. 511, 111].

Таким образом, понятие «чувство природы» было масштабно осмыслено гуманитарными науками. На рубеже веков и в первые десятилетия XX века оно стало привлекать и ученых-естественников. Например, в работах 1890–1910-х годов Д.Н. Кайгородов – педагог, фенолог, орнитолог, профессор Лесного института, автор многочисленных научно-популярных трудов о природе и книги «П.И. Чайковский и природа» [Кайгородов] – ставил задачу воспитания чувства природы. Не случайно, В. Песков в очерке 1998 года «Холода и черемуха» заметил, что значение для русской «природоведческой» литературы труда А. Болотова «Письма о красоте натуры (природы)» [Песков, с. 17] значительно. К сожалению, забыто в названном аспекте творчество другого яркого ученого, переводчика книг А.Э. Брема, педагога, издателя и писателя,

которого сейчас знают, как правило, только по «Сказкам Кота Мурлыки», – Е.А. Елачича, который полагал необходимым как можно раньше разбудить в ребенке чувство природы (статьи по вопросам детского чтения; 1914; книги о жизни природы; 1905–1917) [Елачич]. Чувство природы условием физического и духовного здоровья понимал философ и ученый-натуралист Н.К. Рерих («К природе»; 1901; «Урбанизм»; 1935) [Рерих], о связи чувства природы и искусства размышлял биолог К.А. Тимирязев в статье «Фотография и чувство природы»; 1897.

Невозможно обойти вниманием В.И. Вернадского (работы 1920–1940-х годов по истории естествознания, геохимии, научного мировоззрения, о Гете как натуралисте, о биосфере и ноосфере) [Вернадский]. Существенно упомянуть работы А.Л. Чижевского о месте солнца и космоса в восприятии природы человеком, об отражении солнца в мифах и философии, о роли его в массовых движениях и во всемирно-историческом процессе («Земля в объятиях Солнца»; переиздана «Гелиотараксия», 1920-е гг.). Таким образом, закономерен вывод о широком распространении термина.

Важно, что критика 1920–1930-х гг. активно критиковала понятие «чувство природы», поскольку оно воспринималось как нечто устаревшее, идеологически вредное. Например, критика романа Вяч. Шишкова «Угрюм-река» Г. Мунблитом, Н. Горским, Ф. Бутенко, М. Майзелем; произведений С. Клычкова - О. Бескиным, Н. Бухариным; произведений М. Пришвина - А. Платоновым и т.д. Писателей с ярким чувством природы обвиняли в натуралистически-биологической трактовке явлений действительности, в пропаганде патриархальности, в утверждении бесплодности человеческих дерзаний, в нежелании отражать социалистическую современность и т.д. Задачей литературы того времени было создание образа человека-творца, строителя новой действительности и новой («второй») природы, которая должна была вытеснить из литературы «первую» природу и

нейтрализовать интерес читателей к ее восприятию. Пропагандировались идеи природоборчества, радикальный антропоцентризм. Именно поэтому Вал. Полянский (председатель Всероссийского совета Пролеткульта, известный пролетарский писатель, начальник Главлита), признавал лишь идеологическую функцию пейзажа [Полянский, с. 10]. Лефовцы отстаивали назначение искусства и считали пейзаж лишь композиционной составляющей, заполнением «пустоты между действиями» (В. Перцов [Перцов, с. 37]), часто отрицали его необходимость вообще (С. Третьяков [Третьяков, с. 255]). Чувство природы разрушалось и из формальных соображений: искусство, как полагал В. Шкловский, должно было давать «ощущение вещи, как видение, а не как узнавание», оно должно было следовать принципу «остранения» вещей [Шкловский, с. 12]; чувство природы художника оказывалось неважным в принципе.

Итак, в новой советской общественно-культурной ситуации процессы художественного отображения природы в литературе и исследование этого явления в научных трудах разошлись. В литературе тема природы, несмотря ни на что, сохранялась и активно развивалась, обогащаясь новыми идеями и художественными открытиями, в критических же исследованиях литературного процесса понятие «чувство природы» игнорировалось или представлялось как неблагонадежное по отношению к государственным интересам [Гурленова, с. 26].

Статья В. Кирпотина «Тема природы в “Тихом Доне” Шолохова»² (1946) была первым серьёзным исследованием после значительного перерыва. Автор принципиально поддержал тему природы в литературе, заявив, что отношение к природному миру, изображение его являются «важным моментом выявления мирозерцания художника»² [Кирпотин, с. 174]. В 1955 году опубликована содержательная в данном аспекте книга М.К. Азадовского «В.К. Арсеньев – путешественник и писатель: Опыт характеристики», в которой используется

термин «чутье природы», исследуются особенности научного и художественно-эмоционального восприятия писателем естественной среды [Азадовский].

Возникновение чувства природы могло идти двумя путями. С одной стороны, оно понималось как данное от рождения; в разных исследованиях оно именуется стихийным, бессознательным или органическим чувством. При этом важно, что оно связано и с чувственным восприятием мира, и с представлениями о природе (А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня, А.Н. Веселовский – о восприятии природы древними славянами [Афанасьев, Потебня, Веселовский], В.В. Розанов, В.Ф. Саводник). Во-вторых, чувство природы воспринималось частью культуры образованного человека вообще – в работах Альф. Бизе, Дж. Рескина – или элементом сознания человека, воспитанного культурой и идеями христианства, как в трудах Вл. Соловьева и П. Флоренского. Связь чувства природы и личности образованного человека в теоретических работах XIX–начала XX века, по мнению Т.Я. Гринфельд, привела к «отчуждению от народного» [Гринфельд, с. 7], что явилось одной из причин прохладного отношения к понятию «чувство природы» после революции».

В литературе 20-х годов XX века первая точка зрения реализовывалась в произведениях писателей крестьянской проблематики (С. Клычков, А. Неверов и др.). Вторая линия была актуализирована В. Арсеньевым, М. Пришвиным, П. Низовым, А. Яковлевым и другими писателями: образованность, культурность человека понимались ими как средство развития органического, данного от рождения чувства природы, как одно из главных условий гармонизации отношений человека и природы.

С 1960-х годов начинается новый период осмысления роли природы в литературе, появляются крупные научные изыскания. В.А. Никольский в монографии «Природа и человек в литературе XIX века (50–60-е гг.)» (1973) ² вскрывает зависимость отношения писателя к природе от его философских и

социальных убеждений, от общего понимания концепции человека; автор выявляет роль картин природы в художественном тексте, описывает структуру пейзажа, а также используемые средства выразительности. Никольский даёт классификацию видов природных описаний в художественном произведении, выделяя общие характеристики, характеристики конкретных состояний (местность, природа как арена действия), пейзажные штрихи и, наконец, природу как источник средств образной выразительности в словесном творчестве. Монография посвящена анализу взаимоотношений «человек и природа» в произведениях сентиментализма, романтизма и реализма. Исследователь предлагает целостный взгляд на произведение при анализе природных образов: «Судить об отношении писателя к природе можно, только исходя из понимания его произведения как художественного целого. Нельзя ограничиваться рамками узко поставленной проблемы, не прибегая к общим характеристикам литературных произведений, игнорируя литературную традицию» [Никольский, с. 4].⁶

Крупные исследования А.Ф. Бритикова «Мастерство Михаила Шолохова»; 1964, Е.Н. Купреяновой «Эстетика Л.Н. Толстого»; 1966, Г.Б. Курляндской «Художественный метод Тургенева-романиста»;³ 1972 посвящены анализу пейзажной живописи в творчестве наиболее значимых писателей XIX-XX веков, Купреянова, кроме того, рассматривает эволюцию литературного пейзажа от XVIII к XIX веку [Курляндская, с. 73-130].

80-е гг. XX в. дают рост интереса к экологической проблематике в литературе, поскольку, по верному замечанию Г.А. Белой, «антиномия “человек и природа” заняла большое место в проблематике современной литературы» [Белая, с. 123]. Тогда, как полагает А.И. Смирнова, общество в покорении природы достигает критической точки.⁶ «Человек становится жертвой собственных “завоеваний” и впервые не абстрактно, а вполне конкретно²

открывает для себя кровную и нерасторжимую связь с Матерью, породившей его» [Смирнова, с. 3]. Творческие поиски Ч. Айтматова, В. Астафьева, В. Белова, С. Залыгина, Е. Носова, В. Распутина, Г. Троепольского и др. говорят о том, что они «не вне природы, а как бы внутри ее» [Белая, с. 128], и ключевым в их размышлениях становится «чувство предельной слитности, общей судьбы» [Там же] с природой.

Тогда же появляются сборники научных статей, посвященных изучению пейзажа и теме взаимоотношений человека и природы: «Человек и природа в советской прозе» (Сыктывкар, Пермь; 1980), «Человек и природа в художественной прозе» (Сыктывкар, Пермь; 1981), «Пейзаж как развивающаяся форма воплощения авторской концепции» (М., 1984), «Художественное творчество. Вопросы комплексного изучения — 1986: Человек — природа — искусство» (Л., 1986) и др. Исследователей интересуют нравственные проблемы, обостряющиеся в связи с научно-техническим прогрессом: «Вопрос об отношении к природе, к родным местам — это и вопрос об отношении к Родине, это вопрос и о том, каков человек есть и каким он должен быть» [Андреев, с. 113].

Серьезный вклад в изучение функционирования темы природы в художественной литературе внесли Б. Галанов («Живопись словом»; 1974), И. Кузьмичев («Писатель Арсеньев: Личность и книги»; 1977), И. Страхов («Художественное мышление И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого в изображении пейзажей»; 1980), И. Эвентов (глава «Человек и природа в лирике С. Есенина» книги «Три поэта: В. Маяковский, Д. Бедный, С. Есенин»; 1980), Т. Гринфельд («Природа в художественном мире М.М. Пришвина»; 1989), С. Семенова («Преодоление трагедии»; 1989), Е. Яблоков («Художественное осмысление взаимоотношений природы и человека в советской литературе 20-30-х гг.»; 1990), А. Смирнова («Не то, что мните вы, природа»; 1995), коллективные исследования

“Художественное творчество. Вопросы комплексного изучения: Человек-природа-искусство” (1986), “Древнерусская литература. Изображение природы и человека” (1995) и “Чувство природы” в русской литературе” (1995). Нельзя не назвать также обобщающий труд В.А. Никольского «Природа и человек в русской литературе 19 века»; 1973 [Никольский], дающий представление о видах пейзажа и формах его существования в произведении. М.Н. Эпштейн в работе «Природа, мир, тайник вселенной...»; 1990 систематизирует образы природы, виды пейзажей в русской поэзии и художественные средства их создания [Эпштейн].

А.Ф. Бритиков применительно к текстам М. Шолохова, Г.Б. Курляндская о героях Л.Н. Толстого, И. Кузьмичев о произведениях В.К. Арсеньева, И.В. Страхов у И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого используют термин «чувство природы». Им же оперирует Т.Я. Гринфельд в исследованиях о творчестве М.М. Пришвина [Гринфельд, 1992] и подчёркивает, что понятие «чувство природы» многопланово: «Действенность “чувства природы” в литературе — в специфике его воплощения. Каждая эпоха видит и понимает природу по-своему, и различия в восприятии ее отражаются в закономерностях ее изображения. Диалектика взглядов на природу, типов ее художественного описания, знаменуют движение “века” в истории “природного” образа» [Гринфельд-Зингурс, 1989, с. 179].

Раскрывая специфику образного мышления М.М. Пришвина, автор подчёркивает антропоморфизм и описывает образы животных, анализирует способы воплощения образов природы. Кроме того, вводится понятие «самостоятельного» пейзажа, который занимает центральное место в пространстве художественного произведения; тогда «образ воспринимается как художественная цельность, со всей полнотой идейного смысла и композиционных возможностей» [Там же, с. 175]. Т.Я. Гринфельд-Зингурс обобщает: «объективно генетический аспект (от исконного до “городского”»,

“книжного”), биографический (истоки авторских впечатлений, контекст индивидуального восприятия), философский (материалистические взгляды или иные), социальноэтический (“строй ведущих идей” писателя), историко-литературный (традиции и отношение к ним), “чисто” эстетический (понимание прекрасного в природе, поэтика, школы и стиль, живописность)⁶ [Гринфельд-Зингурс, 1995, с. 8-9].

Другие ученые, не пользуясь данным понятием, всё же исследуют различные его аспекты.

Значимыми представляются исследование Е.Н. Купреяновой «Эстетика Л.Н. Толстого» (М.-Л., 1966), особенно глава «Человек и природа. Пейзаж Толстого»; работа В.А. Никольского «Природа и человек в русской литературе XIX века (50–60-е годы)» (Калинин, 1973); а также монография М.Н. Эпштейна «Природа, мир, тайник Вселенной. Система пейзажных образов в русской поэзии» (М., 1990).

Ряд исследований описывают пейзаж в пределах художественного направления или эпохи: статьи Н.Д. Кочетковой "Портрет и пейзаж в литературе русского сентиментализма"² (1986), В.Ю. Троицкого "Романтический пейзаж в русской прозе и живописи 20-30-х годов XIX века"² (1988); монография И.О. Шайтанова "Мыслящая муза. "Открытие природы" в поэзии XVIII века"² (М., 1989). После длительного перерыва в 1970-80-х гг. появляется исследование С.М. Соловьева "Изобразительные средства в творчестве Ф.М. Достоевского" (М., 1979), где есть глава о типах пейзажа; статьи Е. Юкиной и М. Эпштейна "Поэтика зимы" (1979), З.Г. Минц и Ю.М. Лотмана "Образы природных стихий в русской литературе (Пушкин — Достоевский — Блок)"² (1983), М.Б. Ямпольского "К символике водопада" (1987), М.П. Громова "Сады и степи Антона Чехова"² (1989).

Приведём трактовку понятия «чувство природы», предложенную В.С. Мананковым: ««Чувство природы» включает в себя как непосредственное переживание природы (созерцание, слушание, обоняние, осязание), так и более сложное ее постижение через эмоции и чувства, а также в ходе рефлексирования о законах мироздания (в натурфилософии и естественных науках)» [Мананков, с. 370]; кроме того, исследователь отмечает⁶, что тема природы сходно эволюционирует в русской и западной традициях [Там же], но имеет свою специфику в различных культурах и в разные периоды.

Н. В. Кожуховская в монографии «Эволюция чувства природы в русской прозе XIX века» (1995) пишет, что «чувство природы» наделено достаточной широтой и «включает в себя разнообразные аспекты, начиная от постановки натурфилософских проблем и кончая поэтикой пейзажа как выражением специфического видения природы» [Кожуховская, с. 6], а также указывает, что за последние два века образ природы из вспомогательного стал самостоятельным [Там же, с. 7]. В монографии описываются закрытый и открытый пейзаж, образы сада, дороги и степи в произведениях классиков русской литературы.

Л.В. Гурленова в монографии «Чувство природы в русской прозе 1920–1930-х гг.» (1998) понимает «чувство природы» как универсальную категорию, «синтезирующую философские, социальные, эстетические представления о природе»² [Гурленова, с. 4]; как явление, объединяющее в себе понимание красоты (мировоззренческий аспект) и «чувственное восприятие естественной среды, определяющее качества ее художественного изображения»² [Там же, с. 15].⁶ Исследователь подчёркивает важность изучения «художественной натурфилософии»: выбор материала для анализа, который определяется «значимостью в них темы природы» [Там же, с. 23], и писательских имен, ранее практически неизвестных читателям и специалистам. Другая, не менее значимая задача (после формирования системы воззрений каждого из выбранных

писателей и исследования поэтики художественной натурфилософии), — «обобщить важные моменты, сближающие писателей в их чувстве природы, и выделить типичные для литературной эпохи формы чувства природы, вскрыть идеи, разделяющие писателей, представив, таким образом, общую картину состояния проблемы»² [Там же].

Л. В. Гурленова выявляет три формы «положительного» отношения к природе: естественнонаучную (и тесно связанную с ней природозащитную проблематику и «идею сохранения многообразия форм природной жизни как условие устойчивости природного мира» [Там же, с. 172]); социальную и мифологическую. Немаловажным результатом исследования можно считать и то, что в монографии Л. В. Гурленовой мировоззренческое полотно эпохи «сплетается» из голосов отдельных писателей, а также отраженных (а зачастую, думается, и преломленных) в их произведениях философских и естественнонаучных идей.

М. Н. Эпштейн в монографии «Природа, мир, тайник вселенной»² (1990) рассматривает природные образы в русской поэзии XVII – XX вв. с точки зрения их национального своеобразия и отмечает, что «именно в природе поэт находит самый чистый источник своего вдохновения — минуя книги, знаки, мнения, условности»² [Эпштейн, с. 14]. Исследователь замечает и то, что язык философской науки, когда речь заходит о природе, становится скорее поэтическим («Поэзия, постигая сущность природных явлений, становится философской, а философия, постигая явленность природных сущностей, — поэтической»² [Там же, с. 20]), а это в совокупности с быстрым развитием естественных наук приводит к быстрому устареванию тех или иных значимых трудов. К сожалению, «поэтичность» языка и кажущаяся «старомодность» выводов иногда является препятствием для серьезного отношения к природной теме, поводом для упрека в «ненаучности». По словам М. Н. Эпштейна, место

натурфилософии в постижении природы на какое-то время занимает искусство и литература (как верно отмечает И. О. Шайтанов, о книге которого речь пойдет ниже, «поэты проговаривались о том, о чем предпочитали молчать ученые» [Шайтанов, с. 9]).

Продолжая мысль о необходимости постоянного поиска наиболее точных методов и терминов для исследования природных образов, мы не можем обойти вниманием монографию И. О. Шайтанова «Мыслящая муза» (1989). Западная поэзия XVIII в., невысоко оцениваемая на фоне романов того же периода, становится крайне значимой в контексте «открытия природы», которое характеризует процесс нового осмысления природы («Природа в своей вечной ценности для человека отнюдь не впервые предстала его сознанию, но, видимо, в каком-то новом качестве, с новым ощущением ее значимости»² [Там же, с. 8]). Полемизируя с Г. В. Аникиным, Шайтанов отмечает, что «открытие природы» в свое время «заставляло перестраиваться весь изобразительный ряд»² [Там же, с. 10], поскольку представляло собой новое отношение к миру, «процесс возрастающей осознанности, философской и эстетической рефлексии» [Там же, с. 14].

В ходе своего исследования Л.В. Гурленова приходит к следующим выводам: 1) понятие “чувство природы” приобрело актуальность в XIX веке в момент убыстрения развития человеческой цивилизации; осознание его помогало человеку понять свое место в мире, соответствующее изменившейся ситуации; оно широко отражено в русской литературе XIX и XX веков; 2) “чувство природы” осмыслено как понятие различными науками, оно содержательно, определено, имеет понятийную базу; 3) оно синтезирует спектры науки и искусства, философии и эстетики, точных и естественных наук, отражая свое широкое распространение и актуальность; 4) понятие “чувство природы” позволяет осуществить системное, комплексное исследование отражения в

литературе темы природы; введение данного понятия в активный научный оборот является насущной научной задачей. [Гурленова, 1998, с. 20]

Выявляя генезис и художественную трансформацию темы человек и природа, можно выделить четыре этапа историко-литературного процесса, с которыми связано зарождение и развитие экологической прозы. Первый — этап наиболее протяженный по времени, когда развитие темы «человек и природа» имеет философский, эстетический и нравственный аспект. Второй — этап развития натурфилософской прозы. Третий — этап перехода от натурфилософии к социальной проблематике, установление причинно-следственных связей, осмысливающих последствия антропоцентризма. Четвертый — этап, который в западных исследованиях называется экокритикой и в котором соединяются черты второго и третьего этапов развития экологической темы в отечественной литературе.

2. Натурфилософская литература в литературно-критическом

осмыслении

Практически каждая эпоха, экономическая или историческая формация корректировали отношения между человеком и природой. Соответственно, это сказывалось на натурфилософских концепциях, разрабатываемых писателями. Эстетические и этические взгляды авторов менялись в зависимости от общественной эпохи во всех странах.

Исследования, представленные в данном параграфе, основывались в основном на работах В.В. Дегтяревой, А. И. Смирновой и некоторых других.

В эпоху Античности натурфилософия была очень популярной дисциплиной. Уже в античности натурфилософия представляла собой «первую

историческую форму философии». [Соколов, с. 292-293] Длительное время она носила название «физиики» или «физиологии» и фактически была слита с естествознанием. В античной натурфилософии значительную роль играли космогония (учение о происхождении вселенной) и космология (учение о вселенной как едином связном целом). В ней главенствовала идея тождества микрокосмоса (под ним подразумевался человек) и макрокосмоса (под ней понималась природа). К идее тождества человека и природы часто обращались мыслители более поздних эпох. Так, Аристотель (384-322 гг. до н.э.) сформулировал основные принципы телеологии – учения о целесообразности и антропоморфизации природных процессов, которую уже затем Шеллинг развил в своей концепции «мировой души». Сам термин «натурфилософия» (*philosophia naturalis*) впервые применил римский философ-стоик Сенека (ок. 4 г. до н.э. – 65 г. н. э.) [Дегтярева, с. 31-32].

Затем она на длительное время практически исчезает из поля внимания философов, хотя отдельные элементы учения (некоторые положения Аристотеля, космологии, метафизики света) использовались в Средние века схоластами, например, в работах Фомы Аквинского (1225 или 1226-1274). Возрождение интереса к природе случилось в эпоху Возрождения, это, естественно, привело к очередному расцвету натурфилософии, которая в то время начала на последние естественнонаучные открытия Ренессанса. Натурфилософы выдвинули новые революционные идеи и концепции, в том числе положение о бесконечности природы и бесчисленности составляющих ее миров (авторы концепций Николай Кузанский (1401-1464) и Джордано Бруно (1548-1600)). К концу эпохи Возрождения, в XVII веке из натурфилософии выделяется несколько отраслей естествознания. Главные из них – это математика, механика, астрономия и т. д. Однако связь между ними все еще остается достаточно тесной. К XVIII веку

натурфилософия объединяет все существующие в те годы естественные науки и идей их энциклопедической общности. [Там же, с. 32]

Значительное влияние на русскую литературу и философию в то время оказали произведения Ж.-Ж.Руссо, прежде всего его «Рассуждения об искусствах и науках»² (1750) и роман «Новая Элоиза» (1761), который рассматривается как натурфилософский трактат.

На рубеже 18 и 19 века важным учением стало шеллингианство (на званное так по фамилии известного философа, Ф.В.Й. Шеллинга (1775-1854)). Именно благодаря его идеям в современном контексте актуализируется понятие натурфилософии как философского течения. Философ пытался постичь внутренние начала природы и сущность процесса ее постоянного саморазвития. Он видел в природе целостный организм, не разделенный на неорганическую и органическую сферы. Природа для него была организмом духовным, но бессознательным, она может «творить», но не мыслить. [Дегтярева, с. 7] Для Шеллинга природа также «не просто продукт непостижимого творения, но само это творение; не только явление или откровение вечного, но одновременно и само это вечное» [Шеллинг, 1987, т. 2, с. 51]. Уже в ранних своих работах философ указывает, что наивысшей степенью совершенства естествознания «было бы полное одухотворение всех законов природы» (т. 1, с. 233), и что «жизнь не есть свойство или продукт животной материи, напротив, материя есть продукт жизни [курс. Шеллинга]» (т. 1, с. 125). В своих ранних работах Шеллинг утверждал, что «все явления связаны единым абсолютным и необходимым законом»² (т. 1, с. 187). В более поздних трудах он разовьет свою раннюю мысль: «...всеобщий закон есть Бог, т.е. личность Бога»² (т. 2, с. 140). Этот закон, в частности, проявляется в том, что «отдельные вещи природы составляют не прерывный или уходящий в бесконечность ряд, а сплошную, возвращающуюся к²

самой себе цепь жизни, в которой каждое звено необходимо для целого, подобно тому, как и оно само ощущает целое» (т. 2, с. 46).

Таким образом, идея единства неорганической и органической природы, а также разумности и одухотворенности окружающего становится основополагающей для концепции Шеллинга. Шеллинг видел задачу натурфилософии в приведении «конструкции органических и неорганических продуктов к общему выражению» (т. 1, с. 212), а также показывал, что естествознанию, по его мнению, «присуща тенденция наделять природу разумом, именно в силу этой тенденции естествознание становится натурфилософией» (т. 1, с. 234). [Дегтярева, с. 41-42]

В других философских течениях 19 века, в частности, материалистических, тоже разрабатывали натурфилософскую проблематику. Так, важны мысли о натурфилософии Ф. Энгельса. Среди такого рода трудов исследователи обычно выделяют незавершенную «Диалектику природы». Подобная проблематика содержится в книге, написанной Фридрихом Энгельсом (1820-1895) «Анти-Дьюринг» в первом разделе, где дается историческая картина развития воззрений на природу. Энгельс завершил критику механицизма, начатую Шеллингом и в последствии именно немецкая философия оказала существенное влияние на развитие натурфилософских воззрений в России, а именно предложила метод систематизации представлений на природу, повлияла на методологию и обобщила знания о законах существования материи и диалектического развития природы.

Идеи Шеллинга вместе с натурфилософией все того же Гегеля (1770-1831), отрицавшего развитие природы во времени, были подвергнуты серьезной критике к первой половине XIX века. Последователи считали их абстрактными, спекулятивными и даже достойными осмеяния.

Позднее, на рубеже XIX-XX веков некоторые философы-идеалисты, Р. Авеналиус (1843-1896), Х. Дриш (1867-1941), В. Освальд (1853-1932) и др.) вернулись к идеям предшественников, и с помощью идейного наследия натурфилософов хотели «преодолеть <...> кризис новейшего естествознания» [Соколов, 3, с. 393]. В это же время к осмыслению природы и ее взаимоотношений с человеком обращается и отечественная религиозная мысль: философия Всеединства В.С. Соловьева (1853-1900), русский космизм Н.Ф. Федорова (1828-1903), «конкретная метафизика» П.А. Флоренского (1882-1937). Однако предложенная в ней интерпритация природы значительно отличается от шеллингианства и гегельянства. Несколько позже В.И. Вернадским (1863-1945) было разработано учение о биосфере и ее переходе в ноосферу. Элементы натурфилософии представлены и в философии жизни А. Бергсона (1859-1941).

В целом же в общественном и художественном сознании России идея натурфилософии проникает в XVII веке. До начала XIX века¹ в России природа оказывает сильное воздействие на формирование идейно эстетических взглядов русских писателей. Интерес к ней не уменьшается и в дальнейшем и остается одним из критериев оценки личности человека, постепенно обогащаясь деятельным началом, что приводит к нарастанию внимания положения человека в ней. [Смирнова, 2009, с. 4]

Эта тенденция изображения нравственно-эстетического воздействия природы на человека была продолжена в XX веке, что, по точному мнению исследователей, «генетически связано прежде всего с традициями отечественной классической литературы. Именно в творчестве А.С. Пушкина и И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова состоялось чрезвычайно важное не только для их современников, но и для потомков “открытие” нравственно-очищающего,

¹ К. Пигарев отмечает динамичность пейзажа в русской прозе и лирике середины XIX века, которое отсутствовало в предыдущие социокультурные эпохи.

облагораживающего, наконец, врачующего воздействия природы на человеческую душу»² [Черная, с. 118].

В XX веке научно-технический прогресс ускоряется и на фоне революционного переустройства мира мотив преобразования природы становится «ведущим и определяющим – вплоть до конца 50-х годов»² [Липин, с. 48]. Но такой мотив был доминирующим только до середины XX столетия. По словам Г.А. Белой, «можно с уверенностью сказать, что после длительного периода депозитизации природы наступила пора романтической ее идеализации, с одной стороны, и тревожных размышлений о грозящих ей опасностях – с другой» [Белая, с. 123].

Как пишет исследователь, тенденция разочарования в идее научно-технического прогресса нарастает вплоть до середины 1960-х гг. В это время «научно-технический оптимизм начал заметно уступать чувству всеобщей и серьезной обеспокоенности состоянием естественного окружения, претерпевшего усиливающийся прессинг прямых и побочных влияний человеческой деятельности» [Киселев, с. 8]. Человечество было вынуждено пересмотреть свое отношение к природе, что сразу нашло свое отражение в художественной литературе. В художественной литературе так называемой «деревенской» прозе актуализируется и находит свое отражение экологическая и нравственно-философская проблематика: «крестьяне, занимая традиционные ячейки общества, были его центром тяжести (его магнитом), общество было “неваляшкой” и экологических проблем у него не было. Выветривание крестьянской почвенности формирует идеологию переселенца, для которого земля, обычай, нравы всегда чужие»² [Гиренок, с. 11].

Литературоведы, занимавшиеся исследованием «природных» основ жизни, утверждают, что писатели не агитируют за уход «в природу», а ставят вопрос о решении органического развития общества и человека. «Отношения человека и

природы есть прежде всего вопрос об утраченной органической почве развития всех форм человеческой жизни», - отмечает Г.А. Белая. [Белая, с. 49–50].

Как отмечают исследователи, понятие «натурфилософская поэзия и проза» на данном историческом этапе прочно вошло в литературоведческий оборот. [Смирнова, 2009]

Несмотря на вышесказанное, в целом отношение к философии природы вплоть до конца XX века оставалось преимущественно негативным как среди исследователей-гуманитариев, так и среди естествоведов. Это было обусловлено господством социального, исторического и экзистенциально-личностного подходов в философии, разрывом между естественнонаучной и гуманитарной культурами и доминированием фрагментарного способа мышления. В нашей стране этому способствовал социологизм марксистского учения, которое выступало не только с критикой натурфилософии, но и с отрицанием ее возможности и актуальности как таковой. Существует мнение, согласно которому отказ от натурфилософии является одной из главных тенденций философии XX века. [Карпинская, 4, с. 73]

В конце прошлого столетия, когда стало очевидно, что человек «по масштабам своей созидательной и разрушительной деятельности становится величиной, вполне сопоставимой с геологическими процессами» [Ершов, 5, с. 75], возникла острая необходимость в реабилитации натурфилософии с опорой на традицию целостного подхода к природе и ее переосмысления в неразрывном единстве с философией человека. Исследователи подчеркивают, что «глобальный экологический кризис наших дней предстает не как результат какой-то единичной ошибки, неправильно выбранной стратегии технического или социального развития. Экологический кризис – это отражение глубинного кризиса культуры и цивилизации, свидетельствующее об исчерпании возможностей тех принципов на основе которых они формировались»

[Карпинская, 4, с. 226]. Своеобразной чертой формирующейся в настоящее время картины мира является ее плюралистичность, т.е. допущение возможности создания нескольких различных моделей природы. Данный принцип основывается на том, что «никакая общеприродная идея не способна вобрать в себя воссоздание современной наукой разнообразие онтологических представлений, не рискуя потерять сам смысл их существования» [Карпинская, 4, с. 92]. Возможностью объединения разнообразных представлений о природе и человеке обладает коэволюционный подход, рассматривающий сопряженные, взаимно адаптированные друг к другу системы и разрушающий стереотип природы как бесчеловечной борьбы за выживание. Идея коэволюции позволяет снять условное разграничение природы и культуры и рассматривать их неотделимые взаимопроникающие реальности, как это и было в натурфилософской традиции. Одновременно становится возможным и синтез представлений о взаимосвязях природы и человека, воплощенных в науке, религии, мифологии, искусстве, художественной литературе. Таким образом, как отмечают сторонники коэволюционной стратегии круг замыкается: глобальные проблемы были порождены культурой, и к культуре же мы обращаемся в поиске решения этих проблем [Карпинская, 4, с. 322].

В последние десятилетия термин «натурфилософия» снова входит в научный оборот, причем не только в работах философов, но и литературоведов. [Дегтярева, с. 31-35]. В частности, данная проблема рассматривалась в публикации С. Пискуновой и В. Пискунова «Между быть и не быть. Натурфилософский роман: опыт прочтения». В своей работе они указывают, что словосочетание «натурфилософская проза» появилось на страницах статей, посвященных современному литературному процессу, сравнительно недавно. Возможно, первым его использовал Ф. Кузнецов в 1976 году в рецензии на «Царь-рыбу» В. Астафьева: «Эта книга философской, вернее (если допустимо

переосмысление и осовременивание старинных терминов), натурфилософской, прозы...» [Кузнецов 1976, 7].). Тем не менее, оно успело прочно войти в аппарат критики, хотя границы и содержание понятия еще не вполне определены <...>. Натурфилософская проза в строгом значении слова может начаться только «после сказки», после «прощания с Матерью», когда мысль уже оторвалась от природы и, хотя страстно жаждет к природе вернуться, прежде должна выработать отношение к себе самой, научиться понимать себя, осознавать свои пределы и свои возможности [Пискунова, Пискунов, 1986, с. 238-239]

В 1960-1970-х годах появляются новые жанры в литературе, учитывая их тематический подход и специфику проблематики – «деревенская» и философско-этическая проза. Г. А. Белая писала: «Казавшаяся еще недавно локальной, зачислявшаяся по ведомству “деревенской” прозы, какой бы литературе она ни принадлежала, проблема матери-земли обнаружила свой онтологический смысл» [Белая, с. 143]. Наконец, такую прозу называли «лирико-философской» – термин использовали в попытке понять жанрово-родовое начало и стилевое своеобразие. В. Камянов обратил внимание на то, что «в рамках сегодняшней лирико-философской прозы действует своеобразный закон “освоения материи”. Мерой интенсивности чувства становится его способность переходить, перетекать в окружающую среду, сообщая ей ярко выраженные черты антропоморфности» [Камянов, с. 69].

При актуализации исследований на тему «чувства природы» и натурфилософия в 1980-е годы одним из первых исследователей Г.В. Филиппов выделяет три аспекта реализации этого явления: тематический, проблемно-философский и эстетический. [Филиппов, с. 11]. Также он рассматривает взаимодействия человека, природы и техники на примерах поэтического творчества Хлебникова, Есенина, Маяковского, Заболоцкого и приходит к выводу, что «в чистом виде „натурфилософская“ поэзия — явление чрезвычайно

редкое, а если поэт и ставил перед собой задачу решить художественными средствами проблемы материального и духовного пространства и времени и т.п. (как, например, Хлебников и Заболоцкий), он в конце концов приходил или к дидактизму, или к психологизму» [Филиппов, с. 206].

Экологический аспект осмысления и изображения природы под воздействием технического прогресса в художественной литературе проявляется спустя полвека, побуждая писателей обратиться к мифу и «вечным ценностям» (философия природы). Разносторонний и глубокий анализ данного вопроса представлен в работе А.И. Смирновой «Русская натурфилософская проза второй половины XX века». В своем исследовании она дает определение самому понятию «натурфилософия». По ее мнению, это «этимологический эквивалент философии природы, как совокупность философских попыток толковать и объяснять природу с целью познания связей и закономерностей явлений природы». [Смирнова, 2009, с. 10-11] Писатели-натурфилософы осмысливают экологические проблемы, сочетая «вечные» вопросы и неохристианские этические концепции. К числу отечественных писателей и поэтов натурфилософского плана автор работы относит большой ряд фамилий: Ф. Тютчева, С. Аксакова, Л. Толстого, Ф. Достоевского, М. Пришвина, К. Паустовского, А. Платонова, А. Грина, Л. Леонова, Н. Заболотского, С. Залыгина, В. Распутина, В. Астафьева, Ю. Кима и ряд других имен. Исследователь подчеркивает, что только в натурфилософской литературе взаимоотношения человека и природы «перерастают рамки проблемно-тематического уровня, превращаясь в концепт действительности, постигаемый лишь во всей целостности сюжетостроения» [Смирнова, 1995] Рассматривая прозу с позиции трех уровней: философия природы — мифология природы — эстетика природы и предлагая комплексный подход, Смирнова особое внимание уделяется мифу, который не только «свидетельствует о своеобразии народной этики, о характере

национального мироощущения», но и насыщает художественный образ символикой, «обуславливает богатый подтекст», а также «выполняет и структурообразующую функцию» [Смирнова, 1995, с. 39].

Являясь этимологическим эквивалентом «философии природы», «натурфилософская проза» объясняет связи и закономерности явлений природы, проявляясь в литературе наряду с другими темами, перерастая рамки проблемно-тематического уровня и превращаясь в концепт реальности, постигаемый лишь во всей формо-содержательной целостности произведения. [Смирнова, 2001, с. 5-6]

А.И. Смирнова выделяет следующие признаки «натурфилософской прозы»: Во-первых - это поиск онтологической и этической опоры в мифе на фоне изображения нестабильного существования мира.

Во-вторых – понимание человека как органической части космоса.

В-третьих – традиционный уклад и единство законов природы, порождающей человека, противопоставляются хаосу человеческой жизни.

В-четвертых, новизна мировосприятия, антропокосмизм мышления писателей реализуются не только в натурфилософской концепции, но и в системе образов, в сюжетно-композиционной структуре, в пространственно-временной организации произведений, в переосмыслении традиционных жанров, в поиске новых форм.

Таким образом, можно сказать словами автора, что «современная натурфилософская проза характеризуется синтезом разных жанровых и родовых начал, усложненностью художественной структуры, проявляющейся в особом хронотопе, в переплетении реально-достоверного и условно-символического планов повествования, в сфере авторского сознания». [Смирнова, 2001, с. 9-11]

Писатели второй половины XX века, обсуждая нравственные аспекты человеческой жизни и подчеркивая чувство неразрывного единства культуры и

природы, призывают к гармонии и изображают бесконечный круговорот жизни, целесообразность и "порядок" в природе, ее самоценность и красоту.

3. Экологическая проза: генетический код.

Термин «экология» в научный обиход ввел немецкий ученый Э. Геккель (1834-1919), который определял ее как науку об отношениях между растительным и животным миром с окружающей средой. В настоящее время этот термин используется в самых различных сочетаниях: экологическая культура, экологическая ниша, экологические проблемы и тд. Особое место в этом терминологическом ряду занимает понятие экологического сознания, которое используется практически во всех науках, исследующих особенности взаимодействий человека и природы.

Понятие экологического сознания в современной научной литературе определяется как способность человека понимать свою общность с природой и уметь согласовывать свои действия с ее ритмами.

Интерес к проблемам отношения человека и природы в русской литературе в последние десятилетия серьезно ослаб в связи с тем, что в стране сильно обострились социально-политическими и экономическими вопросами. Тем не менее, по нашему мнению, данные проблемы не перестали быть актуальными. По мнению, исследователей, вопрос об отношениях человека и природы превратился сегодня в вопрос о будущем земли и человечества. Писатель В. Астафьев так обозначил остроту современных экологических проблем: «Повидавши разгром природы на Урале, гибель деревни в средней России и наблюдая варварское, колониальное отношение к природе, земле и богатствам Великой, богатейшей страны под названием Сибирь, с горьким недоумением глядевший в погибшие воды рек Европы – Эльбы, Рейна, Сены, я никакого оптимизма насчет будущего земли высказать не могу, хотя и рад бы. По этой же причине не верю и в

мировую гармонию, тем более достижение ее посредством научно-технической революции». [Астафьев, с. 290] По мнению одного из основоположников экологической прозы С.П. Залыгина, «человечество подошло к тому пределу, за которым, если не будет пересмотрена вся наша жизнь в пользу сохранения природы, мы неизбежно должны будем погибнуть» [Залыгин, с. 106]

В XX веке периодически были популярны течения, которые пытались противостоять преклонению перед научно-техническим прогрессом. Мотивация такого противостояния в разное время и у разных деятелей науки и культуры была разной. Одним из главных представителей «антипрогрессистов», как представляется, был В.И. Вернадский, который разрабатывал идею о существовании «ноосферы». По мысли философа и ученого, ноосфера должна организовать и направить прогресс в сторону, прежде всего, самосохранения человека и человечества в целом. По Геккелю целью формирования экологической этики является переход или трансформация биосферы в ноосферу, что было созвучно идеям русских «космистов» Н. Федорову и К. Циолковскому.

В свою очередь, идею прогресса во имя «блаженства грядущих поколений» не признавал и философ Н. Бердяев: «Ничто “общее” не может утешить “индивидуальное” существо в его несчастной судьбе. Самый прогресс приемлем в том лишь случае, если он совершается не только для грядущих поколений, но и для меня». [Бердяев, с. 552]

Исследователь П.А. Гончаров в коллективной монографии «Природный человек» в русской прозе XX века отмечает, что изъяны прогресса (социального и технического) давно находятся в поле зрения для русских писателей. Даже в русской прозе начала XX века нарастает волна антитехнократизма. В литературе XX века она была реализована в жанре технократической и социальной антиутопии (Е. Замятин, М. Булгаков, А. Платонов, С. Залыгин). Появление так называемой «экологической» литературы с идеей самоценности природы в

середине XX столетия было реакцией на технический и социальный прогресс. [Гончаров, с. 4]

В рождении литературы этой темы и направленности сыграли свою роль преувеличение роли научно-технического прогресса в человеческой жизни. Источником и первопричиной сомнений в истинности идеи социального прогресса стали социокультурные катаклизмы, которые случались на протяжении первой половины XX века. Речь идет, прежде всего, о двух мировых войнах и революциях. К середине же века стало окончательно ясно, что не только человек, но и окружающая его природа может погибнуть под натиском социально-технического прогресса. [Там же, с. 4]

Как мы упоминали выше, такие писатели как А. Куприн, М. Пришвин, Е. Замятин, К. Паустовский, Л. Леонов и некоторые другие оказывали наиболее заметное противостояние в литературе 1900-1950-х годов идеям социального и технического прогресса, используя самые разные позиции и жанровые формы. [Там же, с. 4]

В этом плане интересна творческая эволюция Л. Леонова, на рубеже 20-30-х приветствовавшего одухотворение безлюдных северных лесов самым активным – в том числе и заводским, «комбинатовским» - человеческим присутствием в романе «Соть», а уже в начале 50-х годов выступившего в защиту покоряемого и униженного «зеленого друга» в романе «Русский лес». Естественно, трудно переоценить влияние на литературу и общественное мнение таких радетелей русской природы, как М. Пришвин и К. Паустовский. Однако роман «Русский лес» стал своеобразным символом национального сплочения. После его выхода в литературе завершился процесс, развивающий популярные идеи «покорения» природы в прозе 1930-1940-х годов (М. Шагинян – «Гидроцентральный», С. Маршак – «Война с Днепром», П. Павленко – «Пустыня» и другие). Кроме этого «Русский лес» породил особое литературное явление, впоследствии сформулированное С.

Залыгиным, после публикации в 1993 году «Экологического романа». Термин «экологическая проза» как в случае и с «деревенской» появится уже намного позднее рождения самой прозы. [Там же, с. 5]

В связи с малочисленностью найденных нами фундаментальных исследований обозначенной проблемы, обратимся к одному из наиболее подробных источников, отражающих экологически ориентированную специфику произведений «деревенской прозы», а именно – к книге Анны Разуваловой «Писатели-деревенщики».

Говоря о проблеме экологизма, Разувалова отмечает, что это вариант натурфилософии и тематический феномен, породивший особую поэтику, но на который стоит взглянуть под ⁴² «иным углом – как на легитимную форму консервативного высказывания в культуре «долгих 1970-х», высказывания, претендовавшего на действительную защиту «живого» и «естественного» от опасностей научно-технического прогресса» ² [Разувалова, с. 275]. Произведения 1970-х годов, посвященные экологической проблематике, которая оказалась выражением общего для мировой литературы стремлением к «новому синтезу локальности и универсальности» ² [Белая, с. 50] и признавалась литературоведами как пик развития «деревенской» прозы.

Тема «человек и природа» в «деревенской прозе» одними авторами обозначалась, как «экологическая», другими как «натурфилософская» Литературоведческие исследования темы «природа и человек» в «деревенской прозе» отличались самым способом обозначения проблемы: одни авторы говорили об «экологизме», другие – о «натурфилософской проблематике». «Экологическая проза» имела «утилитарный» аспект, а художественными целями «натурфилософской прозы» были: «постижением того сокровенного смысла, что заключен в связи человека с живым миром окрест его» [Пискунова, Пискунов, с. 13].

Разувалова отмечает, что «деревенщиков» волновали проблемы разрушения экосистем, уничтожение лесов, истощение почвы, браконьерство. Они утверждали, что государство не справляется, а за этим всем стоит моральный процесс «нравственной деградации» человека». [Разувалова, с. 277-278]

Природоохранная проблематика, помещенная в геокультурный и социальный контекст, сохраняя свой символично-метафорический потенциал, зачастую принимала характер противодействия антиэкологичным решениям, принимаемым государством. Ученый-эколог в 19970-х годах в обществе являл образец знания и нравственности, обладал повышенной моральной чуткостью и в общественном сознании заменил популярного физика. Один из участников обсуждения «Царь-рыбы» В. Астафьев сожалел, что писатель не создал нового персонажа – совершающего «акт гражданского и человеческого мужества» «молодого ученого, который уходит... из физики в экологию». [Разувалова, с. 278]

Общественные выступления «деревенщиков» с экологическими инициативами были важным шагом в формировании гражданского активизма. В конце 1950-х – 1960-х будущие «деревенщики» (Б. Можяев, С. Залыгин) создают свою «практически ориентированную» публицистику, которая пока только отражала их персональную позицию и не была в сознании читателей точкой зрения какой-либо оформленной интеллектуальной группы.

«Неопочвенники» полагали, что природа и «местообитание» - это и есть те «корни», обеспечивающие связь между поколениями. Поэтому у них проблемы природно-исторического ландшафта вызывали страх потери национальной идентичности.

Экологические манифесты «деревенской прозы» – повесть В. Распутина «Прощание с Матерой» (1976) и астафьевское повествование в рассказах «Царь-рыба» (1975–1977) фокусировали внимание на опасностях научно-технического прогресса, сопровождавшегося уничтожением «первозданного». В 1990-е годы

«Прощание с Матерой» уже воспринималось читателями как рубежное для советской литературы произведение, автору которого удалось обозначить тупик преобразовательской деятельности в отношении природы, памяти и культурной традиции. [Варламов, с. 71]

Экологические идеи «деревенщиков» определялись не через выделение человека из «природного», а через слияние с ним и человек в этой связи находился в подчиненном положении и разрушение связи с природой и животными грозило бы ему эмоциональной примитивизацией и перерождением. [Разувалова, с. 289].

Следуя за «новокрестьянскими» поэтами и Сергеем Есениным, «деревенщики» трансформировали «романтическое неприятие «машины» в сюжетику «исчезновения». Элегически окрашенные часто поучительные истории об утрате природной первозданности, крестьянского уклада, отсутствием животного мира – все это расценивались как проявление консервативного неприятия современности. [Разувалова, с. 290].

Позитивного образа у «деревенской прозы» не было. Проект технократического общества, предлагаемый учеными и футурологами, казался пугающим. Для них оставалась только «боль» оттесненных на социальную периферию, о которой они и предпочитали говорить, лишены того, что структурировало их прежнюю идентичность. [Разувалова, 294]

Ссылаясь на Д. Вайнера, Разувалова пишет, что, с точки зрения исследователя, в СССР второй половины XX века существовало не одно экологическое движение, а несколько: «по своим установкам они различались, но были способны кооперироваться для решения ключевых природоохранных проблем (например, защиты сибирского кедра, озера Байкал или противодействия проекту поворота северных рек) [Weiner, с. 339]. «Деревенщиков», конечно, следует отнести к консервативной части экологического движения, хотя более

или менее тонкие различия в понимании причин экологических проблем и ракурсе их подачи были характерны не только для традиционно оппонировавших друг другу «демократов» и «неопочвенников», но и для сообщества «деревенщиков», которое со стороны воспринималось как более или менее единое»² [Разувалова, с. 308].

Толкование экологической проблематики как особого типа коммуникации «природного» человека (крестьянина) с природным миром мифологизировалось и преподносилось как утраченный идеал гармонии приспособления к природной и социальной реальности крестьянской жизни.

Обращаясь к повести В. Распутина «Прощание с Матерой», вызвавшей широкий отклик и критику и разобранной на цитаты, Разувалова называет ее «наиболее интересным опытом интегрирования экологического дискурса в традиционалистские культурно-философские построения». После публикации популярность повести в середине 1970-х была крайне высока и соответствовала тенденциям, связанным со взаимоотношениями человека и природы, а также оказавшись в центре публичного экологического дискурса. [Разувалова, с. 329]

В. Распутин, придав сюжету своей повести притчеобразный характер, сделал свою повесть философской, ставящей вопросы о границах и нравственных пределах прогресса, соотнеся строительство ГЭС с разрушением традиционного «природного» мира. По словам Александра Большева «Прощание с Матерой» отличалась от произведений В. Астафьева, В. Белова, С. Залыгина, В. Солоухина программностью и апокалиптическим пафосом, расширяя смысл происходящего до судьбы всей земли. [Разувалова, с. 329-330]

Распутин нашел эстетически убедительный и при этом бесспорный для цензуры повествовательный ракурс, что позволило ему предложить связную антимодернистскую концепцию тотальной деградации человечества, идущей по пути прогресса: «Фабулу он построил вокруг экстремальной и провоцирующей

на смелые мифологические параллели ситуации затопления Матеры (деревня семиотически изоморфна традиционному обществу), а убедительность основополагающей для повести консервативной риторики усилил, передав право развернутого высказывания страдающей стороне – старухе Дарье и ее односельчанам» [Там же, с. 330].

В основу историософской концепции повести Распутин положил разрушение прежнего природного, социального, культурного порядка, которое влечет за собой утраты ни с чем не сопоставимого масштаба, отказавшись от исторического антуража при исследовании уничтожения традиционного мира, в отличии от литературы 1960-х годов, в которой писатели обращались к событиям коллективизации и массового исхода из села («На Иртыше» Залыгина, повести и рассказы Ф. Абрамова, «Привычное дело» Белова, рассказы Шукшина). [Разувалова, с. 332-333]

Пережив подъем во второй половине 80-х, экологическое движение в начале 90-х пошло на спад. «Деревенщики», лидерами которых были Залыгин, Распутин, Белов, Астафьев активно создавали экологические организации, выступали в печати. Они были полны сил и решимости отстаивать и защищать природоохранные принципы, которые казались им тогда прекрасной возможностью гражданского оздоровления общества. [Разувалова, с. 345-346]

Но казавшиеся перспективы перемен к лучшему потерпели крах уже в 1994 году, о чем свидетельствовал Залыгин, оставив все надежды на создание общегражданского экологического движения. «Экологическая проблематика из прозы «деревенщиков» на рубеже 1980 – 1990-х практически полностью перекочевывает в публицистику, где дискурс внутренней колонизации переплетается с антиколониальным дискурсом. В наибольшей мере это касается статей В. Астафьева и В. Распутина, переосмысливших областнические идеи

применительно к современной ситуации на близком им сибирском материале» [Разувалова, с. 346].

В 1990-е годы экологическая проблематика окончательно выбывает из негласного перечня острых, интеллектуально модных тем. Разувалова объясняет это тем, «деревенщики» стали более агрессивными, более резкими в своих этнофобских высказываниях, но при этом продолжавшими утверждать идею постепенного «органического» развития. [Разувалова, с. 347]

Все это в глазах большей части интеллигенции выглядело устаревшей, неэффективной и непродуктивной стратегией развития. «Деревенщики» же наоборот в реформах 1980-х-1990-х увидели осуществление самых мрачных пророчеств в пользу апокалиптического видения происходящих событий, об утрате Россией не только национальной идентичности, но и самостоятельности в качестве субъекта геополитики, что еще больше укрепило их во мнении о том, насколько сильны моральные и интеллектуальные заблуждения, овладевшие обществом и способствовало возникновению радикализма их идеологической позиции. [Разувалова, с. 348]

В 1990-е – начале 2000-х годов «деревенщики» продолжали говорить о понесенных русским народом потерях. В современной ситуации усматривали попытки скрытых и явных врагов погубить Россию и сосредоточили свое внимание на причинах и обстоятельствах «русской трагедии». Громко заявляли об «одурманенности» русского народа, иссякновении у него сил и полного отсутствия ожидаемой консолидации национального сообщества. «Со временем публицистика «деревенщиков» стала своего рода рефлексией фундаментальных утрат, обнаруживаемых не только в существовании советского опыта, но и в опыте современного человека, причем средством артикуляции новых философско-идеологических смыслов осталась все та же природно-экологическая метафорика» [Разувалова]. В.П. Астафьев, например, не признавал советский

опыт, не имеющий аналогов по степени экстремального напряжения, и напоминал о тотальном разрушении большевиками «природных» оснований бытия. [Разувалова, с. 349]

Итак, под экологической прозой мы понимаем тематическое единство ряда произведений, возникших в русской литературе в 70-е годы XX века, содержащих развитие темы/мотива «человек и природа» в социально-нравственном, экологическом аспекте. Экологическая проза выходит за рамки романтической идеализации нетронутой природы, эстетизации пейзажа, лирико-философских интенций, изображает негативные последствия научно-технического прогресса и нарушения биологического равновесия, моральных, юридических норм, что обусловило наличие в литературе публицистических элементов и особого рода дидактизма.

В фокусе проблем литературы, посвященной экологии в разных ее проявлениях находятся не только проблемы отношения между человеком и природой, человеком и человеком, человеком и обществом, но и отношения человека с самим собой. Кризис природной и социальной экологии, по мнению современных экологов, проникает в духовную экологию, приводя человека к потере веры, унижению его духа, к отчуждению от самого себя. Также ухудшение духовной экологии неизбежно усугубляет экологический кризис на природном и социальном уровнях. [Инь Цзецзе, с. 88]

Появление в культуре такого феномена, как экологическая литература, говорит о стремлении осмыслить проблемы, возникающие во взаимоотношениях человека с природой, раскрыть роль человека в природном мире.

4. Экокритика: зарубежные исследования темы «человек и природа».

В XXI веке внимание к экологической культуре, экософии и экологической литературе значительно повысилось. Это связано, прежде всего, с

необходимостью пересмотра потребительского подхода к природным ресурсам и поиском вариантов гармоничного взаимодействия человека и природы.

Появление феномена экологической литературы говорит о том, что человечество стремится понять проблемы, возникающие в контакте природы и человека. Сегодня экологическая литература является одним из факторов развития экологической культуры в целом. Однако некоторые аспекты проблемы до сих пор остаются неизученными. Невзирая на немалое количество исследований, посвящённых изучению экологической литературы, терминологическая база работ не точная и не единообразная. Также, серьёзного научного осмысления требует особый феномен, играющий важнейшую роль в осмыслении человеком своего места в природе, – это экософская культура.

В нашем исследовании мы будем опираться в основном на работы С.В. Гречишкиной и М. Перкиёмяки.

В своей работе, посвященной исследованию формирования и развития экосовской культуры в США, С.В. Гречишкина обращает внимание на то, что многие российские и американские исследователи говорят о сохранении в западных странах антропоцентрической парадигмы, затрудняющей процесс распространение экологически ориентированных ценностей. Профессор М. Ю. Шишин говорит о кризисе техногенно-потребительской модели существования, господствовавшей на протяжении многих веков и ярко проявившей себя в развитых странах Запада [Шишин]. Л. А. Беркунова утверждает, что «система ценностей и жизненных смыслов, присущих западному варианту развития, включает в качестве базовых понимание человека как деятельностного существа, противостоящего природе, главное предназначение которого – ИЗМЕНЯТЬ природу, подчинять её своей власти» [Беркунова, с. 9]. Профессор Д. Дж. Пейн указывает, что вместо стремления к гармоничному взаимодействию с

окружающей средой многие американцы до сих пор воспринимают ее как бездонный источник ресурсов [Рауне, с. 2].

В научной литературе утвердилось мнение, что экологическое сознание может быть антропоцентрическим и эгоцентрическим. С. Д. Дерябо и В. А. Ясвин, выделяя признаки, присущие данным типам, указывают, что антропоцентрический тип видит целью взаимодействия с природой «удовлетворение тех или иных прагматических потребностей», а эгоцентрический – «оптимальное удовлетворение как потребностей человека, так и потребностей всего природного сообщества» [Там же, с. 91]. С точки зрения исследователей, в развитии нуждается именно второй тип экологического сознания.

Понятие «эколитература» еще не зафиксировано в словарях, хотя находится в научном обороте довольно давно. В России экологическая литература является областью малоизученной, и работ, посвященных ее анализу, крайне мало. Среди немногочисленных исследований отечественных ученых, посвященных этой теме, необходимо обозначить работы Е. А. Стеценко, А. А. Грякалова и О. А. Судленковой. В зарубежной науке следует назвать труды Л. Бьюэлла, Ч. Глотфелти, Т. Марана, П. Д. Мёрфи, С. Словика и др. Экологическая литература упоминается Е. А. Стеценко в издании «История литературы США» [Стеценко, с. 10-29], а также А. А. Грякаловым в ряде статей и выступлений [Грякалов, 77-82]. Оба исследователя обозначают экологическую литературу как неотъемлемую часть современности.

Для того, чтобы дать определение понятию «экологическая литература» и определить его характерные особенности, необходимо сравнить его с такими терминами, как «литература об окружающей среде», «натурфилософская литература», «экофилософская литература».

М. Перкиёмяки отмечает, экокритика является одним из современных способов исследования литературы, который используется западными учеными в течение последних 10–15 лет. В российских исследованиях этот метод используется недостаточно активно. Объектами исследования экокритики могут быть литературные тексты или, например, фильмы, телесериалы, государственные отчеты, документальные фильмы о природе и т. п. В экокритике важно, какие смыслы придаются природе как объекту художественного изображения и как они влияют на отношение человека к природе. Как правило, экокритика имеет политически активный характер. У экокритики — очевидный «зеленый» фон. [Lahtinen, Lehtimäki, 2008, с. 8] Как метод она стремится открыть, что означает жить «с землей», а не только на ней. Точка зрения экокритики является не антропоцентрической, а биоцентрической. Это значит, что в центре исследования находится не человек, а вся биосфера. [Bertens, с. 200–203]

Лоуренс Буэлл [Buell, с. 7–8] предложил критерии, позволяющие понять, какой текст считается «экологическим», что, согласно Буэллу, значит текст, «охраняющий» окружающую среду, или текст, относящийся к окружающей среде или направленный на нее.

Истоки экокритики лежат в 1962 г. Именно тогда американка Рейчел Карсон опубликовала роман «Безмолвная весна», посвященный вредному действию пестицидов, особенно ДДТ, на живые организмы. [Lahtinen, Lehtimäki, 2008, с. 7] Этот роман спровоцировал появление серьезного экологического движения в США и других западных странах, которое в начале 90-х гг. XX века сформировало методы исследования литературы, которые сегодня объединены термином «экокритика» [Bertens, с. 200].

Первой экокритической статьей считается работа Уильяма Рукерта 1978 года «Литература и экология: эксперимент в экокритике». В ней Рукерт предложил термин «экокритика», обозначив тему статьи как «вопрос о том, как

чтение, обучение и суждение о литературе могут творчески функционировать в биосфере, наконец, о биосферном очищении, спасении от человеческого вмешательства и здоровье». [Rueckert, с. 112]

Ч. Глотфелти пишет о том, что изучение эколитературы началось в середине 80-х гг. XX в. [Glotfelty, 1996]. В 1985 г. Фредерик О. Вааге издал пособие «Эколитература: материалы, методы, источники», где девятнадцать ученых опубликовали результаты изучения литературных текстов с точки зрения поиска решений проблемы состояния окружающей среды. 1985 год можно считать годом возникновения термина «эколитература».

В 1989 году Алисия Нитецки издает «Вестник американской нехудожественной литературы о природе»,² публикуются краткие эссе, рецензии, статьи об окружающей среде. Материалы по эколитературе выходят в признанных литературных журналах.

Примерно в это же время на научных конференциях начинают появляться отдельные секции, посвящённые изучению эколитературы. В 1991 г. на одной из конференций Ассоциации изучения современного языка вела работу секция по изучению американской эколитературы. В 1992 г. была организована Ассоциация изучения литературы и окружающей среды, деятельность которой была направлена на изучение проблем взаимоотношения человека и природы [Glotfelty, 1996].

Высокий интерес аудитории к эколитературе связан с попыткой поиска основ устойчивого, экологически рационального существования людей в мире. Ведущими экокритиками в США на данный момент являются С. Словик, Л. Бьюэлл, Г. Лав, П. Мёрфи и Ч. Глотфелти. Наиболее удачно суть экокритики выражена редакторами книги «Понятие «природа» в литературоведении и культурологии»² (Nature in Literature and Cultural Studies). Ученые К. Герсдорф и С. Майер уверены, что экокритика помогает пересмотреть процесс

концептуализации природы, способы метафоризации природы в литературе и культуре в целом, функции конструкторов природы, а также эффект, который данные конструкторы могут иметь на тело человека и среду его обитания [Gersdorf, с. 10].

Несмотря на множество работ экокритиков в зарубежном литературоведении, терминологическая база исследований остаётся довольно расплывчатой. Основные термины все еще вызывают дискуссии в научной среде. Самые распространенные из них – это «литература об окружающей среде» (environmental literature), «экологическая литература» (ecological literature) и «документальная литература о природе» (nature writing).

Профессор С. Словик, используя термин «environmental literature», подчёркивает, что речь в подобных произведениях идёт о связи человека с окружающей средой [Slovic, с. 288]. Австралийский писатель М. Трединник называет этот же вид литературы «place-based literature», указывая на важнейшую роль места проживания человека [Tredinnick]. П. Мёрфи использует, на наш взгляд, наиболее удачный из трёх терминов – «nature-oriented literature» [Murphy, 2009], подразумевающий, что человек приближается к природе, становится ее частью. Также есть и другие обозначения литературы, сфокусированной на вопросах взаимодействия человека с природой, такие как «green writing» и «landscape writing».

Не всегда ясно, что именно исследователи имеют в виду под термином «nature writing». Этот термин можно буквально перевести на русский язык как «письменные произведения о природе». Американская исследовательница Д. Филлипс отмечает, что в работах экокритиков нет чёткого понимания, что представляет собой этот вид литературы. Однако она делает вывод, что под этим термином «они обычно имеют в виду документальное прозаическое эссе, в

котором автор от первого лица рассказывает о своих попытках установить эмоциональную связь с природным миром» [Phillips, с. 185].

Ранее, как указывает Снайдер, этот вид литературы включал в себя антропоцентричные эссе [Snyder, с. 163]. Как утверждает Х. Криммел, в данной литературе всегда существовали такие образы природы, как звери, реки, горы и травы, однако ранее они были частью пейзажа [Crimmel, с. 369]. Снайдер также отмечает, что природа в более ранней литературе представляла собой фон, а тема отношения человека к природе в произведениях не являлась центральной [Snyder, с. 165].

М. Трединник в предисловии к собранию эссе австралийских и американских авторов, задается вопросом, почему, в отличие от США, где имеется большой корпус документальной «литературы места», в Австралии такая литература почти отсутствует. По его мнению, сама реальность Австралии не предполагала возникновения никаких высоких чувств, поэтому вместо в стране получило распространение скорее дидактическое личное эссе [Tredinnik, с. 40].

Усиленное внимание исследователей уже долгое время приковано к фигуре Генри Дэвиду Торо, чей талант действительно нельзя не заметить. Что показательно, о его творчестве пишут и российские литературоведы. В 2008 г., например, появилась диссертация «Художественное своеобразие натурфилософской эссеистики Генри Дэвида Торо» С. Ю. Соломатиной. Автор диссертации указывает, что никто «не раскрыл так глубоко необходимость для нормального развития каждого человека формирования у него потребности в творческом диалоге с природой, как американский мыслитель-трансценденталист Торо» [Соломатина, с. 7]¹⁸. Многие исследователи считают произведения Г. Д. Торо образцом документальной эколитературы, отмечая, что «Уолден» остаётся единственной полудокументальной работой, которая входит в канон англоязычной эколитературы» [Clark, с. 27]. Утверждается, что Торо заложил

традиции эколитературы, сочетающей элементы автобиографии, научного трактата с элементами травелога [Там же, с. 28].

Снайдер предлагает расширить понимание термина «nature writing». Если обратиться к его эссе «Неестественная литература», то становится понятно, что в его понимании это вид литературы, охватывающий как прозаические, так и поэтические жанры произведений о природе [Snyder, с. 165]. С точки зрения исследователя, искусство должно быть встроено в контекст природных процессов. Предметом произведений новой литературы о природе должен стать незнакомый мир, имеющий интегративную сущность [Там же, с. 168-169]. Литература о природе, или литература природы, по выражению Снайдера, может стать самой жизненно важной, радикальной, подвижной, переходящей границы различных жанров, заставляющей совершить нравственный выбор и помочь предотвратить исчезновение животного и растительного миров и полное уничтожение отдельных видов живых существ [Там же, с. 171].

Возвращаясь к вопросу терминологии, стоит отметить, что определение «эколитература» не встретилось ни в одном из доступных нам русскоязычных словарей. В зарубежных источниках значение «научная литература по экологии» встречается довольно часто. Также термин «эколитература» употребляется в значении «совокупность художественных и нехудожественных произведений, в которых автор делает акцент на взаимодействии человека с его окружающей средой». Именно так понимает эколитературу профессор Н. А. Высоцкая в статье «Транскультура или культура в транс», которая появилась в журнале «Вопросы литературы» в 2004 г. В статье, которая посвященной проблемам глобализации, говорится о важности эколитературы и экокритики в деле объединения людей идеями планетаризма и важности укрепления связей с планетой. Характеризуя эколитературу и экокритику, Высоцкая пишет, что данные категории принимают «различные формы – от возвращения к многовековому опыту человечества,

которое изначально складывало мифы-сказания-тексты о природе, до формулирования новых теорий и внедрения в литературоведение научного и терминологического аппарата биологии и физики» [Высоцкая, 2004].

Американский экокритик Л. Бьюэлл отмечает, что окружающая среда является активным действующим лицом в эколитературе [Buell, 2009 с. 51]. В документальной эколитературе автор, как правило, изображает события правдиво, точно и связно, следуя стилю научных работ. С другой стороны, автор старается добиться простоты и лёгкости.

Лоуренс Буэлл задается вопросом о том, какой текст считается относящимся к окружающей среде. Он использует термин «Environmental Text», который можно дословно перевести как «экологический текст». Это значит текст, «охраняющий» окружающую среду, или текст, относящийся к окружающей среде, или текст, направленный, ориентированный на окружающую среду. Ученый выделяет четыре пункта относительно экологических текстов и поясняет их значения примерами из английской и американской литературы:

1. «Нечеловеческая» среда напоминает читателю о соединении природной и человеческой истории.
2. Человеческий интерес не понимается как единственно справедливый интерес.
3. Ответственность человека за природу является частью этики текста.
4. Текст представляет, хотя бы имплицитно, понятие о природе как о процессе, а не как о чем-то неизменном или данном [Buell, 1995, с. 7–8]

Термин «эколитература» в чем-то совпадает по значению с используемым в российской науке термином «натурфилософская литература».

Прежде, чем говорить о различиях натурфилософской и экологической литератур, обратимся к понятиям философской поэзии и прозы. Профессор А. Э. Еремеев отмечает тот факт, что предмет философской прозы охватывает способы

мышления о мире [Еремеев, с. 19-23]. Похожие выводы о сущности философской литературы делает Спивак. Она говорит о том, что структурообразующим критерием философской лирики является «предмет художественного изображения, в качестве которого выступают родовые, сущностные особенности сознания человека» [Спивак, с. 6]. Таким образом, главной отличительной чертой всей философской литературы, как прозы, так и поэзии, можно считать «тенденцию осмысления действительности, т.е. восприятия её под углом общезначимого, всеобщего».

Существует различие между натурфилософией и экологической философией, которая лежит в основе экологической литературы. Одна из характерных черт эколитературы - скептицизм экологов по поводу рациональности человека.

В эколитературе можно выделить экософские произведения, которые, изображают способы мышления о мире и человеке и отличаются «восприятием действительности под углом всеобщего». Под экософией А. Нейс понимал цельный взгляд, личную философию жизни, экологическую мудрость [Naess, с. 107]. Художественное сознание окружающего мира меняется согласно внешним условиям. Появляются экософские произведения, где превалирует интерес к этическому контексту взаимоотношений человека с миром.

Если сравнить натурфилософскую литературу с экософской, то можно отметить, что им присущи некоторые схожие черты, что говорит об общей мировоззренческой и философской направленности. Черты натурфилософской прозы достаточно подробно раскрыты Смирновой. Среди специфических она выделяет важную для натурфилософской литературы образную систему, пространственно-временную организацию, сюжетно-композиционную структуру [Смирнова, 2001, с. 10]. Эти особенности можно отнести и к экософской литературе.

Авторы эконофских текстов в целом признают плюралистичность мира, допускают различные интерпретации связей между вещами, отказываются от линейного детерминизма. Человек представляется не центром, а лишь частью вселенной. Как отмечает Снайдер, не нужно позволять себе быть главным героем произведения и вообще своих мыслей [Snyder, 2014, с. 44]. Любовь к миру, в понимании Снайдера, должна выражаться не только в любви к человеку, но обязательно и к другим созданиям, о которых мы должны заботиться [Snyder, 2000, с. 335-336]. Снайдер уверен, что экосистема будет разрушена, если человек не будет учитывать внутреннюю ценность природы [Snyder, 1990, с. 210].

Также в своем исследовании С.В. Гречишкина дает описание такой категории эконофской литературы как биорегиональные произведения. Биорегионализм, а также биорегиональная литература – два достаточно новых термина. Профессор Б. Тайлор пишет, что термин «биорегионализм» был популяризирован П. Бергом и Р. Дасманном в начале 1970-х. Философия биорегионализма и социальное движение биорегионалистов возникли в качестве реакции на процессы глобализации. Сторонники биорегионализма считают, глобализация отрицательно сказывается на развитии человечества.

Региональные тексты также называют областнической литературой или литературой «местного колорита», хотя иногда термин «регионализм» подразумевает больший (по сравнению с произведениями школы «местного колорита») психологизм и глубину повествования [Scharnhorst, с. 57]. Однако на рубеже XX-XXI вв. ситуация изменилась. Сейчас основное внимание отводится пейзажу, истории местности, ее особенностям, внимание к которым является причиной возникновения чувства принадлежности человека к региону, а не только к социуму, проживающему в нём.

Из особого внимания к природным факторам конкретных регионов возник биорегионализм – одно из самых популярных течений экологической философии

[Orry, 2010]. Исследователи утверждают, что внутри этого региона возникает уникальная культура, подразумевающая гармоничные взаимоотношения человека и природы [Thayer, с. 3]. Еванофф справедливо замечает, что следует поддерживать эти уникальные модели отношений человека и природы в каждом конкретно взятом регионе [Evanoff, 2011]. Во-первых, в текстах, относящихся к биорегиональной литературе, действие происходит в одном определённом месте, биорегионе. Биорегионы несут в себе функции и структурную целостность и представляют собой по территории нечто большее, чем округ, но меньшее, чем любой из западных штатов США. Как правило, они находятся в пределах водораздела [Snyder, 1995, с. 225]. Во-вторых, в биорегиональной литературе писатели довольно четко изображают особенности региона, в котором происходит действие, дают его «портрет», снабжая текст подробными описаниями местности. Литературный регионализм существует в США с XIX века.

Американский исследователь М. Ковалевски утверждает, что произведения Снайдера могут быть названы биорегиональными произведениями [Kowalewsky, с. 17]. Они передают чувство места, создавая образ места и привлекая данные из геологии, метеорологии, истории и этимологии, он демонстрирует знание мифов, сельского хозяйства и обычаев населения, проживающего в том или ином регионе. В таких текстах всегда чувствуется понимание идеи взаимосвязи и взаимозависимости всех частей экосистемы и самих систем между собой [Там же, с. 17]. Люди и место их проживания как бы находятся в диалоге между собой.

В этом заключается третья особенность биорегиональной литературы. В таких произведениях широко используются метафоры, отражающие идеи взаимосвязи человека с местом проживания, фольклорные мотивы, мифы, истории, рассказанные коренными жителями [Там же, с. 18].

Наконец, ещё одна особенность биорегиональной литературы – это стремление некоторых авторов придумать новое наименование своему региону, используя язык автохтонного населения.

Таким образом мы можем сделать вывод, что экокритика – это такое явление, актуальность и появление которого диктует само время и сопутствующие этому обстоятельства. По словам Т.В Красновой «в России это движение только зарождается, несмотря на то, что в русской и советской литературе тема природы, а позже и тема экологии играли огромную роль. Прежде всего, это происходит потому, что необходимость немедленного решения экологических проблем становится все более очевидна. Решение любой проблемы, как мы понимаем, начинается с ее постановки. Без кардинального изменения в сознании человека, в его восприятии мира, никакие практические шаги невозможны». [Краснова, с. 159]

Современная отечественная экологическая проза является своего рода аналогом явления, определяемого в американской и европейской культуре как экокритика.

Экологическая проза генетически восходит к натурфилософской прозе. Ее появление было своеобразным ответом на господство технического и социального прогресса, ее развитие в XX столетии связано с идеей самоценности природы, идеей сдерживания натиска на природу ради практических целей и потребительской выгоды. Содержание экологической прозы художественно иллюстрирует философскую и социально-нравственную значимость «чувства природы», которое формировалось в культуре предшествующих веков.

Экокритика - это изучение литературы и окружающей среды с междисциплинарной точки зрения, литературоведческий анализ текстов, которые иллюстрируют экологические проблемы и исследуют различные способы взаимодействия человека и природы. Это культурное явление, закрепленное в

терминологии и научных исследованиях зарубежных ученых. Таким образом, вся русская натурфилософская, экологическая проза становится неотъемлемой частью мирового экокритического дискурса.

ГЛАВА II.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ 1970-х – 2015-го ГОДОВ

1. Образ затопляемого погоста как символ бедствия в произведениях В.П. Астафьева «Кладбище» и В.Г. Распутина «Прощание с Матерой».

В XX веке, с приходом индустриализации и освоения новых территорий, наша страна подвергалась интенсивному переустройству. Все эти процессы, как положительные, так и отрицательные находили свое отражение в художественной литературе.

В 1970-е годы В. Распутин и В. Астафьев, становятся одними из самых авторитетных участников экологического движения в России. В литературоведении имеются исследования особенностей публицистического жанра в творчестве В. Астафьева и В. Распутина, в том числе на материале статей на экологическую тему (П. Гончаров, А. Разуvalова). В публицистике В. Распутина отражаются проблемы, связанные с так называемыми «болевыми точками» на экологической карте Сибири. Писатель показывает, что все локальные экологические противоречия предстают как составляющие единого регионального и шире – планетарного кризиса экологии. Человечество пришло к таким последствиям путем разрушения экосистем и истощения природных ресурсов, избрав неверный, гибельный путь развития. Такой вывод обуславливает в творчестве Распутина эсхатологические мотивы.

В. Астафьев, обращаясь к проблемам экологии, изображает то, с чем хорошо знаком, – разграбленный в послевоенное время Урал, изуродованную в ходе варварских лесозаготовок и промышленного строительства реку Чусовую; пристально рассматриваются экологические проблемы Красноярского края, вызванные гидростроительством (последствия строительства Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС для климата и экологии, возможные последствия строительства Туруханской ГЭС в Эвенкии), истребление тайги и загрязнение окружающей среды в районах нефтегазовых промыслов и т.д. В контекст публицистических размышлений включаются проблемы Байкала, Арала, Иссык-Куля, Азовского, Каспийского (строительство дамбы в заливе Кара-Богаз) морей, последствия гидростроительства на российских реках Каме, Волге, Доне, Днепре. При этом Сибирь и вся Россия вписаны в общемировой контекст: «погибшие воды» Эльбы, Рейна, Сены и т.д. Истощение ресурсов, исчезновение флоры и фауны, климатические изменения, нарушение природного равновесия, баланса экосистем, развитие средств вмешательства в природу в связи с достижениями научно-технического прогресса - весь этот социально-экономический контекст отражен в публицистических, а ранее в художественных текстах В. Астафьева и В. Распутина.

Строительства ГЭС по всей стране вызвали в свое время широкий общественный резонанс в культурной среде. Писателями довольно широко освещались последствия этого строительства. Ведь при запуске гидроэлектростанции затоплялись гигантские территории со своей многовековой инфраструктурой. Пытаясь осмыслить происходящие изменения, они нередко приходили к неутешительным выводам, ведь главным в жизни человека всегда был и остается вопрос о смысле человеческого существования, а последствия экологических преобразований связаны с этой проблемой неразрывно.

В процессе затопления целых районов, водой покрывались не только населенные пункты, но и места захоронения – кладбища, которые по традиции располагались всегда рядом. Кладбище - одно из самых загадочных и таинственных мест на земле, которое являлось таким независимо от времени исторического развития человечества. Кладбища как ритуальные объекты возникли еще в новом каменном веке (неолите), когда произошло усложнение культа мертвых, и до сих пор продолжают “жить” в среде современного человека. «Мировоззрение любого общества, вне зависимости от культурной эпохи, господствующей религии и идеологии, строится на определённых убеждениях и представлениях о природе жизни и смерти. И современный период времени не является исключением. На основе представлений о смерти формируются ключевые категории культуры -ценности, служащие порождающей моделью для любого исторического типа культуры. Именно ценности интегрируют все артефакты в некое единое целое, и сами, при этом, также представляют собой единый тезаурус, центром которого являются важнейшие из них – экзистенциальные».² [Павленко]

Рассмотрим, как этот образ раскрывается в произведениях писателей-традиционалистов: рассказ В. П. Астафьева «Кладбище (1972 г.) и повесть В.Г. Распутина «Прощание с Матерой» (1976 г.). У представителя так называемого «нового реализма» Р.В. Сенчина в романе «Зона затопления» (2015 г.) также присутствуют названный образ и мотив, о чем пойдет речь в параграфе 5 данной главы.

В рассказе В.П. Астафьева «Кладбище» представлена реалистическая картина, в которой трудно найти философский или мифологический подтекст, а экологическая проблематика впервые заявлена. Главный герой путешествует на экскурсионном пароходе по реке Сылва, которая находится недалеко от Камского водохранилища, образованного в 1954 году в результате строительства

Камской ГЭС. Подпор уровня воды у плотины составил 22 метра и распространился по рекам: Каме, Чусовой, Сылве, Обве, Иньве и Косьве. Повествователь наблюдает такую картину: «Напротив мыса, по ту сторону Сылвы, сухие тополя в воде стоят. Молодые и старые тополя, все они черны и с обломавшимися ветками. Но на одном скворечник вниз крышею висит. Иные тополя наклонились, иные еще прямо держатся и со страхом смотрят в воду, которая все вымывает и вымывает их корни, и берег все ползет, ползет, и скоро уж двадцать лет минет, как разлилось своедельное море, а берега настоящего все нет, все рушится земля». [Астафьев, с. 57] Рассказчик отмечает не только печальные изменения окружающей среды, но и странные обычаи местных людей: «В прощёный день приходят с окрестных деревень и с кирпичного завода люди, бросают в воду крупу, крошат яичко, хлебушко щипают. Под тополями, под водой кладбище»². [Астафьев, с. 57] Причины такого явления следующие: «Когда заполнялось Камское водохранилище, большой шторм был. Множество людей и машин сгребали лес, дома, осиротевшие постройки и сжигали их. Костры были на сотни верст. Тогда же и упокойных перемещали на горы. Это кладбище рядом с поселком Ляды». [Астафьев, с. 57] Но, к сожалению, подготовка тех мест к затоплению велась недобросовестно. Астафьев намеренно подчеркивает этот момент: «На лядовском кладбище тоже велась работа перед заполнением своедельного моря. Быстрая работа. Перетасили строители в гору с десятков свежих домовин, заверились справкой из сельсовета о выполненном обязательстве, магарыч по случаю благополучно завершеного дела распили и уехали. Тополя кладбищенские под воду пошли, и могилы - под воду»². [Астафьев, с. 58] Автор констатирует факт, пользуется минимум художественных средств, стиль напоминает публицистическую статью.

Для любого человека кладбище - это, прежде всего, последнее пристанище умершего близкого, но и в то же время, говоря словами культуролога А.

Демичева, “место встречи и фрондирования: на кладбища ходят, чтобы удостовериться, что еще живы” [Демичев, с. 18]. Культура кладбища - это культура циркуляции памяти, сопротивления забвению. [Леонтьев, с. 33]

Действие механизма архетипической памяти объясняет соответствующее поведение людей в рассказе после того, как сакральные объекты ушли под воду: «Костей потом много на дне белело. И рыба тут косяком стояла. Лещи большие. Рыбу местные жители не ловили и наезжим людям ловить не давали. Греха боялись»². [Астафьев, с. 58] Но время шло, и окружающий ландшафт менялся, упали засохшие тополя все поросло травой и впоследствии появилось новое кладбище. Автор акцентирует внимание на том, что на новом погосте нет деревьев и нет ограждения, что является свидетельством нарушения определенной традиции. В национальной истории на кладбище всегда должны расти деревья, которые символизируют Древо жизни, связь поколений, живых и мертвых. Вместе с ландшафтом менялось и отношение людей. Если поначалу люди боялись просто греха, то со временем появилась совершенно новая опасность, о которой автор напрямую не говорит, но намекает: «Ветер с водохранилища идет. Травы шевелит и свистит ночами в крестах, в деревянных и железных пирамидках. Пасутся здесь ленивые коровы и тощие козы в репьях. Жуют они травку и венки пихтовые с могил жуют. Среди могил, на хилой траве, не ведая ни трепета, ни страха, валяется молодой пастух и сладко спит, обдуваемый ветерком с большой воды». [Астафьев, с. 58] Не только отсутствие страха и уважения перед мертвыми тревожит рассказчика, но и, возможно, проблема экологического/медицинского характера – заражение трупными испарениями. Конкретно об этом не сказано, но в контексте описаний пейзажа и самой местности, возникает подозрение о гипотетических последствиях. Халатное отношение к этой проблеме в конце рассказа вызывает у автора ироничную усмешку, за которой скрывается затаенное чувство тревоги, в

последствии более ярко реализующейся в других астафьевских произведениях: «И рыбу начали ловить там, где упали тополя. Пока наезжие, незнающие люди ловят, но и местные жители скоро начнут. Уж очень здорово вечерами в парную погоду берет лещ на этом месте...» [Астафьев, с. 58] Так Астафьев один из первых в русской литературе поднимает эту проблему – экологическую и кладбище становится здесь своеобразным символом. Если раньше оно было пристанищем смерти, то теперь оно само несло смерть. В концепции В. Астафьева, в природе человека заложены как созидательные, так и разрушительные начала, сосуществующие на протяжении истории.

Экологическое мышление в начале 70-х годов, в контексте которых написан этот рассказ, только начинает формироваться. Астафьев наряду с другими писателями-традиционалистами призывает помнить о кровной связи с землей. Земля не только кормит, поит, одевает, принимает в свое лоно человека после смерти и по сути может определять его личностное начало. Нравственное отношение ко всему, что есть на земле, экологическое мышление — это неременное условие физического выживания человечества. В противном случае природа будет мстить. И автор проповедует необходимость осознания кровных связей между человеком и окружающим пространством, предупреждает, пока еще не столь грозно и откровенно, как в более поздних произведениях.

В повести В. Распутина «Прощание с Матерой» наиболее четко показаны нравственные и духовные переживания людей. По сюжету при строительстве Братской ГЭС на реке Ангара должна быть затоплена деревня Матера. Природа в повести приобретает образ творца поколений, так как трагедийность ситуации состоит в бездушном отношении к прошлому, к человеческим привязанностям. В результате строительства гидроэлектростанции, люди, живущие на Матере, вынуждены покинуть родные земли. Наиболее тяжкий это выбор для стариков, где каждый камень, каждая веточка напоминает о прошлых радостях и горе, о

живых и умерших. Распутин показывает природу в образе хранителя прошлого, того, что ушло навсегда и что дорого своей памятью. Стержневую линию в повести составляет конфликт между мудрым мироощущением и немудрым (суетливым) существованием.

Слово «матера» обозначает основное течение, стержень реки, которая петляет, а потом распадается на несколько развилок. Матера станет дном грядущего моря. Дома, огороды, луга, кладбище – все это уйдет под воду навечно. А это – смерть. И поэтому все человеческие дела и заботы в эти последние дни деревни обнажились. Каждое слово обрело резкую отчетливость и первоначальный смысл. Всякий поступок стал говорить о человеке и мире как будто последней правды, потому что «истинный человек, - как пишет Распутин, - высказывается едва ли не только в минуты прощания и страдания - он это и есть, его и запомните».

Вот, например, описание окружающей природы в повести: «Угарно и сладко пахло от истлевающих в самоваре углей, косо и лениво висела над столом солнечная пыль, едва шевелящаяся, густая; хлопал крыльями и горланил в ограде петух, выходил под окно, важно ступая на крепких, как скрученных, ногах, и заглядывал в него нахальными красными глазами. В другое окно виден был левый рукав Ангары, его искрящееся, жаркое на солнце течение и берег на той стороне, разубранный по луговине березой и черемухой, уже запывавшей от цвета». [Распутин, с. 162] Распутин одухотворяет природу острова, приравнивает к человеку.. а уничтожение живого – большой грех. И причина этого греха – плотина для электростанции.

Если снова обратиться к символическому образу воды, то мы увидим, что вместе с тем, что вода необходимый питательный компонент всего живого, она символизировала угрозу для человека – при затоплении мест захоронения в воде начинали образовываться продукты полураспада и гниения.

Плотина – это сооружение, перегораживающее реку, течение для подъема уровня воды. Таким образом, в повести не сама река несет разрушение, а искусственно созданное человеком сооружение.

Таким образом, на уровне авторского сознания вечное и естественное движение жизни прерывается, а современность предстает как катаклизм и затопление начинает означать не только исчезновение природного (Матеры-острова), но и этического (Матеры как системы родовых ценностей, рожденных и нахождением в природе, и нахождением в социуме).

В повести можно выделить два плана: жизнеподобный (документальное начало) и условный. Ряд исследователей (Н.В. Ковтун, Л. Новикова) определяет повесть «Прощание с Матерой», как мифологическую повесть, в основе которой лежит миф о конце света (эсхатологический миф). Мифологический (условный) план проявляется в системе образов-символов, а также в сюжете повести (название острова и деревни, Листвень, хозяин острова, обряд проводов покойника, лежащий в основе сюжета, обряд жертвоприношения и тд.). Наличие двух планов – реалистического (документально-публицистического) и условного (мифологического) является свидетельством того, что автор исследует не только судьбу конкретной деревни, не только социальные проблемы, но и проблемы бытия человека и человечества вообще, что может служить основой существования человечества, современного состояния бытия. Мифологический архетип повести выражает представления автора о судьбе «крестьянской Атлантиды» в современной цивилизации. [Ведение в современную литературу]

В художественных произведениях В.Г. Распутина человек является биосоциальным существом, которое утрачивает понимание своей природности вследствие отступления от законов бытия, что приводит к разрушению его внутренней целостности. [Каминский, с. 92]

Образ кладбища является очень значимым в комплексе идей произведения В.Г. Распутина «Прощание с Матерой» и также связан с экологической проблематикой. Исследователи многократно обращались к микросюжету и нравственной проблематике, связанным с кладбищем. Однако, трактовка всегда имеет преимущественно социально-философскую направленность, что по-своему оправдано. Следует также подчеркнуть важность и семантическую значимость «кладбищенского» эпизода с точки зрения возможных экологических последствий.

В художественном повествовании говорится, что по традиции «кладбище лежало за деревней по дороге на мельницу, на сухом песчаном возвысье, среди берез и сосен, откуда далеко окрест просматривалась Ангара и ее берега». [Распутин, с. 163] В одном из эпизодов повести местные жители Дарья, Настасья, мальчик Сема и Богодул приходят на кладбище и наблюдают такую картину: несколько мужчин «доканчивали свое дело, стаскивая спиленные тумбочки, оградки и кресты в кучу, чтобы сжечь их одним огнем. Здоровенный, как медведь, мужик в зеленой брезентовой куртке и таких же штанах, шагая по могилам, нес в охапке ветхие деревянные надгробия». [Распутин, с. 163] Все это вызывает у них возмущение. Дарья буквально стала наступать на них в порыве негодования: «Чтоб счас же тебя тут не было, поганая твоя душа! Могилы зорить... - Дарья взвыла. - А ты их тут хоронил? Отец, мать у тебя тут лежат? Ребята лежат? Не было у тебя, у поганца, отца с матерью. Ты не человек. У какого человека духу хватит?!. - Она взглянула на собранные, сбросанные как попало кресты и тумбочки и еще тошней того взвыла. - О-о-о! Разрази ты его, господь, на этом месте, не пожалей. Не пожалей! Не-ет, - кинулась она опять на мужика. - Ты отсель так не уйдешь. Ты ответишь. Ты перед всем миром ответишь». [Распутин, с. 164] Но мужики спокойно отвечают: «Мы санитарная бригада, ведем очистку территории. По распоряжению санэпидстанции». [Распутин, с. 164] Старуха

Дарья возмущена безнравственным поведением представителей официальных органов, которые действуют по указанию официальной власти. Философско-нравственный смысл анализируемого конфликта многократно проанализирован исследователями. В контексте данной работы важно подчеркнуть, что Распутин ставит вопрос не только о безнравственности отдельных представителей «цивилизованного общества», об отсутствии представлений о культурной традиции, но и об отсутствии экологического сознания.

Таким образом, В. Распутин в «Прощании с Матерой» дает образ кладбища, имеющего двойную семантику. Объект захоронения людей, с которыми кровно связаны жители, вынужденные покинуть остров, должен быть затоплен. Затопление кладбища — это, прежде всего, моральное бедствие, несущее угрозу уничтожения сакрального объекта, психологическую травму жителям. Вместе с тем, в подтексте повествования присутствует мысль о том, что водохранилище, на дне которого оказываются останки всего живого (людей, деревьев и т.д.) представляет собой опасный объект с точки зрения экологии. Если функция санитарно-эпидемиологических служб и проявляется в том, что они уничтожают все деревянные постройки перед затоплением острова, то эти действия носят в буквальном смысле поверхностный характер. Автор не располагал фактами о последствиях такого рода затоплений, но, руководствуясь органически присущим ему чувством природы, художественно предупредил: такие локальные эпизоды могут стать причиной национального бедствия.

Как и В. Астафьев, современную стадию социогенеза В. Распутин оценивает, как заключительную и необратимую фазу процесса выделения человека из природной среды, создавшей естественные предпосылки существования и развития общества. Возросшие возможности преобразования природы оборачиваются безудержным потребительством, что приводит к

нарушению гармонии в системе бытия и грозит человечеству гибелью.
[Каминский, с. 92]

Основными экологическими идеями в «деревенской»/традиционной прозе были следующие:

1) Все рассуждения о покорении природы, ее подчинении человеку не только лишены здравого смысла, но вредны с народохозяйственной точки зрения. Человек не должен воевать с природой, он сам является ее частью.

2) Защита природы — это, по мнению В.П. Астафьева и других представителей этой плеяды, защита самого человека от нравственного саморазрушения.

3) Воспитание нового экологического мышления — это неременное условие физического выживания человечества.

4) Помимо физического выживания необходимо сохранять понятие духовности, которая в свою очередь является частью экологического сознания.

2. Художественно-интенциональные признаки исповеди и проповеди в рассказе В.П. Астафьева «Капля» из книги «Царь-рыба»

С детства будущий писатель В.П. Астафьев был окружен еще не тронутой цивилизацией живой природой: лесами, озерами, реками, полями. Любовь ко всему живому была ему органически присуща. Именно поэтому в своих произведениях В. Астафьев так ярко, живо описывает дикую сибирскую природу во всем ее великолепии, горько сожалея о крупных разрушениях – вырубке лесов, осушении рек и озер, строительства ГЭС и тд.

Принято считать, что первоначально в полном смысле экологической прозой можно назвать повествование в рассказах «Царь-рыба». [Астафьев, 2018, с. 8]

Несмотря на то, что до середины 1970-х годов пиетет перед чудом природного мира – книжный анахронизм, торжествует ведь базаровский принцип «природа - не храм, а мастерская», всякий должен ощущать себя в природном космосе не «тварью дрожащей», а «право имеющим» - царем! Но какой же царь достался природе? Астафьев отвечает на этот вопрос, начиная со второй страницы книги.

Все пасторали разрушаются по вине не только бездушной государственной машины, но, в воображении Астафьева, и с самими людьми, дошедшими до крайнего равнодушия, азартного стяжательства. Писатель выводит своеобразный типологический ряд русских людей, в которых душевная скудость соединена с жестокостью, алчностью, пьянством или установкой жить одним днем.

Не случайно эпиграфом к книге Астафьев взял слова «Если мы будем себя вести как следует, то мы, растения и животные, будем существовать в течении миллиардов лет, потому что на солнце есть большие запасы топлива и его расход прекрасно регулируется» - Халдор Шепли. [Астафьев, с. 4]

Что значит вести себя правильно по отношению к природе? Соблюдать юридические нормы и законы совести.

В книге «Царь-рыба» сведено воедино два мотива: мотив совести и мотив расплаты, придавая книге В. Астафьева сюжетную целостность и философско-религиозный подтекст. А.И. Нагаева считает, что в «Царь-рыбе» «притча расширяет временные границы повествования, конфликт конкретно-исторический превращается в общечеловеческий». А.В. Бармин отмечает, что «слияние древнего поверья и сказки, апокрифа и легенды, видения и притчи характерно для Астафьева».² Представление о мире как о единстве всего сущего в «Царь-рыбе» реализуется через принцип ассоциаций между человеком и природой. Этот принцип выступает универсальным конструктором образного мира произведения: вся структура образов выдержана у Астафьева от начала до

конца в одном ключе – человека он видит через природу, а природу через человека.

«Царь-рыба» - огромный и красивый осетр – составляет в повести один ряд с верной собакой Бойе, с туруханской лилией, с тайгой и населяющих ее реку охотниками, крестьянами, рыбаками, с автобиографическим героем. Поэтому и ее спасение в повести символизирует собой торжество жизни, спасение природы, а занчит и самой жизни, от погубления человеком. Но в символике этого образа присутствует, помимо положительного, еще и угрожающее, зловещее значение, связанное с маниакальными устремлениями браконьеров. Какой стороной повернется к человеку эта «живая тварь» (красивой и величественной или страшной и смертоносной), зависит от отношения человека к своим «братьям меньшим», - в числе прочего утверждает писатель. [Гончаров, с. 119]

В этом смысле царь-рыба превращается в образ универсальный, «всеобъемлющий», присутствующий на ассоциативном уровне во всех главах и все главы объединяющий, образ, сопрягающий противоречивые чувства, мысли, события, персонажей в единое лирико-публицистическое и сказово-лирическое повествование о том, как и почему сохранялся, но теперь «забылся в человеке человек». Писателю истоки бед видятся в том, в погоне за фартом, за «царь-рыбой» чушанские браконьеры забыли о своем крестьянском происхождении и предназначении. [Гончаров, с. 119] Вероятно, и название свое повествование получило не только по самому яркому рассказу, а по самому объемному, значительному символическому образу. «Природы царь» у Астафьева не торжествует, доказывая свое превосходство над могучей рыбой, а вымалывает у нее и природы спасение. [Гончаров, с. 119-120]

В российском литературоведении религиозный аспект творчества Астафьева изучен довольно подробно, однако в большинстве случаев научная рефлексия направлена на произведения позднего (красноярского) периода

творчества. Духовную доминанту его произведений отмечали ранние критики и литературоведы (А.Н. Макаров, А.П. Ланщиков, В.Я. Курбатов, Н.Н. Яновский, Т.М., Вахитова, А.И. Хватов и др.), однако с 2000-х годов этот вопрос изучался не только филологами, но и представителями других научных сфер, в частности, философами и языковедами (работы А.А. Осиповой, О.В. Фельде, исследования Е.Н. Викторук, О.Н. Гайдаш). В монографии О.Ю. Золотухиной «Религиозный поиск В.П. Астафьева в контексте творческой эволюции писателя», анализируются работы известных ученых, выявляются основные концептуальные, методологические подходы, рассматривается научная полемика по некоторым основополагающим вопросам, связанным с религиозным поиском В.П. Астафьева. Исследователь говорит о противоречивости духовной концепции Астафьева, незавершенности религиозной эволюции писателя и сложности оценок данного аспекта: «В литературоведении отсутствие единых методологических подходов к проблеме «Христианство и русская литература» обусловило противоположные суждения по поводу религиозного содержания произведений В.П. Астафьева. Одна группа исследователей (Г.А. Хакимова, Е.В. Петушкова, Н.М. Щедрина и др.), обозначая христианские традиции в произведениях писателя, подчеркивает идейную связь произведений писателя с работами религиозных философов начала XX века, отмечает религиозность некоторых художественных идей, анализирует религиозные мотивы и образы. Другая группа исследователей (М.М. Дунаев, А.Ю. Большакова, Т.Н. Садырина, Д.А. Субботкин) подчеркивает отсутствие у В.П. Астафьева твердой православной веры, акцентирует мотивы ожесточения, пессимизма, богооставленности мира и человека, отмечает элементы богоотступничества в творчестве писателя, особенно в его последних произведениях» [Золотухина, 2015, с. 3].

В европейском литературоведении проявляется интерес к творчеству В.П. Астафьева. Анализу книги «Царь-рыба» посвящена одна из работ крупнейшего французского слависта Жоржа Нива, в которой исследователь видит не только морально-философский, но и религиозный подтекст [Nivat, 1982].

Близка по взглядам к упомянутым исследователям и Л.К. Максимова, автор интереснейшей работы «Царь-рыба» В. Астафьева. Трансформация жанра проповеди». Она обращает внимание на то, что В.П. Астафьев внес «в старую форму проповеди принципиально новое содержание – поиск истины, в то время как в проповеди истина была задана изначально. Причем поиск истины доверен автору – частному человеку»².

Рассказ В. П. Астафьева «Капля» входит в книгу «Царь-рыба» и определяется многими исследователями как глава философская, однако следует уточнить, что в ней присутствуют элементы религиозного жанра исповеди и проповеди. Идея этого рассказа – отразить конфликт природы и цивилизации. Повествователь из искалеченных «прогрессом» мест попадает в мир девственной природы. Он едет на рыбалку в компании своего сына, брата Коли и его друга Акима. Целый день они все вместе ловили рыбу, описание этого процесса сопровождается тонкими наблюдениями над явлениями природы и взаимоотношениями между людьми. Вечером, после знатного улова, рыбаки расположились возле костра на ночевку. Все описания носят реалистический характер. «Мы свалили кедровую сухарину, раскряжевали ее топором. И вот уж кипяток, запаренный смородинником и для крепости приправленный фабричным чаем, напел, запах»² [Астафьев, 2007, с. 46]. После долгого трудового дня все были уставшими, сидели возле костра, практически не разговаривая. «Чай подживил Колю. Он прилег на бок, уперся щекой в ладонь, слушал тайгу-маму – она отодвинулась от всех шумов, шорохов, отстранилась от всякого движения и отчужденно погружалась в самое себя, в хвою, в листья, в мох, в хлябистые

болота» [Астафьев, 2007, с. 46]. Вскоре все уснули, кроме повествователя. «Я спать не хотел. Не мог. Напился крепкого чая, за брата переживал и, кроме того, столько лет мечтал посидеть у костра в тайге, еще не тронутой, точнее сказать, не поувеченной человеком, так неужели этот редкий уже праздник продрыхать?! Что испытывал я тогда на Опарихе, у одинокого костра, хвостатой кометой мечущегося в темени лесов, возле дикошарой днем, а ночью по-женски присмирелой, притаенно говорливой речки? Все. И ничего» [Астафьев, 2007, с. 46]. Этот фрагмент является началом лирических размышлений, авторской медитации, традиционно осуществляемой в художественном тексте, где дистанция между автором устранена, пространство-природа, время действия – ночь.

В глубине лесов, вдали от цивилизации, оставшись наедине с самим собой, герой становится тем, кем он есть: в человеке обнажается его сущность. Повествователь несмотря на возраст, как будто снова стал ребенком. «Дома, в городской квартире, закинув у батареи парового отопления, мечтаешь: будет весна, лето, я убреду в лес и там увижу такое, переживу разэтакое... Все мы, русские люди, до старости остаемся в чем-то ребятишками, вечно ждем подарков, сказочек, чего-то необыкновенного, согревающего, даже прожигающего душу, покрытую окалиной грубости, но в сердечке незащищенную, которая и в изношенном, истерзанном, старом теле часто ухитряется сохраняться в птенцовом пухе» [Астафьев, 2007, с. 47].

По мнению А.В. Меньших, «тайга, оставаясь пространством реальным и сохраняя свое конкретное, «предметное» выражение (как географическое и биологическое явление), становится пространством фантастическим и приобретает мифологические черты». «Тайга - пространство замкнутое и безграничное одновременно. С приходом ночи возрастает влияние космического, когда тайга из части божественного мироздания превращается в «тот свет», по

христианской картине мира»² [Меньших, 2005]. Автору как будто приоткрывается завеса, и он начинает видеть и чувствовать другой мир, скрытый от человека до времени. «В глубинах лесов угадывалось чье-то тайное дыхание, мягкие шаги. И в небе чудилось осмысленное, но тоже тайное движение облаков, а может быть, иных миров или «ангелов крыла»? В такой райской тишине и в ангелов поверишь, и в вечное блаженство, и в истлевание зла, и в воскресение вечной доброты» [Астафьев, 2007, с. 49]. Все это выводит автора на религиозно-философские размышления. «Я закинул руки за голову. Высоко-высоко, в сереньком, чуть размытом над далеким Енисеем небе различил две мерцающие звездочки, величиной с семечко таежного цветка майника. Звезды всегда вызывают во мне чувство сосущего, тоскливого успокоения своим лампадным светом, неотгаданностью, недоступностью. Если мне говорят: «тот свет», – я не за гробом, не темноту воображаю, а эти вот мелконькие, удаленно помаргивающие звездочки. Странно все-таки, почему именно свет слабых, удаленных звезд наполняет меня печальным успокоением?» [Астафьев, 2007, с. 50]. От индивидуального (ощущений, желаний) нарратор переходит к общечеловеческому, объединяющему многих людей. «И не ожидание ли необычного, этой вечной сказочки, не жажда ли чуда толкнули однажды моего брата в таймырскую тундру, на речку Дудышту, где совсем не сказочной болезнью и тоской наделила его шаманка? И что привело нас сюда, на Опариху? Не желание же кормить комаров, коих чем глуше ночь, тем гуще клубится и ноет возле нас» [Астафьев, 2007, с. 47]. Суровая реалистическая деталь, повторяющаяся в описании тайги у Астафьева, – комары, гнус, – часть антипасторального мотива. Вопреки этому возникает описание такого состояния гармонии, которое можно назвать идиллическим. Тропы, используемые автором, свидетельствуют о направленности художественного сознания от земного к небесному, от реалистического к метафизическому или трансцендентному.

Сидя возле костра, слушая тишину, повествователь глубоко погружается в себя, в свои мысли и вместе с этим как будто сливается с окружающим его миром. «Казалось, тише, чем было, и быть уже не могло, но не слухом, не телом, а душою природы, присутствующей и во мне, я почувствовал вершину тишины, младенчески пульсирующее темечко нарождающегося дня – настал тот краткий миг, когда над миром парил лишь Божий дух един, как рекли в старину» [Астафьев, 2007, с. 48]. Детское чувство радости жизни кажется заглушило в нем боль войны (из контекста повествования становится ясно, что автор был ее участником), именно созерцание (ощущение) совершенства Божьего мира вернули ему это чистое, светлое мировосприятие. Но травматический опыт заставляет тут же вспомнить о хрупкости жизни и мира: «На заостренном конце продолговатого ивового листа набухла, созрела продолговатая капля и, тяжелой силой налитая, замерла, боясь обрушить мир своим падением. И я замер» [Астафьев, 2007, с. 48]. Семантика образа капли многослойна, не случайно он вынесен в заглавие. По утверждению Т.Н. Садыриной, капля – это «символ хрупкой гармонии мира, зависимости судьбы (мира, планеты, вселенной) от единичного, незаметного, но сущностного». «Герой-повествователь метафорически сближает образ висящей капли росы с образом планеты, как бы всегда висящей на краю гибели». [Садырина, 2019, с. 25]

Действительно, при виде готовой упасть и обрушить гармонию мироздания капли - символа хрупкости, красоты и величия природы, герой-рассказчик размышляет на тему смысла человеческого существования, смысла бытия. Постепенно он развивает мысль, что человек не может существовать сам по себе, быть самодостаточным. «Мы внушаем себе, будто управляем природой и что пожелаем, то и сделаем с нею. Но обман этот удастся до тех пор, пока не останешься с тайгой с глазу на глаз, пока не побудешь в ней и не поврачуешься ею, тогда только воньмешь ее могуществу, почувствуешь ее космическую

пространственность и величие» [Астафьев, 2007, с. 50]. Неслучайно и употребление автором старославянизмов. Также как ребенок не может без родителя, мир не может существовать без поддержки Творца. «И как подумаешь: вот скоро умирать, а они (дети) тут останутся одни, кто их, кроме отца и матери, знает такими, какие они есть? Кто их примет со всеми изъятиями? Кто поймет? Простит?»

И эта капля!

Что, если она обрушится наземь? Ах, если б возможно было оставить детей со спокойным сердцем, в успокоенном мире! Но капля, капля!...» [Астафьев, 2007, с. 50]. Мысль о возможной вселенской катастрофе не дает покоя рассказчику, так как он был участником Великой Отечественной войны, а значит, очевидцем мирового преапокалипсиса, Астафьеву важно передать чувство тревоги за планету, предупредить, выразить нравственное поучение. Астафьев следует традиции русской классики (Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский) в которой доминирует комплекс философско-религиозных, христианских идей.

Исходя из цели нашего исследования, обратимся к выявлению признаков исповеди и проповеди, проявляющихся на уровне авторских интенций.

Покаяние/исповедь в теологии понимается как примирение грешника с Богом через исповедание и последующее отпущение грехов. Как следствие за этим идет потребность очистить душу, получить моральное облегчение. Если говорить не о канонической исповеди, а об исповедальной интенции, то она отличается тем, что носит имплицитный характер. «У каждого человека в сознании существует некий кодекс правил и норм поведения, которым он следует. Каждый, так или иначе, оценивает совершенные им действия, а любая оценка порождает определенное отношение. В том случае, если совершенные поступки оцениваются как положительные, возникает чувство самоудовлетворенности. В случае же совершения неверного действия человек

ощущает неудовлетворенность, эмоциональную нестабильность, что в итоге вызывает желание выговориться, объяснить причины совершенного поступка, найти понимание и одобрение окружающих, а все это – не что иное, как определенные исповедальные интенции» [Пригарина, 2011].

Исповедальная интенция обнаруживает себя в тех текстовых фрагментах, когда герой литературного произведения пытается выговориться и осознать, осмыслить свои чувства, отношение к кому-либо или чему-либо и прийти к мысли о покаянии.

В астафьевском тексте герой-повествователь осознает себя частью человечества и говорит не столько о своей личной вине (как в исповеди), но о коллективной вине людей за недостойное поведение — это и война, и нарушение экологического равновесия, и безнравственные поступки людей: «Но при чем тут небо, звезды, ночь, таежная тьма? Это она, моя душа, наполнила все вокруг беспокойством, недоверием, ожиданием беды. Тайга на земле и звезды на небе были тысячи лет до нас. Звезды потухали или разбивались на осколки, взамен их расцветали на небе другие. И деревья в тайге умирали и рождались, одно дерево сжигало молнией, подмывало рекой, другое сорило семена в воду, по ветру, птица отрывала шишку от кедра, клевала орехи и сорила ими в мох. Нам только кажется, что мы преобразовали все, и тайгу тоже. Нет, мы лишь ранили ее, повредили, истоптали, исцарапали, ожгли огнем. Но страху, смятенности своей не смогли ей передать, не привили и враждебности, как ни старались. Тайга все так же величественна, торжественна, невозмутима» [Астафьев, 2007, с. 50].

Исповедуясь таким образом, герой апеллирует к человеческому разуму, инстинкту самосохранения, органическому чувству родства, сопричастности всему живому. Призывает следовать принципам высокой человечности во имя всего живого. Так постепенно исповедь перетекает в проповедь, «вбирая в себя антивоенный пафос, христианскую убежденность в силе слова, в первичности

духовного начала жизни, апокалиптический мотив и предупреждение о возможной катастрофе» [Садырина, 2019, с. 25].

После того, как «опал, истаял морок», герой свидетельствует о своем внутреннем облегчении, что и должно следовать после чистосердечного и искреннего покаяния: «Все было как надо! И я не хочу, не стану думать о том, что там, за тайгою? Не желаю! И хорошо, что северная летняя ночь коротка, нет в ней могильной тьмы. Будь ночь длинна и темна, и мысли б темные, длинные в башку лезли, и успел бы я воссоединить вместе эту девственную, необъятную тишину и клокочущий где-то мир, самим же человеком придуманный, построенный и зажавший его в городские щели. Хоть на одну ночь да отделился я от него, и душа моя отошла, отдохнула, обрела уверенность в нескончаемости мироздания и прочности жизни». [Астафьев, 2007, с. 51]

Образ капли получает новую коннотацию, придающую жизнеутверждающий смысл финалу рассказа. В свете восходящего солнца капля из угрозы превращается в сияние торжествующей жизни вокруг. «Я оглянулся и от серебристого крапа, невдали переходящего в сплошное сияние, зажмурил глаза. Сердце мое трепыхнулось и обмерло от радости: на каждом листке, на каждой хвоинке, травке, в венцах соцветий, на дудках дедулек, на лапах пихтарников, на необгорелыми концами высунувшихся из костра дровах, на одежде, на сухостоинах и на живых стволах деревьев, даже на сапогах спящих ребят мерцали, светились, играли капли, и каждая роняла крошечную блесстку света, но, слившись вместе, эти блесстки заливали сиянием торжествующей жизни все вокруг, и вроде бы впервые за четверть века, минувшего с войны, я, не зная, кому в этот миг воздать благодарность, пролепетал, а быть может, подумал: «Как хорошо, что меня не убили на войне и я дожил до этого утра...» [Астафьев, 2007, с. 52].

Автор, герой повествователь представлен в ипостаси художника, замирающего перед природной картиной. Вместе с тем нельзя не заметить, что и в этой главе, и в других рассказах он — охотник, рыбак, что придает двойственность образу нарратора. Моральная дилемма — любоваться/описывать красоту и пользоваться ею — охотиться, добывать — содержится в проблематике «Царь-рыбы» и многих других произведений. Где граница между разумным, жизненно-необходимым природопользованием и аморальным хищничеством, браконьерством? Ответом на этот вопрос служит все повествование. Когда Астафьев пишет о природе возникают и философско-религиозные и романтические (пасторальные) мотивы. Но это не исключает суровых реалистических наблюдений о беспощадности природных законов, описаний смертельных поединков между человеком и природой. Астафьев убедительно показывает, что природа дает жизнь, вдохновляет, она таинственно непостижима и одновременно жестока, требует от человека знания и уважения ее суровых законов.

В традиционной реалистической прозе В.П. Астафьева возникает философско-религиозный аспект при обращении к теме взаимоотношения человека и природы. В повествовании в рассказах «Царь-рыба» Астафьева (глава «Капля») проявляются черты архаических жанров исповеди и проповеди. Это обусловлено авторской идеей, связанной с экологической проблематикой. Человечеству грозит гибель из-за утраты «чувства природы», безнравственности, проявляющейся особенно в стяжательстве и браконьерстве.

3. От охоты к промысловой бойне (Ю.П. Казаков «Белуха», Ч.Т. Айтматов «Плаха»)

Тема охоты в русской литературе достаточно традиционна, есть исследования, посвященные данному аспекту (М.М. Одесская, Н.А. Куделько, Л.Н. Полубояринова, Т.В. Швецова, В.А. Кошелев, А.В. Мельникова и другие). У истоков этой традиции были Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев. В XX веке ее продолжили М.М. Пришвин, Ю.П. Казаков, О. Волков, Н. Устинович, М. Тарковский и др.

Юрий Казаков, будучи еще молодым писателем, уже обратил на себя внимание своими охотничьими рассказами. Регулярно бывая на Русском Севере, он вел «Северный дневник» - собрание путевой прозы, исторических экскурсов, портретов поморов. Предметом творческого интереса становятся для Казакова люди нерасторжимо связанные с природой. Постепенно в его произведениях проявляется глубокий интерес к проблеме взаимоотношений человека и природы. В охотничьем дискурсе Ю. Казакова чрезвычайно важна нравственная проблема, которая вербализована устами героини наиболее откровенно рассказа Ю.П. Казакова «Вон бежит собака!»: «- Охота - убийство, а женщина - мать, и ей убийство вдвойне противно. Вы говорите, наслаждение смотреть, как рыба бьется, а мне это гадко. Но я вас понимаю, то есть понимаю, что вы охотитесь и ловите рыбу не из-за жестокости. Толстой, например, очень страдал потом, после охоты, вспоминая смерть. И Пришвин тоже...». [Казаков, с. 211]

Характеризуя особенности психологизма художественной прозы Ю.П. Казакова, Лейдерман пишет: «Движения души — вот что стало главным полем художественного анализа у Юрия Казакова. Это «тайное тайных» своих героев он постигал сосредоточенно и упорно, переходя последовательно от одного психологического горизонта к другому, открывая на каждом из них новые драматические отношения между человеком и миром. Стремление постичь внутреннюю правду естественных чувств и состояний привело молодого Казакова к произведениям, в центре которых стоят детища природы».²

Исследователи обращали внимание на образ природного человека в творчестве Казакова, который продолжает типологический ряд героев традиционной прозы. Это люди, живущие в гармонии с природой, соблюдающие ее законы, так называемые естественные люди: Акимка у В. Астафьева, Дрынов у В. Белова, Дарья Пинегина у В. Распутина, бакенщик Егор из рассказа Ю. Казакова «Траливали».

Также в своем творчестве Ю. Казаков поднимал философские вопросы, вопросы о величии жизни и смерти, об ответственности человека за судьбу всего живого на земле, в том числе и за самого себя как носителя высшей мудрости, наделенного высшим чувством любви и справедливости.

Биограф Ю. Казакова Игорь Кузмичев отмечал, что художественное зрение Казакова предполагало взгляд на человека из запредельных, космических пространств, равно как из глубины времен, а «через его линзу мировосприятия сама бессмертная природа смотрела на человека своим пронизательным оком» [Кузмичев, с. 200]

В его творчестве есть пример обращения к экологической проблематике, через тему охоты. Это рассказ «Белуха (1977)».

Продуктивным, на наш взгляд, может быть сравнение рассказа Ю. Казакова «Белуха» и Романа Ч. Айтматова «Плаха» (1986) (эпизоды браконьерской охоты). Несмотря на дистанцию между этими произведениями, обусловленную временем, различиями художественной манеры писателей, особенностями национальных культур к, которым они принадлежали, есть общее гуманистическое содержание, о чем дальше пойдет речь.

Книги Айтматова, став достоянием не только киргизской национальной литературы, но и всей литературы, обнаруживают черты присущие писателям эпохи литературы 1960-1980-х годов, - в поэтике, конфликте, архитектонике и стиле, а также интертекстуальные переключки с произведениями писателей

традиционалистов (В. Распутина, В. Астафьева, В. Белова и других). В своем творчестве Айтматов шел по пути эволюции гуманистических идей человека и вселенной. Если его ранние повести были полны любви, то в более зрелых произведениях появилась озабоченность настоящим и будущим человечества, изображение зависимости будущего от самого человека. Айтматов понимал, что глубинное, психологическое, и масштабное, вселенское находятся друг с другом в тесной связи. [Коваленко, с. 37]

А.И. Смирнова отмечает, что Ч.Т. Айтматов, осознавая ответственность литератора перед будущим, определил жажду творчества как «неуемную потребность художественного восприятия жизни», смыслом которого является «познание бесконечной красоты и бесконечной противоречивости мира» [Айтматов, Т. 3, с. 351]. «Познание бесконечной красоты мира» является постоянной величиной в художественном мире Айтматова и воплощается в природных образах - великих творениях природы: Сары-Озекская степь, безбрежные пространства сарозеков («И дольше века длится день»); великая волчица, великая мать всего сущего, бескрайняя саванна («Плаха»). Природные творения исполнены гармонии, величия и красоты. [Смирнова, с. 53]

Животные всегда у Айтматова символизируют природу: мать-олениха («Белый пароход»), конь Гульсары («Прощай, Гульсары!»), верблюд Каранар («И дольше века длится день»), киты («Тавро Кассандры»), волчица Акбара («Плаха»), снежный барс («Когда падают горы...»). Они формируют не только взгляд на окружающий мир, этическое отношение к нему, но и эстетическое восприятие мира, как и в целом природа. Красота — неотъемлемое свойство удивительных, исключительных созданий природы: Буранный Каранар — «самый красивый верблюд на свете» [Айтматов, Т. 2, с. 267]. Золотой мекре — «могучая и красивая рыба» [Айтматов, Т. 2, с. 399].

«Есть своя красота в степных ночах в летнюю пору. Тишина безмерная, исходящая от величия земли и неба, теплынь, напоенная дыханием многих трав, и самое волнующее зрелище — мерцающая луна, звезды во всей их неисчислимости, и ни пылинки в пространстве между взором и звездой, и такая там чистота, что прежде всего туда, в глубину этого загадочного мира, уходит мысль человека в те редкие минуты, когда он отвлекается от житейских дел».

[Айтматов, с. 129-130]

Философски осмысляя миропорядок, Айтматов понимает, что существующие в истории человечества противоречия неразрешимы и трагичны. Он может объяснить это лишь тем, что человеческая природа несовершенна и в ней одновременно сосуществуют «две противоположные силы — силы добра и силы зла» [Айтматов, с. 101]. Писатель не идеализирует природу, но пытается познать и объяснить жизнь саванны учитывая природные законы, объяснить кажущиеся противоречия. В природе одна кровь дает жизнь другой крови — «так повелено началом всех начал, иного способа не будет, и тут никто не судия, поскольку нет ни правых, ни виноватых, виновен только тот, кто сотворил одну кровь для другой»² [Айтматов, с. 27]. По Айтматову, природный мир основан на «изначальной равновесии» [Айтматов, с. 215].

Атмосфера «Плахи» насыщена трагедией. Айтматов показывает, что человек дисгармоничен, что делает его отношения с миром, лишенными красоты и цельности, а им на смену приходит хаос и светопреставление. [Смирнова, 2014, с. 210]

Конфликт человека и природы в «Плахе» осмысливается как глобальный, природа становится жертвой, а следом за ней и сам человек, как ее часть. Уничтожается потомство Акбары, нет места на земле красивой и гордой волчьей паре, невозможно продолжение их жизни. На фоне целесообразного устройства природного мира жизнь человека выглядит сошедшей с круга. [Смирнова, 2014, с. 211]

В Моюнкумской саванне существовал «изначальный ход вещей», лишь человек и стихийные бедствия могли его нарушить. С приходом человека извечный закон саванны «всеми свое время» утратил свою силу: «Опрокинулась жизнь в Моюнкумской саванне вверх дном» [Айтматов, с. 15]. Но писатель не идеализирует природу, он лишь пытается объяснить те стороны природных законов, которые свидетельствуют о противоречиях внутри нее: в природе одна кровь дает жизнь другой крови... - «так поведено началом всех начал, иного способа не будет, и тут никто не судия, поскольку нет ни правых, ни виноватых, виновен только тот, кто сотворил одну кровь для другой» [Айтматов, с. 15].

Рассказ Ю.П. Казакова «Белуха» был опубликован в 1977 году, роман Ч.Т. Айтматова «Плаха» в 1986, здесь нас будет интересовать эпизод расстрела сайгаков в Моюнкумской саванне. Нам неизвестно, мог ли киргизский писатель ориентироваться на рассказ своего современника и собрата по перу, но некий диалог по интересующей нас проблематике явно состоялся.

Сюжетная канва «Белухи» такова: рассказчик становится участником промысловой охоты на белуху в Белом море. Повествованию предпослан эпиграф из стихотворения Е. Евтушенко, смысл которого сводится к тому, что белуха и зверобой – оба жертвы. Он губит её, борясь с нищетой, она губит его, пытаясь спасти свою жизнь. Этими словами автор задает вектор восприятия событий рассказа: белуха – определённо жертва, обречённая на гибель. Причём смысл этой жертвы сомнителен для рассказчика: тело белух идет на корм песцам на зверофермах; жир – на технические масла. Но и для промысловика эта охота – дело крайне опасное, связанное с реальным риском для жизни: вероятны как сюрпризы от суровой и беспощадной северной природы, так и отказы техники. Не случайно, в какой-то момент рассказчик вспоминает кладбище погибших моряков, где на фотографиях всё сплошь молодые лица. Именно поэтому для каждого члена дружной сплочённой команды единственный в году поход за

белухой – событие, понимаемое как неординарное. Рассказчик чувствует предвкушение чего-то необыкновенного. Это ощущение связано и с тем, что загадочна для людей сама белуха.

Эпизод романа Айтматова – расстрел сайгачьих стад в саванне – экологическое преступление, по мнению автора, становится результатом чудовищной деятельности советских чиновников. Район отстаёт по объёмам мясосдачи, явна угроза невыполнения пятилетнего плана, каждый следующий аппаратчик требует решить проблему, поднажать, задействовать скрытые ресурсы района. Этими скрытыми ресурсами становятся сайгаки. Айтматов пишет: «...кто-то разбитной из облуправления вдруг предложил». [Айтматов, с. 32] Не совсем типичное определение требует, вероятно, интерпретации. Разбитной человек – бойкий, расторопный, развязный – тот, который успел выделиться перед начальством, найдя решение, казалось бы, неразрешимой проблемы, который не думает о последствиях, действует на авось, предлагая план, который обернулся апокалипсисом.

Созвучным и ведущим в текстах обоих авторов будет мотив обречённости жертвы перед лицом человека, который действует методично, технично, организовано. Скоординированность действий людей подчёркнута в обоих текстах. Повтором «обречены», «обречены» – рассказчик усиливает это ощущение у читателя. Подчёркивается нездешность, уродливая красота животных, которые сравниваются с червём и тритоном. Но даже это не лишает белух симпатии и сочувствия рассказчика. И совсем неожиданно звучит антропоморфное сравнение с нежным женственным телом, которое трансформирует охоту в убийство. Степные антилопы – сайгаки – тоже по-своему прекрасны: «все как на подбор одной от сотворения мира масти, белобокие, с каштановым хребтом...». [Айтматов, с. 33] Точка зрения волчицы Акбары, попавшей вместе с сайгаками в облаву, глазами которой читатель видит

события изнутри, передаёт ужас обречённых животных: «теперь они были равны перед лицом безжалостного оборота судьбы». [Айтматов, с. 35]

При этом рассказчик Казакова чуток к природе, видит и ощущает красоту северной территории. Эта ситуация совершенно изменится в эпизоде романа Айтматова. Там ощущения окружающей красоты не будет совсем, по сути, и пейзажа не будет. Природа в первом случае еще взаимодействует с человеком, во втором – отрекается от него, как будто не может быть фоном тех ужасающих событий, которые описаны.

Совершенно различны ощущения людей – участников охоты в двух текстах. Команду промысловиков в рассказе «Белуха» объединяет ощущение покоя и важности происходящего. В тексте есть место красоте и свету. Так, на пути шхуны встречается двойная-тройная радуга, образ, который, с одной стороны, будет явным контрастом злу, причинённому промысловиками природе. С другой стороны, это знак некоторого оправдания людей, надежды на то, что не всё потеряно. Явным маркером небезнадёжности ситуации станет и поведение рассказчика, который чувствует вначале ужасную страсть к убийству, но, увидев обречённых животных, остывает, начинает молиться. Он смог остановиться, расстрельщики сайгаков не способны остановиться в принципе. Команда шхуны вначале испытывает рыбацкий азарт, который коренным образом отличается от страсти, кровавой одержимости расстрельщиков, чьё равнодушие сменяется ощущением могущества. Однако очевидно, кровь будоражит и распаляет и тех, и других.

В рассказе Казакова важен разговор героев об изменении обстановки на промысловом севере. Один из старейших участников похода, Илья Петрович, сравнивает «тогда» и «теперь», подчёркивая, что раньше охотой на белух занимались всего несколько команд промысловиков и одиночки, жившие на севере постоянно, их было немного, это отважные люди, работа которых сложна

и опасна. Они не могли нанести существенный вред природе, поскольку брали столько, сколько было необходимо. Теперь добавились туристы, путешественники, землепроходцы. И всё ради чего? Чтобы какая-то дама в Лондоне или Нью-Йорке надела манто из песка. И откровенно звучит позиция автора: жизнь этой дамы не стоит не только жизни промысловика, идущего на риск, выполняющего опасную и тяжелую работу, но не стоит, вероятно, жизни песка.

Когда команда шхуны, наконец, видит белух, по всем пробегают электрическая искра. Думается, это заложенный еще в древнего человека охотничий азарт, предшествующий вступлению в схватку с природой. Но тогда человек был в природе гостем. Потом, у Айтматова, он почувствует себя абсолютным хозяином и повелителем, более того, совершенно безнаказанным.

Позиция автора рассказа «Белуха» проявлена через выбранные художественные средства и приёмы. Так, описание шхуны до встречи с белухами показательно: она белая, чистая, еще не запятнанная кровью, еще невинная. Логичным выглядит предположение, что эта невинность будет утрачена после убийства белух. Знаковым выглядит риторический вопрос рассказчика: кому нужна ее [белухи] душа? Очевидно, что для рассказчика наличие души у животного несомненно, а значит, и надругательство над его телом преступно. И выразительным контрастом звучит финальная картина рассказа: безмятежно сияет солнце и всё залито кровью: палуба шхуны, одежда людей, вода вокруг судна. Тот же образ встретится у Айтматова – люди, облитые кровью с головы до ног.

Думается, что эпизод в Моюнкумской саванне становится следующим этапом размышлений литературе об экологической проблематике. Айтматов развивает и усиливает мотивы прозы Казакова, доводя те, что выглядели предостережением, до картины полномасштабного апокалипсиса. Этот мотив, вообще, будет сквозным для романа Айтматова. Эпизод, когда вертолёты

загоняют стада сайгаков друг на друга, не случайно назван светопреставлением. Внятна авторская метафора: сплошная черная река дикого ужаса. Люди из охотников превращаются в расстрельщиков, отстрельщиков, которые стреляют из автоматов, в упор. Показательны сравнение: косили как будто сено в огороде; метафора: люди собирали дармовой урожай; гипербола – горы сайгачьих туш. Атмосферность эпизода «Плахи» усиливается звуковым рядом: побоище становится настолько масштабным, неотвратимым, что мир оглох и онемел, а степь уходит в бездну; слышен только хрип агонизирующих антилоп.

Финалы сопоставляемых текстов совпадают в общей пессимистической тональности. Пережив одну бойню, экипаж шхуны готовится к следующей, они также выполняют план. Снова раздается крик «Белуха!» [Казаков, с. 494], значит, побоище повторится. Айтматов произносит бескомпромиссное, открытое обвинение: Моюнкумскую трагедию сделали люди, не пятилетка, не план, не государство, а люди. Всем своим романом-предупреждением писатель говорит о конце времен, о превосходстве зла в мире.

Тема охоты, возникающая в произведениях Ю. Казакова, В. Астафьева, Ч. Айтматова, раскрывает опасный процесс превращения занятия, необходимого для выживания человека в природном пространстве, в бойню и безудержное истребление ради наживы, в «охоту-убийство, когда стреляют «как на войне». [Кузмичев, с. 123]

Описание охоты как бойни является одной из первых попыток в литературе второй половины XX века поставить вопрос о возможных последствиях «захватнических», почти военных действий человека против природы.

4. Экологический роман С.П. Залыгина как художественно-публицистический трактат на злободневную социально-нравственную тему.

Тема и характер публицистики и художественной прозы Сергея Залыгина (1913-2000) в последние годы его жизни определялась экологической ситуацией, сложившейся в нашей стране на протяжении всего XX века. Писатель-эколог наиболее точно обозначил проблемы современности и основные факторы, способствующие возникновению и обострению антиприродных явлений в жизни Земли. Его творчество тесно связано не только с закономерностями литературного процесса, но и с постперестроечными элементами действительности, с духовно-нравственными, философско-этическими и жанровыми поисками времени. Вопрос об экологическом кризисе приобретает особую практическую, научно-теоретическую, литературную и публицистическую значимость в произведениях конца XX века. В них отражаются угрозы приближения экологического кризиса, как в России, так и во всем мире, а также ответственность власти и каждого отдельного человека за природное состояние нашей планеты. Особенно ярко эти идеи реализованы в его романе «Экологический роман» (1993). К проблеме взаимодействия природы и человека Залыгин подходит с позиции профессионала. Гидролог по основной специальности, Залыгин по большую часть жизни занимался «самой природной» областью науки и техники. В его произведениях подкупает выстраданность позиций, восприятие природных бед как своих собственных.

Литературоведческих работ, посвященных этому произведению немного, но его философская составляющая отмечена рядом исследователей: В. Курбатовым, О. Быстровой, О. Славниковой, К.Д. Гордович, И. Рудзевич, С.В. Филиповой и другими.

При всей кажущейся изученности творчества писателя, следует заметить, что лишь с относительно недавнего времени критиками отмечаются утопический и антиутопические аспекты в творчестве С.П. Залыгина. Так, наблюдения над

жанровыми особенностями залыгинской прозы занимают определенное место в работах И.А. Дедкова, который увидел в «Комиссии» «трагедию утопической надежды». Наличие антиутопических тенденций в «Экологическом романе» отмечается К.Д. Гордович, В. Курбатовым, Л. Теракопяном, О.Славниковой. [Филипова] П.А. Гончаров указывает на антиутопические элементы «Экологического романа» в статье о формировании «экологической прозы» второй половины XX в русской литературе. [Гончаров, 2005, с. 167-194] Относительно подробно эта тема также проработана в диссертации С.В. Филиповой «Утопический вектор натурфилософской прозы С. Залыгина».

Недостаточно изучены художественные, теоретические, эстетические, философские, нравственные основы темы «человек и природа» в творческом наследии Залыгина. Данные исследования представляют важность и интерес для создания общей картины биографии писателя и общих тенденций развития литературы XX столетия.

«Экологический роман» опубликован в 1993 году. Действие романа охватывает период с 1913 года (год рождения главного героя) и заканчивается августом 1993. Таким образом, развивая в романе идеи, связанные с экологическими проблемами писатель охватывает практически весь XX век попутно прослеживая тенденции развития кризиса. Главный герой романа Николай Петрович Голубев 1913 года рождения, что совпадает с годом рождения самого писателя. По мнению К.Д. Гордович, «главным героем, правда с другой фамилией, выступает сам автор»² [Гордович, с. 160-161].

Свой выбор в отношении главного героя Голубева Залыгин объясняет тем, что у него «оказалось множество совпадений с его собственной авторской судьбой, прежде всего это относится к проблемам экологии».² [Залыгин, с. 5] У Голубева вырабатывается с детства особое мировоззрение, имеющее отношение к природе «по замыслу природы, догадывался Голубев, человек должен был

воплотить в себе самом весь кодекс ее законов, тем более что в кодексе этом не было ничего лишнего, ничего иррационального. Если же от замысла не остается ничего, значит, действительность оборачивается хаосом. И так оно и было -хаос разрушал природу вещей: шла война, вторая мировая». [Залыгин, с. 12] Впоследствии он становится ученым гидрологом. «Голубев как думал один, так один и думал. О том, что человек и человечество убеждены, будто только они обладают смыслом. На самом же деле смысл - это содержание природы, и насколько человек способен проникнуть в ее содержание, настолько он и умен, настолько же обладает правом жить». [Залыгин, с. 12] Сам себя он называет «человек природный», и результаты «преобразования природы», ведущие к нарушению природного равновесия расцениваются им как результат крушения природного начала в человеке и обществе. Отработав изначально на реке Обь и став довольно известным ученым, впоследствии Голубев, по стечению обстоятельств, устраивается сотрудником в кВч. КВч – так называется в романе учреждение, монопольно проектирующее гидроэлектрические станции на всех советских реках. Организация эта была довольно могущественная: «а если представить себе человека, который владеет всеми киловаттами и киловатт-часами мира? Более могущественного правителя никогда не было и не будет, и Сталин это знал, когда замыслил великое преобразование природы, когда начал строить самые мощные в мире ГЭС на Волге, Каме, Дону, Оби, Енисее. Он не оставлял живыми течения великих русских рек на всем их протяжении -только через водохранилища», и спустя некоторое время Голубев понимает, что «выдающиеся умы науки его времени - Келдыш, Александров, Лаврентьев, Курчатов, Королев, удивляя современников научными открытиями, гордились своей причастностью к антиприродному сталинизму, не могли представить себя вне, а только в - в нем, в нем с ног до головы». [Залыгин, с. 33] Но для него, как природного человека - это было испытание: «смысл есть содержание природы. А

тот, кто ближе к ее содержанию, кто не противоречит, а следует этому содержанию, тот близок и к смыслу вечному и неизменному, не подверженному пересмотру каждые пятьдесят (десять?) лет». [Залыгин, с. 40] В последствии в створе Ангальского мыса "кВч" будет проектировать Нижне-Обскую ГЭС – почти самую мощную ГЭС в мире (5,1 миллиона киловатт установленной мощности).³⁶ Николай Петрович оценивал какие будут негативные последствия с профессиональной точки зрения и поэтому он направил все свои силы и возможности на то, чтобы это предотвратить. Работая в «кВч», он начинал понимать, что «Реки для "кВч" переставали быть природой России, Украины, Латвии, Кавказа, Средней Азии и Дальнего Востока, они становились постановлениями, решениями, программными разработками, протоколами, докладными, проектами и ТЭДами (технико-экономическими докладами)».² [Залыгин, с. 56] Все это было с его точки зрения противоестественно: «Доступ в секретку оказался доступом в антимир, и эта антимирность подавляла Голубева».³⁶ [Залыгин, с. 58]

На ответственном и решающем совещании по проблеме Нижней Оби в публичной дискуссии с Чиликиным – одним из самых ответственных руководителей проекта Нижне-Обской ГЭС Голубев одерживает победу и ему удается остановить это дело. Он ведь понимал, что Нижне-Обская ГЭС нужна была им не столько сама по себе, сколько для того, чтобы закольцевать сибирское энергетическое кольцо с кольцом восточноевропейским, с Уралом прежде всего, чтобы Обь (а в будущем и Енисей - Красноярская ГЭС) сомкнулась с Камой и Волгой. Понимая, чем это грозит, Голубев, уже было собравшийся уволиться и никогда больше с ними не сотрудничать, впоследствии все-таки решает остаться. Он знал, что «кроме того, в отделе гидрологии сидя, можно спасти кое-какие реки. Уже одно то, что он реки не предавал, что давал объективные оценки их энергетических возможностей, было прогрессом из

прогрессов: для всех его предшественников все реки самим Богом и природой были созданы для ГЭС, только для них!».² [Залыгин, с. 63] Но, победив в этой схватке и получая многочисленные положительные отзывы, Голубев с удивлением обнаружил, что проблема была еще глубже и что он «оказался в центре схватки, происходившей где-то в верхах, в верхах, о которых он и не знал ничего, действуя сам по себе». [Залыгин, с. 69] Но были и недоброжелатели, даже среди своих же сотрудников, поэтому «чувство возникшего было торжества угасало быстро». [Залыгин, с. 70] Рассуждая как природный человек, Голубев приходил к следующим умозаключениям: «Нет, в природе не так, там победителей нет и никогда не было, хотя бы из логики самосохранения природы. Так было вплоть до появления цивилизованного человека - этот всех победил в конце-то концов. И природу тоже. В конце концов».³⁶ [Залыгин, с. 74] В последствии, побывав на открытии ГЭС в Египте и наблюдая за могучей, одной из самых больших рек в мире – Нилом, сравнивая его с божеством, Голубев только подтверждал свои мысли: «страшно подумать, что в середине XX века людям оказалось мало того, что Нил им всегда отдавал, и теперь они требуют от божества больше того, что оно может, - киловатт-часов электроэнергии требуют, забывая, что Бог тоже может не все, что это великий грех - требовать от божества того, чего требовать нельзя».² [Залыгин, с. 82] Вспоминая Освальда Шпенглера, Голубев с грустью вспомнил о его теории, что у любой цивилизации есть два периода: творческий и период бесплодия. Одним из первых это был Египет, но по Шпенглеру очередной такой цивилизацией была – русская. Отсутствие прогнозирования будущего, всех катастрофических последствий – вот что было предметом глубокий переживаний Голубева. Да, возможно, действительно была необходимость в строительстве ГЭС, но «если же и в самом деле нет иного выхода как строительство Асуанской ГЭС, как только принести в жертву Нил -

зачем устраивать из этого праздник? Невиданное торжество? Зачем веселиться на похоронах?». [Залыгин, с. 84]

В разговоре с авторитетным среди его коллег инженером Мальковым Голубев обнаружил подтверждение своих мыслей: «- Так ведь плотина-то - на века? - Кто сказал? Будут другие источники энергии, ну, скажем, альтернативные, и мы плотину взорвем, водохранилище опорожним, получайте свои земли обратно! Мы, энергетики, свой урожай с нее сняли! Вот это признание Голубев и ждал - многие гидротехники так же думали, однако вслух не признавались». [Залыгин, с. 91] На вопрос человек – царь природы? Мальков ответил: Почему бы и нет, это лучше, чем раб. «Царь без царя в голове», уходя подытожил Голубев.

В разговоре с сыном на его мнение о том, что строительства ГЭС – это процесс необратимый, Голубев замечает, что вообще-то еще неизвестно к чему это приведет весь мир, да и не во всем мире такое отношение к своим природным достояниям: «Америка Миссисипи бережет, а мы из Волги стоячую канаву сделали!». [Залыгин, с. 92]

Постепенно Голубеву становится все тяжелее и тяжелее нести на себе груз этих знаний и мыслей: «В природе ищу законность своего существования, но она, кажется, сомневается и сомневается во мне... Недоволен собой: не могу вписаться в природу. А ведь люблю ее!». [Залыгин, с. 99] Он не понимает, как можно остановить этот процесс, и не знает, как разрешить эти проблемы и противоречия. Лежа в больнице и познакомившись с образованными соседями по палате, он изливает им свою душу. Он обвиняет руководство страны: «зачем было Горькому прославлять Беломорско-Балтийский канал? Зачем прославлять товарища Сталина: вот он, товарищ Сталин, с красным карандашом в руках бодрствует всю ночь над географической картой, исправляет природу - реки соединяет, осушает озера, сводит с земли лишние леса...А разве можно? Разве можно жить в природе, а заботиться о себе, а не о природе -глупо же? Одним

словом, Горький и Сталин - необыкновенный альянс, причем антиприродный» [Залыгин, с. 103], – рассуждает и о роли самой природы, о реках, о роли рек в истории, о нынешней их трагедии. Трагедия нынешняя, но неизбежная, как бы даже предусмотренная самой природой: «реки - продукт климата, но, возникая в одном климате, они эмигрируют в совершенно другие климатические зоны, а это счастье для людей и несчастье для рек... Родится река в горах, ей бы там и оставаться, но она течет в равнину, а тут и начинает терзать ее человек: разбирает сток на орошение, на водоснабжение городов, сбрасывает в нее все свои экскременты, бытовые и производственные, и в океан уже не река впадает, а сточная канава». [Залыгин, с. 111]

Постепенно Голубев выходит на осмысление всей ситуации через призму философии Вернадского. Ему близка его концепция о том, что «ноосфера - такое состояние биосферы, при котором разумная деятельность человека становится решающим фактором ее, биосферы, развития». [Залыгин, с. 122] Сравнивая отношение к мирозданию Вернадского и Сталина, Голубев приходит к выводу, что по Вернадскому природа – гармония видов, и уничтожение хотя бы одного ведет к гибели всех остальных, а по Сталину природа – это бессмысленная материя, которая существует только для человека.

Это подтвердилось и после Чернобыльской катастрофы. Голубев обладал информацией, что сама АЭС была построена и запущена с недоработками. А такие катастрофы, как Чернобыль, «отражают степень катастрофичности всей системы управления, всей государственной системы». [Залыгин, с. 123] Но в официальной прессе писали, что «советские власти вину за взрыв возложили на операторов станции, не затронув ни одного лица вверх по иерархической лестнице». [Залыгин, с. 123] Близкий конец СССР и упадок во всех сферах деятельности не оставлял для Голубева никаких надежд в ближайшем будущем. Все больше и больше он приходил к той мысли, что Россия не поняла по каким

стопам ей идти в будущее и даже если бы поняла, то было бы уже поздно: «Зримая природа уже расчленена на ландшафтоведение, геоморфологию, гидрографию, на био и на гео, а по частям ее запросто подчинили себе Ленин и Сталин». [Залыгин, с. 125] Чернобыль для него – бесспорное тому доказательство. Это место в его сознании становится образом «ядовитого рая», в котором спокойно размножалось все живое и там не было людей – «самых страшных зверей среди зверей». И членов ЦК КПСС там тоже уже не бывало несколько лет.

Все свои экологические начинания Голубев решает окончательно оставить, он не видит в этом никакого смысла. Общественные экологические организации тоже оказались бессильны, экологическое движение в России быстро-быстро шло на убыль, его прибрали к рукам дельцы и спекулянты: «Заплатят такому специалисту "как следует", и любая экспертиза с предусмотренным результатом - вот она, готовенькая: экологическое состояние Н-го комбината удовлетворительное, рекомендуется осуществить такие-то и такие-то мероприятия...». [Залыгин, с. 127] Нужны условия, тогда будет все, что в этих условиях может быть, но их не было.

В заключение можно сказать, что Залыгину, как и другим писателям «экологической» направленности, совершенно ясно, что сегодня перед человеком предстала жизненно важная альтернатива. С одной стороны, отношения «человек-общество-природа» могут обостриться до крайней степени (катастрофический, апокалиптический, антигуманный вариант будущего), и человеку придется бороться за существование: «Рядом с детьми, в хлопотах, заботах Голубев, природный человек, о природе тоже забывал, какое там! Чернобыль и ноосфера по Вернадскому его больше не волновали, некогда, некогда: надо было жить.. То есть выживать». [Залыгин, с. 131] С другой – эти

отношения могут гармонизироваться в единое, взаимозависимое сообщество, воплощая собой природный закон бытия. [Хохлова, с. 173]

В «Экологическом романе» предельно откровенно поставлены общественные вопросы и проблемы, в нем обнажены конфликты, не завершившиеся, не снятые с концом советской эпохи. Остались общие проблемы гидрологии, сохранился антиприродный подход и отразились попытки реализации социально-утопических проектов.

С. Залыгин обратившись к экологической проблематике, осуществил ее постановку в центр произведения, сделал ее основной пружиной в развитии сюжета, поэтому закономерно название, которое он дает роману. Публицистично воссоздавая картину хаотического, антиприродного бытия, он показывает, что опыт прошлого не имеет ценности для потомков, что власть руководствуется антиприродной концепцией развития общества. Поэтому будущее теряет реальные очертания, автор предупреждает мир об апокалиптической угрозе, нависшей над существованием человеческой цивилизации на Земле.

5. Экологические проблемы в современной прозе: Роман Сенчин «Зона затопления».

Появление романа «Зона затопления» Романа Сенчина, который получил премию «Большая книга» и вызвал дискуссии в литературной среде, стало событием благодаря остросоциальной теме – хищнического, стяжательского отношения к природным ресурсам. Поэтика, в том числе связь этого произведения с текстами традиционалистов, прежде всего с повестью В. Распутина «Прощание с Матерой», стали объектами изучения в статье Н.В. Ковтун «Историоризация мифа: от благословенной Матеры к Пылёво... (об авторском диалоге В. Распутина и Р.Сенчина)».

По форме изложения роман Сенчина можно отнести к пограничному варианту между бытовой прозой и прозой нон-фикшн. Фактология, положенная в основу сюжета, исторична, конкретна и лишена элементов художественного вымысла. Текст становится более убедительным во многом из-за того, что Сенчин использует большое количество фактов из достоверных источников, взятых с сайта «Плотина. Нет!», созданного сотрудниками Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Документальность, отсутствие мифологического кода, о чем писала Н.В. Ковтун, характерный для литературы нового века идеологический диалог с классикой, знание бытовых реалий провинциальной деревенской жизни, художественная попытка воплощения онтологических смыслов через бытовое существование и частные судьбы – вот основные, на наш взгляд, отличительные особенности анализируемого текста.

В начале повествования автор напоминает о строительстве в 1974 году на реке Ангара Богучанской ГЭС. Активное начало строительства было вскоре заморожено почти на тридцать лет, но с приходом новой власти работы возобновились. Такое решение было принято с целью получения прибыли и политических дивидендов. Проблемы, которые поднимает Сенчин, в первую очередь, касаются непосредственно самих людей и их сложившегося за многие годы уклада жизни. В процессе стройки рушился вековой устойчивый мир, сжигались дома и затапливались целые деревни, переселяли тысячи человек в города, уничтожили жизни и судьбы непокорных.

На этом строится и основной конфликт романа – взаимоотношение власти и простых людей. С первых страниц повествования ясно, что ситуация складывается безвыходная, нужно просто смириться и жить дальше. Но нашлись и такие, кто отважился противостоять и бороться. К сожалению, таких оказалось совсем немного.

Важно отметить особенности композиции романа. Текст состоит из десяти глав. Каждая глава – это отдельная завершенная история, которая может существовать сама по себе, отдельно от всего произведения. Но в совокупности текст как мозаика

выстраивается в одно единое полотно, в целую панораму провинциальной жизни части огромной территории Сибири. Главного героя в произведении как такового нет. Возможно, автор выбрал такую структуру, чтобы показать наиболее полную картину из жизни людей разных слоев общества.

Обратимся к описанию трагических последствий самого затопления, так как именно оно является выражением экологической составляющей текста.

Примерно с середины романа (5 гл. «Миражи на дне») нам открываются безрадостные последствия строительства ГЭС. Один из героев романа задается вопросом: «разве нет других, новых способов добывать электроэнергию, кроме как строить плотины, затапливать тысячи гектаров земли?» [Сенчин, 2016, с.202]. Мир в развитии технологий давно шагнул вперед и такие варварские методы должны по идее остаться далеко в прошлом. По его мнению, даже атомные станции гораздо разумнее, ведь если подсчитать сколько территорий было затоплено при строительстве различных ГЭС по всей России, то это будет немалая часть суши. «Глянесь – от истока до их плотины на протяжении тысячи километров почти не осталось природного берега. Все пашни, луга, покотины похоронены под водой. И теперь берегами стали склоны гор, топи и болота, гнилая тайга»² [Сенчин, 2016, с.203]. Монолог персонажа по стилю напоминает фрагмент публицистической статьи, но для людей, оказавшихся в эпицентре зоны затопления, характерно высказывать обобщающие и оценочные суждения такого плана.

Но, несмотря на уже случившееся, один из героев романа - Брюханов, житель затопленной деревни надеется, что «скоро человечество одумается и

поймет, что Земля – родная и единственная, не надо губить ее, нельзя так бешено выкачивать нефть и газ, косить леса. Одумается, станет беречь Землю и самих себя, своих потомков» [Сенчин, 2016, с.207] - утопическое желание простого, естественного человека, возможно, созвучное авторской позиции.

В седьмой главе под зловещим названием «Экзгумация» дано описание подготовки к затоплению кладбища, вывоза останков умерших жителей зоны на новые места. Герой Алексей едет со своим знакомым помогать перезахоранивать людей. Картина, которую он видит, представляет подобие антиутопических описаний: «...под воду уходят тысячи берез, сосен, ёлок, унавоженные огороды, огарки домов, груды железа... Лишь изредка встречались голые, без деревьев, деляны. Хотя и здесь – корни, чернозем, которые будут гнить и гнить, испуская яд» [Сенчин, 2016, с.227].

За описанием надвигающегося экологического бедствия следует публицистическое размышление автора или героя через форму несобственно-прямой речи. «Да и не под силу людям подготовить это пресловутое ложе так, чтобы не было опасности испортить воду. Природа тысячами лет все здесь распределяла, раскладывала по полочкам, мыла, очищала. И тут приходит человек и диктует свое, да еще приговаривает: «Ничего страшного, мы все подготовим». Смешно» [Сенчин, 2016, с.227]. Городской человек, имеющий власть и возможности как угодно распоряжаться природными ресурсами в данном случае при всей своей образованности не способен, не умеет или наоборот со всей сознательностью дела, что наиболее страшно, абсолютно рушит перспективу существования человеческого общества. «Пропа-ала река, выло в голове в тон мотору. – Пропа-ало всё-о» [Сенчин, 2016, с.228]. Здесь образ реки предстает как экологическая метафора жизни. Отсутствие реки несет за собой гибель, смерть региона со всей его экосистемой. Как в подтверждение этому герой встречает на своем пути «брошенные», без пастуха, «оставленные дичать»

табуны лошадей. Многочисленность подобных фактов подтверждается очевидцами. Вечером возле костра один из мужиков, который приехал с группой по проведению экзгумации, рассказывает собравшимся о том, что, плавая по затопленным территориям и глядя в воду, можно увидеть жуткие картины - затопленные верхушки деревьев, настоящий лес, «то ли елок, то ли лиственниц». А в верховьях Енисея вся рыба пошла сорная, больная, полная кишасцами паразитами.

Приехав на кладбище, Алексей обнаружил, что многие могилы остались целыми. Их так и не выкопали, и не перезахоронили людей. «Страшно было думать, что кости тысяч людей уходят под воду. Добиваться выкопать эти кости из земли тоже, впрочем, страшно. И так и эдак неправильно...» [Сенчин, 2016, с.230]. Кладбище - это еще и память, история народа, жившего на этой территории. Процесс затопления полностью стирает этот пласт бытия, обрекая местных жителей на полное культурно-историческое забвение.

Еще одно страшное последствие затопления, описанное автором, произошло с Алексеем на обратном пути. Он не смог проплыть на лодке и пошел пешком. По пути он наткнулся на ондатру. Предположив, что она попала в беду, он ткнул в нее пальцами, но она как-то странно отреагировала, подозрительно непугливо уставившись на него. Вскоре выяснилось, что Алексей заразился, предположительно сибирской язвой. Впоследствии Ольга – журналистка из Красноярска, поедет специально навестить его в больнице в Канске, но ее не допустят до больного. И она не получит по этому поводу никакой информации. Отсюда вывод – все эти последствия замалчивались властями, и ни в прессе, ни по телевидению об этом ничего не сообщалось.

Образ журналистки Ольги представляет одновременно идею борьбы за справедливость и ее безнадежности. Ольга работает в газете «Голос рабочего», которая существует ещё с советских времен. Газета на грани выживания и

особого энтузиазма у работников нет. Журналистку посылают в командировку, ездить в которые она совсем не любила. «Ее, уроженку почти миллионника, выезжавшую за его пределы редко и недалеко, всегда удивляло, что люди могут, а главное, хотят жить в глухих деревнях, в избушках, где, если не потопить зимой печку, через несколько часов вода в ведре превратится в лёд» [Сенчин, 2016, с.151]. Она, как и многие городские жители смотрела на это все скептически и считала, что эти «эти деревушки с сотней-другой упорных жителей тормозят прогресс» [Сенчин, 2016, с.152].

Постепенно взгляд Ольги на происходящее менялся. Особенно после посещения некоторых сёл. В Большаково её поразило то, что оно «не напоминало дачные посёлки..., это было настоящее сибирское село – одно из тех, благодаря которым Сибирь и стала российской землей не только формально, но и кровно» [Сенчин, 2016, с.154]. Такая поездка изменила ее отношение к деревням. За несколько лет у нее накопились статьи, которые она публиковала, и все чаще сама стремилась поехать в зону затопления.

Ольга, изучая материалы по затоплению, натыкалась на такие, например, свидетельства:

«Совершенно точно знаю, что в с.Усово затопили кладбище. ... Так же затопили скотомогильник (возможно сибирской язвой) метрах в 500 – 600 от кладбища» [Сенчин, 2016, с.313].

«А у нас скотомогильник покрыли бетоном. Все по технологии. А потом стали уточнять место, оказалось, что на километр ошиблись!» [Сенчин, 2016, с.313].

Роман «Зона затопления» буквально наполнен высказываниями документально-публицистического характера. Возможно, журналистский стиль без художественной обработки может показаться недостатком, но автор использует это в качестве самого сильного средства, чтобы сделать текст более

достоверным и убедительным, что является признаком мастерства (черта неореализма): «...любое захоронение при затоплении несет серьезные экологические риски: от различных вирусов, многие из которых живут чрезвычайно долго, до токсинов вроде трупного яда» [Сенчин, 2016, с.315].

Не смотря на обилие фактов и свидетельств очевидцев, публикаций в СМИ (их было хоть и не так много, но они были) ситуация абсолютно никак не поменялась. Все попытки Ольги донести до людей правду оказались тщетными.

Подобно «Прощанию с матерой» - «Зона затопления» имеет открытый финал. Он безрадостен, даже апокалиптичен. Переселенцы поехали в родительский день уже на новое кладбище, на которое перенесли часть могил с мест затопления, но неожиданно обнаружилось, что постепенно кладбище топит. Видимо где-то прорвало плотину, и хлынула вода. Люди были вынуждены спасаться бегством. «Меж холмиков, как какие-то щупальца, ползла вода. Медленно, тяжело, тратя силы и время на то, чтобы промочить, напитать сухую почву. Концы этих щупальцев словно провалились в землю, делая ее, серовато-коричневую, почти черной, но через несколько секунд новый толчок огромного организма двигал щупальце дальше. И новая полоска земли чернела, вода исчезала, а следом уже шел новый толчок. Этим щупальцев становилось все больше, они двигались по дорожкам, охватывали кладбище... Меж крестов бежали к дороге люди» [Сенчин, 2016, с.379].

Роман «Зона затопления» со всей очевидностью является примером современной экологической прозы. Текст можно назвать романом – предупреждением, потому что наиболее полную оценку последствий строительства ГЭС сейчас могут дать только ученые-экологи. Можно предположить, что неореалисту Сенчину не чужды установки писателей – традиционалистов. Его роман – свидетельство неявной связи с писателями-предшественниками в выражении нравственной позиции. Однако, его отличает

экзистенциальная безысходность или онтологический тупик в изображении настоящего момента жизни цивилизации.

В романе Р. Сенчина даны образы писателей, являющихся уважаемыми и авторитетными в литературе и обществе, в том числе благодаря их заслугам в решении экологических проблем (имена не названы, но явно имеются ввиду В. Астафьев и В. Распутин). Они показаны бессильными перед системой, перед повторяющимся в очередной раз затоплением, массовым переселением. В контексте 70-х годов, когда Астафьев и Распутин писали произведения, в которых были обозначены экологические проблемы, в реальности беды только намечались. Строились гидроэлектростанции как самые масштабные цивилизационные проекты этого времени, и писатели традиционалисты были в оппозиции к тем авторам (преимущественно журналистам), которые восхваляли и с упоением описывали события, связанные с эпохой научно-технического прогресса. Предупреждая о губительных последствиях человеческой деятельности в отношении природы в художественных и публицистических произведениях 70-х — 90-х, Астафьев, Распутин, Залыгин и другие традиционалисты вносили свой вклад в формирование экологического сознания общества. Р. Сенчин по сути повторяет литературную традицию «деревенщиков», обращая внимание на острую социально-нравственную проблему, даже если ситуация кажется апокалиптически безнадежной. Принципиальное отличие романа «Зона затопление» как показал анализ, заключается в том, что он отражает изменившийся социальный контекст. Мифологический план повествования отсутствует, так как в принципе не характерен для художественного мира неореалиста Сенчина. Представлена материалистически конкретная картина мира, названы реальные виновники приближающейся экологической катастрофы, указано на несостоятельность попыток бороться с системой (писатели, журналистка, единичные примеры «сопротивленцев», не желающих

переселяться). Можно сказать, что неореалист Сенчин показал уже апробированные социальные механизмы реализации глобальных технократических проектов, направленных на использование природных ресурсов (энергия воды). При этом очевидно не учитываются ни природный ни моральный факторы.

Произведение Р. Сенчина «Зона затопления» является примером постановки и художественного решения экологической проблематики XXI века. Являясь в определенном смысле художественным ремейком В. Распутина «Прощание с Матерой», произведение раскрывает болезненную социально-нравственную проблематику в реалистическом ключе. Жанр, тема и проблематика традиционны: в романе главным событием становятся последствия строительства новой ГЭС на Ангаре. Художественное решение — иное: без притчевой составляющей, природный мир показан без помощи мифологических образов, повествование имеет документально-публицистический характер. Сближает оба произведения не только экологическая проблематика, но и открытый финал, в котором каждый из авторов по-своему предрекает эсхатологические последствия.

Также как в рассмотренных произведениях Астафьева и Распутина, в романе Р. Сенчина чрезвычайно важен образ и ключевые эпизоды, связанные с кладбищем. Из реалистического конкретного он превращается в символ. Это сакральное место перехода из земного бытия в небытие. Только в обычном, этически правильном, традиционном варианте в этом месте оказываются те, кто по естественным биологическим законам завершил свой путь. А в искусственном погружении этого места в воду содержится насильственный фактор: отправляется в небытие все, что могло бы существовать. Топос расширяется от локального места до пространства всего села, деревни, превращаясь в подводный «мир» - кладбище.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе анализа литературоведческих работ, посвященных изучению темы «человек и природа» и понятию «чувство природы», делаем вывод о их сопряженности. «Чувство природы» как философско-нравственная категория, отраженная в образах, мотивах и авторской позиции в произведениях, приобрело актуальность в XIX веке в момент ускорения развития человеческой цивилизации. Социально-исторический контекст обусловил необходимость осознания человеком своего места в мире, соответствующее изменившейся ситуации начавшегося научно-технического прогресса. Это явление отражено в русской литературе XIX и XX веков.

Выявляя генезис и художественную трансформацию темы человек и природа, можно выделить четыре этапа историко-литературного процесса, с которыми связано зарождение и развитие экологической прозы. Первый — этап наиболее протяженный по времени, когда развитие темы «человек и природа» имеет философский, эстетический и нравственный аспект. Второй — этап развития натурфилософской прозы. Третий — этап перехода от натурфилософии к социальной проблематике, установление причинно-следственных связей, осмысливающих последствия антропоцентризма. Четвертый — этап, который в западных исследованиях называется экокритикой и в котором соединяются черты второго и третьего этапов развития экологической темы в отечественной литературе.

В литературе XIX века в художественном решении темы «человек и природа» доминирующим образом оставался человек. Образ природы в большинстве случаев представлял собой пейзаж и художественное средство, отражающее психологию героя, позволяющее раскрыть внутренний мир персонажа.

В дальнейшем развитии общества будет доминировать антропологический подход, при котором человек - «царь природы» и его «царственное» положение

ведет к неразумному, стяжательскому природопользованию и сугубо утилитарному отношению к природе. Вышесказанное помогает понять, что в классической литературе роль природы значительна и неотъемлема, так как она всегда как бы сопутствует переживаниям героев, становится рамкой, фоном, оттеняющим состояние героя, побуждает к выражению лирических чувств и философских размышлений. А затем в конце XIX века возникает тема преобразовательной деятельности человека, которая в полной мере найдет отражение в литературных текстах XX века.

Природа у русских писателей начала XX века - самостоятельный, чрезвычайно насыщенный эмоциональный участник действий, отсюда пристрастие авторов к философскому пейзажу. Писатели то и дело противопоставляли природу, обширную, прекрасную землю и порочных людей, осквернивших ее. Они понимали, что биография земли становится все трагичнее.

Современная натурфилософская проза России – это уникальное явление, которое синтезирует разнородные начала, сочетая в себе глубокое осмысление «вечных» вопросов с неохристианскими этическими мотивами. С развитием науки и техники экологические проблемы находят в ней нетрадиционное решение и характеризуются целой системой отличительных признаков, выявленных исследователями:

Во-первых - это поиск онтологической и этической опоры в мифе на фоне изображения нестабильного существования мира.

Во-вторых – понимание человека как органической части космоса.

В-третьих – традиционный уклад и единство законов природы, порождающей человека, противопоставляются хаосу человеческой жизни.

В-четвертых, новизна мировосприятия, антропокосмизм мышления писателей реализуются не только в натурфилософской концепции, но и в системе образов, в сюжетно-композиционной структуре, в пространственно-временной

организации произведений, в переосмыслении традиционных жанров, в поиске новых форм. [Смирнова, 2001, с. 9-11]

Основными экологическими идеями в натурфилософской «деревенской»/традиционной прозе были следующие:

1) Все рассуждения о покорении природы, ее подчинении человеку не только лишены здравого смысла, но вредны с народохозяйственной точки зрения. Человек не должен воевать с природой, он сам является ее частью.

2) Защита природы — это, по мнению В.П. Астафьева и других представителей этой плеяды, защита самого человека от нравственного саморазрушения.

3) Воспитание нового экологического мышления — это неременное условие физического выживания человечества.

4) Помимо физического выживания необходимо сохранять понятие духовности, которая в свою очередь является частью экологического сознания.

Произведения 1970-х годов, затрагивавшие экологическую проблематику, признаны пиком художественного развития «деревенской прозы», развитием которой послужила социально-экономическая и идеологическая ситуация — исторический контекст. Экологическая тема в сознании читателя 1970-х имела статус глобальной международной проблемы. Об экологических бедствиях и экологических движениях на Западе советская пропаганда рассказывала весьма охотно, при этом существовал ряд сообщений о грубых нарушениях принципов бережного природопользования в СССР (к примеру, судьба озера Байкал обсуждалась в печати с разной степенью активности еще с 1960-х годов).

Итак, экологическая проза представляет собой тематическое единство ряда произведений, возникших в русской литературе в 70-е годы XX века, содержащих развитие темы/мотива «человек и природа» в социально-нравственном, экологическом аспекте. Экологическая проза выходит за рамки романтической идеализации нетронутой природы, эстетизации пейзажа, лирико-философских интенций, изображает негативные последствия научно-технического прогресса и

нарушения биологического равновесия, моральных, юридических норм, что обусловило наличие в литературе публицистических элементов и особого рода дидактизма, усиление проповеднических интонаций.

В фокусе внимания литературы, посвященной экологии в разных ее проявлениях, находятся не только проблемы отношения между человеком и природой, человеком и человеком, человеком и обществом, но и отношения человека с самим собой. Современные экологи считают, что кризис природной и социальной экологии проникает в духовную экологию, приводя человека к потере веры, унижению его духа, к отчуждению от самого себя; ухудшение духовной экологии неизбежно усугубляет экологический кризис на природном и социальном уровнях.

В конце XX-начале XXI века западными учеными активно используется термин экокритика как один из современных методов исследования литературы. В экокритике объектом исследования могут являться литературные тексты или, например, фильмы, телесериалы, государственные отчеты, документальные фильмы о природе и т. п. В экокритике важно, какие смыслы мы придаем природе как объекту изображения и как данные смыслы влияют на то, как человек относится к природе. Отличительной чертой экокритики является ее политически активный характер. У экокритики — очевидный «зеленый» фон. Точка зрения экокритики является биоцентрической, а не антропоцентрической. Это значит, что в центре исследования находится не человек, а вся биосфера.

Вся русская натурфилософская, экологическая проза становится неотъемлемой частью мирового экокритического дискурса.

Во второй главе данного исследования мы выявили ряд содержательных компонентов, отличающих экологическую прозу. В произведениях В. Астафьева «Царь-рыба» и В. Распутина «Прощание с Матерой» чрезвычайно важен образ и ключевые эпизоды, связанные с кладбищем. Из реалистического конкретного он превращается в символ. Это сакральное место перехода из земного бытия в небытие. Только в обычном, этически правильном, традиционном варианте в этом месте оказываются те, кто по естественным биологическим законам завершил

свой путь. А в искусственном погружении этого места в воду содержится насильственный фактор: отправляется в небытие все, что могло бы существовать. Топос расширяется от локального места до пространства всего села, деревни, превращаясь в подводный «мир» - кладбище.

В произведениях писателей традиционалистов образ кладбища и мотив смерти/гибели наполнены эсхатологическим смыслом, который повторяется в романе Р. Сенчина на новом социально-историческом материале. Экологическая проза всегда имеет идею предупреждения, предвидения.

Произведение Р. Сенчина «Зона затопления» является примером постановки и художественного решения экологической проблематики XXI века. Являясь в определенном смысле художественным ремейком В. Распутина «Прощание с Матерой», произведение раскрывает болезненную социально-нравственную проблематику в реалистическом ключе. Жанр, тема и проблематика традиционны: в романе главным событием становятся последствия строительства новой ГЭС на Ангаре. Художественное решение — иное: без притчевой составляющей, природный мир показан без помощи мифологических образов, повествование имеет документально-публицистический характер. Сближает оба произведения не только экологическая проблематика, но и открытый финал, в котором каждый из авторов по-своему предрекает эсхатологические последствия.

Тема охоты, возникающая в произведениях Ю. Казакова, В. Астафьева, Ч. Айтматова, раскрывает опасный процесс превращения занятия, необходимого для выживания человека в природном пространстве, в бойню и безудержное истребление ради наживы.

Описание охоты как бойни является одной из первых попыток в литературе второй половины XX века поставить вопрос о возможных последствиях «захватнических», почти военных действий человека против природы.

Айтматов развивает и усиливает мотивы прозы Казакова, доводя те, что выглядели предостережением, до картины полномасштабного апокалипсиса.

Это позволяет говорить о возможности тематического сближения рассматриваемых текстов (рассказ «Белуха» и роман «Плаха») с экологической прозой.

«Экологический роман» С. Залыгина завершает переход русской литературы от натурфилософии к комплексу социально-исторических проблем, обусловивших опасные последствия технократических проектов, важнейшей из которых является экологическая.

В «Экологическом романе» С. Залыгина предельно откровенно поставлены общественные вопросы и проблемы, в нем обнажены конфликты, не завершившиеся, не снятые с концом советской эпохи. Остались общие проблемы гидрологии, сохранился антиприродный подход.

В «Экологическом романе» показаны попытки реализации антиприродных социально-утопических проектов. Вследствие определения проектов масштабного строительства ГЭС как утопии, возникают антиутопические элементы в произведении. Поскольку особенностью стиля романа является его публицистичность, мрачные прогнозы будущего звучат в устах героя-протагониста: «Нет, в природе не так, там победителей нет и никогда не было, хотя бы из логики самосохранения природы. Так было вплоть до появления цивилизованного человека - этот всех победил в конце-то концов. И природу тоже. В конце концов».² [Залыгин, с. 74] Последствия строительства многочисленных ГЭС в России, описание возведения Асуанской плотины в Египте, а также Чернобыльская катастрофа — все это представлено у С. Залыгина как движение к апокалипсису.

Главному герою Голубеву близка концепция Вернадского, что «ноосфера - такое состояние биосферы, при котором разумная деятельность человека становится решающим фактором ее, биосферы, развития».² [Залыгин, с. 122] Сравнивая отношение к мирозданию Вернадского и Сталина, Голубев приходит к выводу, что по Вернадскому, природа – гармония видов, и уничтожение хотя бы одного ведет к гибели всех остальных, а по Сталину, природа – это

бессмысленная материя, которая существует только для человека. Таким образом, историософская концепция писателя наводит на мысль о первостепенной вине власти, а не простого человека во всех экологических бедах. Подобного рода указания на вину власти преобладающих содержится в литературе, начиная с произведений Астафьева и Распутина, становятся отличительной особенностью экологической прозы.

Перспективой данного исследования является обращение к жанру антиутопии. Современные антиутопии (Л. Петрушевская «Новые Робинзоны», «Гигиена», Т. Толстая «Кысь», В. Маканин «Лаз», Д. Глуховского «Метро 2033» и другие) изображают картину страшного будущего, в котором доведены до предельного состояния все мрачные прогнозы относительно взаимоотношений человека и природы. Рассматривать экологическую проблематику в рамках жанра антиутопии необходимо с учетом особенностей самой формы. При этом очевидна также генетическая связь со всем предшествующим историко-литературным экологическим дискурсом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Азадовский М.К. В.К.Арсеньев - путешественник и писатель: Опыт характеристики. Чита, 1955.
2. Айтматов Ч. Плаха: Роман, повесть. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – 496 с.
3. Айтматов Ч.Т. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Повести. Роман. М.: Молодая гвардия, 1983.
4. Айтматов Ч.Т. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Рассказы. Очерки. Публицистика. М.: Молодая гвардия, 1984.
5. Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. – Красноярск, 1997 – 1998. –Т. 12. – С. 290
6. Астафьев В.П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 7. Затеси: семь тетрадей. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997 – 554 с., портр.
7. Астафьев В.П. Царь-рыба: повествование в рассказах [Текст] / В.П. Астафьев; худ. В.В. Бахтин. – Красноярск: РАСТР, 2018. – 296 с.: ил.
8. Астафьев В.П. Царь-рыба: Повествование в рассказах. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2007.
9. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов. Кн.1-3. М., 1865- 1869.
- 10.Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу; Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии; Веселовский А.Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля.
11. Афанасьев, А. Н. Мифология Древней Руси. Поэтические воззрения славян на природу / А. Н. Афанасьев. — М., 2006. — 608 с.¹

- 12.Белая Г.А. Художественный мир современной прозы – М., 1983.
- 13.Белая Г.А. Всечеловеческое бытие (Международный «круглый стол» «Литература семидесятых») // Вопросы литературы. 1981. № 3. С. 50.
- 14.Белецкий А.И. В мастерской художника слова, с.13-111.
- 15.Белинский В.Г. Сочинения Державина // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т.6. М., 1981. С.9.
- 16.Бердяев Н.А. Самопознание. Сочинения. – М., Харьков, 1997. – С. 552
- 17.Беркунова, Л. А. Экологическая культура в аспекте становления ценностей современного общества / Л. А. Беркунова: автореф. канд. культурологии: 24.00.01. – М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2004. – 20 с.
- 18.Бизе Альф. Историческое развитие чувства природы, с.167 и др.
- 19.Богач Д.А. «Аксиология природы в мировоззренческом и творческом опыте Ф.М. Достоевского – Челябинск, 2017
- 20.Бритиков А.Ф. Мастерство Михаила Шолохова. М.; Л., 1964
- 21.Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Кн. 1-2. Спб., 1861.
- 22.Варламов А.«О дне же том и часе никто не знает...»: Апокалиптические мотивы в русской прозе конца XX века // Литературная учеба. 1997. № 5/6. С. 71.
- 23.Введение в современную литературу. Учебное пособие https://ido.tsu.ru/other_res/hischool/sovrlit/gl3.htm
- 24.Вернадский В. И. Живое вещество. М., 1978; он же: Научная мысль как планетное явление. М., 1991.
- 25.Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989.
- 26.Высоцкая, Н. А. Транскультура или культура в транс? / Н. А. Высоцкая // Вопросы литературы. – 2004. – № 2. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2004/2/vys1.html> (дата обращения: 18.03.2012)
- 27.Гаврилина О.В. Пейзаж - чувство природы - натурфилософия в художественной литературе: основные аспекты изучения. Вестник 1

- Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2009. С. 30-37.
28. Галанов Б. Живопись словом. М., 1974
29. Гиренок Ф.И. Пути к умному безмолвию бытия // Экологические интуиции в русской культуре. – М., 1992.
30. Гончаров П.А., Гончаров П.П., Земляковская А.А. и др. «Природный человек» в русской прозе XX века: Коллективная монография. – Тамбов: ТОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2005. – С. 204.
31. Гордиенко Л.Н. К изучению историко-культурной эволюции проблемы “человек и природа”.
32. Гордович К.Д. Современная русская литература: курс лекций; материалы для самостоятельной работы студентов / К.Д. Гордович. – СПб.: Петербургский институт печати, 2007. – 312 с.
33. Гречишкина С.В. Творчество Гэри Снайдера: формирование и развитие экософской культуры в США: диссертация, 2018
34. Гринфельд Т. Я. «Чувство природы» и пейзаж // «Чувство природы» в русской литературе: Коллективная монография. Сыктывкар, 1995. С. 8–9.
35. Гринфельд Т.Я. “Чувство природы” и пейзаж // “Чувство природы” в русской литературе, с. 7.
36. Гринфельд Т.Я. Природа в художественном мире М.М. Пришвина. Саратов, 1989
37. Гринфельд-Зингурс Т. Я. Природа в художественном мире М. М. Пришвина. Саратов, 1989. С. 179
38. Гринфельд-Зингурс Т.Я. Чувство природы в творчестве М.М. Пришвина. АДД. Екатеринбург, 1992.
39. Грякалов, А. А. Славянская поэтика в диалоге культур: опыт Китая / А. А. Грякалов // Вестник российского философского общества. – 2012. – №4 (64) – 240 с. С. 77-82.
40. Гумбольдт А. Картины природы. М., 1959.¹

41. Гурленова Л.В. Чувство природы в русской прозе 1920-1930-х гг. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1998. 179 с.
42. Гурленова, Л. В. Изучение темы природы в русской литературе (понятийно-терминологический аспект) / Л. В. Гурленова // Природа и человек в художественной литературе. — Волгоград, 2001. — С. 16–22.
43. Дегтярева В.В. Виктор Астафьев в европейском литературоведении. Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха». Красноярск, 2009.
44. Дегтярева В.В. Мифологемы водного мира в натурфилософской прозе России и США («Царь-рыба» В.П. Астафьева, «Моби Дик, или Белый Кит» Г. Мелвилла, «Старик и море» Э. Хэмингуэя): монография / Краснояр. гос. пед. ун-т. им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2011. – 268 с.
45. Демичев А. Живое и мертвое в экологическом дискурсе // <http://www.safety.spbstu.ru/el-book>. С. 18.
46. Елачич Е.А. Из жизни природы. Спб., 1905; он же: О происхождении домашних животных. Спб., 1907; он же: Рассказы из жизни животных. Спб., 1911
47. Еремеев, А. Э. Философская проза как феномен русской классической литературы [Электронный ресурс] / А. Э. Еремеев // Фундаментальные исследования, 2005. – № 4. – С. 19–23. Режим доступа: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=7780042 (дата обращения: 04.06.2014)
48. Ершов Л.Ф. Виктор Астафьев и лирико-философская проза // Рус. лит. 1984. №1. С. 55-58.
49. Забелин И.Е. Кунцево и древний Сетунский стан. М., 1873
50. Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи: В 2 ч. Ч.2. М., 1873. С.266-350.
51. Залыгин С. «Экологический консерватизм»: шанс для выживания // Новый мир. – 1994. - №11. – С. 10¹

- 52.Замотин И. И. Чувство природы и жизни и его понимание в русской художественной литературе XIX столетия / И.И. Замотин. – Варшава: типогр. Варшав. учеб. округа, 1910. – 14 с.
- 53.Золотухина, О.Ю. Религиозный поиск В.П. Астафьева в контексте творческой эволюции писателя: монография. Красноярск, 2015.
- 54.Инь Цзеце «Рецепция творчества В.П. Астафьева и В.Г. Распутина в Китае: этическое пространство», - Пермь, 2019. – С. 160
- 55.Казаков Ю.П. Избранное: Рассказы; Северный дневник / Сост. и подгот. текста Т. Судник; Предисл. Вл. Гусева; Худож. Л. Дурасов. – М.: Худож. Лит., 1985. – 559 с., ил., портр.
- 56.Кайгородов Д.Н. Дневник петербургской весенней и осенней природы... Спб., 1899; Из зеленого царства. Спб., 1888; Дерево и его жизнь. М., 1897; П.И. Чайковский и природа. Спб., 1907; Наши летние цветы. Спб., 1913-1916 и др.
- 57.Каминский П.П. Человек, природа, общества в публицистике В. Астафьева и В. Распутина. Вестник Томского государственного университета, 2010. – С. 89-99.
58. Камянов 1984: Камянов В. Земля – эмпирии – обратно // Доверие к сложности. – М., 1984.
- 59.Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. М., 1986. С.327, 329.
60. Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М.: Интерпракс, 1995. 352 с.
- 61.Квасова И.И. Чернышевский // История эстетической мысли, т.3, с. 427.
- 62.Кирпотин В. Тема природы в “Тихом Доне” Шолохова // Октябрь. 1946. №12. С.174.
- 63.Киселев Н.Н. В гармонии с природой. – Киев, 1989.
- 64.Коваленко А.Г. Чингиз Айтматов и русская литература XX века. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. — 2015 .— №2 .— С. 39-45¹

65. Ковтун Н. В. Историоризация мифа: от благословенной Матеры к Пылево... (об авторском диалоге В. Распутина и Р. Сенчина). - Вестник ОмГПУ №4, 2017. - С. 81 – 87.
66. Кожуховская Н. В. Эволюция чувства природы в русской прозе XIX века. Сыктывкар, 1995. С. 6.
67. Кожуховская, Н. В. Эволюция «чувства природы» в русской прозе XIX века: дис. ... д-ра филол. наук / Н. В. Кожуховская. — Сыктывкар, 1998. — 296 с.
68. Котляревский А.А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868.
69. Краснова Т.В. Экокритика как литературное течение в современной литературной критике на рубеже XX – XXI веков. Социология, Акад. Проект, 2016 – М. С. 156-159
70. Кузмичев И. Документальное повествование. – СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, ООО «Журнал «Звезда», 2012. – 536 с. + фото 16 с.
71. Кузнецов 1976: Кузнецов Ф. Жизнь находит уста // Литературная Россия. 1976. 27 августа.
72. Кузьмичев И. Писатель Арсеньев: Личность и книги. Л., 1977
73. Купреянова Е.Н. Человек и природа. Пейзаж Толстого // Купреянова Е.Н. Эстетика Л.Н. Толстого. М.; Л., 1966. С.119-156
74. Курляндская Г.Б. Этико-эстетическое значение пейзажа // Курляндская Г.Б. Художественный метод Тургенева романиста. Тула, 1972. С.73-130.
75. Леонтьев Э.П. Город мертвых в творчестве И. Бунина: попытка осмысления символического значения образа кладбища. Культура и текст, 2005. С. 33-39
76. Липин С.А. Человек глазами природы. – М., 1985
77. Мананков В. С. Чувство природы в литературах Запада // «Чувство природы» в русской литературе: Коллективная монография. Сыктывкар, 1995. С. 370.
78. Меньших А.В. Художественное пространство как способ отражения идеи (по рассказу В. П. Астафьева «Капля»). Астафьевские чтения. Выпуск третий. Пермь, 2005.¹

- 79.Новикова Е.О. Мотив всемирного потопа в современной русской прозе от «Прощания с Матерой» к «Зоне затопления» Р. Сенчина. – Красноярск, 2020. – С. 140.
- 80.Никольский В. А. Природа и человек в литературе XIX века (50–60-е годы). Калинин, 1973.
- 81.Перкиёмяки М. «Реки царь и всей природы царь — на одной ловушке» — Повествование в рассказах «Царь-рыба» В.П. Астафьева: экокритический взгляд. – Тампере, 2013
- 82.Перкиёмяки, Мика. Образ реки в повести-очерке В. Распутина «Вниз и вверх по течению» в контексте темы экологической справедливости. - В Ковтун Н.В. (ред.) Русский традиционализм. История, идеология, поэтика, литературная рефлексия. Москва: Флинта / Наука, 2016. – С. 178–189.
- 83.Перцов В. Какая была погода в эпоху гражданской войны? // Новый Леф. 1927. № 7. С.37.
- 84.Петушкова Е.В. Экологические проблемы в отечественной публицистике второй половины XX века: С. Залыгин, В. Астафьев, В. Распутин. - Тверь, 2004. - 174с.
- 85.Пискунова С., Пискунов В.В пространствах новых...: Миры и антимирры натурфилософской прозы // Литературное обозрение. 1986. № 11. С. 13.
- 86.Пискунова, Пискунов 1986: Пискунова С., Пискунов В. Между быть и не быть. Натурфилософский роман: опыт прочтения // Новый мир. 1986. № 5.
- 87.Полянский Вал. (П.И. Лебедев). Вопросы современной критики. М.; Л., 1927. С.10.
- 88.Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. О купальских огнях и сродных с ними представлениях // Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989. С.285-378; 530-552.
- 89.Пригарина А.С. Исповедь как жанр и интенция. Известия Волгоградского государственного педагогического университета № 2, 2011.
- 90.Природа и человек в русской литературе: материалы всероссийской научной конференции. – Волгоград, 2000. - 187с.¹

- 91.Разувалова А.И. Писатели - «деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. – Москва: Новое литературное обозрение, 2015. - 616 с.
- 92.Распутин В.Г. Последний срок. Прощание с Матерой: Повести и рассказы. – М.: Советский писатель, 1985. – 416 с.
- 93.Рерих Н.К. Человек и природа. М., 1994.
- 94.Рескин Дж. Современные художники // История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли, т.3. С.861.
- 95.Розанов В.В. Что выражает собою красота природы? // Русское обозрение. 1895. Октябрь. С.601-623.
- 96.Саводник В.Ф. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева, с.1
- 97.Садырина Т.Н. «Царь-рыба» В.П. Астафьева как духовно-нравственное, экологическое, онтологическое поучение. Христианство и литература: учебно-методическое пособие. Выпуск 4. Красноярск, 2019.
- 98.Сапрыкина, Т.В. Человек - природа - литература (проблемы взаимодействия и эволюции) / Т.В. Сапрыкина // Вестник МГПУ. Сер. Филологическое образование. - 2009. - № 2 (3). - С. 104-111.
- 99.Семенова С. Преодоление трагедии: “Вечные вопросы” в литературе. М., 1989
100. Сенчин Р.В. «Зона затопления». – Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. - 381с.
101. Смирнова А. И. «Не то, что мните вы, природа...»: Русская натурфилософская проза 1960–1980-х годов. Волгоград, 1995.
102. Смирнова А.И. Онтологическая поэтика Чингиза Айтматова. Филология и культура, 2014 - №1(35). – С. 208-213
103. Смирнова А.И. Актуальные проблемы изучения современной натурфилософской прозы. Природа и человек в художественной литературе: Материалы Всероссийской научной конференции. – Волгоград: Издательство ВолГУ, 2001. – 320 с.¹

104. Смирнова А.И. Русская натурфилософская проза 1960—1980-х годов: философия, мифология, поэтика: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук). — Воронеж, 1995.
105. Смирнова А.И. Русская натурфилософская проза второй половины XX века: учебное пособие. – Москва: Флинта: Наука, 2009. - 288с.
106. Смирнова З.В. Герцен и Огарев // История эстетической мысли. Становление и развитие эстетики как науки, т.3, с. 405
107. Соколов В.В. Натурфилософия // Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Сов. энцикл., 1989. С. 392-393.
108. Соловьев Вл. Красота в природе // Соловьев В. Чтения о Богочеловечестве; Статьи; Стихотворения и поэма. Спб., 1994. С.204-245. Впервые: в 1889 г
109. Соломатина, С. Ю. Художественное своеобразие натурфилософской эссеистики Генри Дэвида Торо: автореф. диссертации канд. филол. наук: 10.01.03 / С. Ю. Соломатина. – Нижний Новгород, 2008. – 21 с.
110. Спивак, Р. С. Русская философская лирика: проблемы типологии жанров / Р. С. Спивак. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1985. – 140 с.
111. Стеценко, Е. А. Американская литература начала XX века [Электронный ресурс] / Е. А. Стеценко // История литературы США. – Т. 5. – М.: ИМЛИ РАН. – 2009. – С. 10-29. Режим доступа: <http://americanlit.niv.ru/americanlit/istoriya-literatury-ssha-5/stecenko-amerikanskaya-literatura-nachala-hh.htm> (дата обращения: 04.06.2017)
112. Страхов И.В. Художественное мышление И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого в изображении пейзажей. Саратов, 1980
113. Тимофеева Н.В. Философская концепция мира и человека в повести Виктора Астафьева «Царь-рыба». Вестник Астраханского государственного технического университета., 2017.
114. Федоров Н.Ф. Соч. М., 1982. С.511, 111 и др.¹

115. Филипова С.В. Утопический вектор натурфилософской прозы С. Залыгина. Мичуринск, 2007
116. Филиппов Г.В. Русская советская философская поэзия. Человек и природа: Монография. — Л., 1984.
117. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины // Флоренский П.А. Соч.: В 2 т. Т.1. Ч.1,2. М., 1990.
118. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины.
119. Хоружий С.С. Философский процесс., с.35, 43-44.
120. Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Соч. М., 1989. С.53.
121. Черная Н. Реалистическая условность в современной советской литературе. – Киев, 1989.
122. Чернышевский Н.Г. Соч., т.1, с.97.
123. Шайтанов И. О. Мыслящая муза («Открытие природы» в поэзии XVIII века). М., 1989. С. 9.
124. Шишин, М. Ю. Ценностно-мировоззренческие основания экологической культуры / М. Ю. Шишин // Формирование экологической культуры и развитие молодёжного движения; под ред. В. М. Захарова. – М.: 165 Акрополь, Центр экологической политики и культуры, Центр экологической политики России, 2008. – 340 с. С. 37-43.
125. Шкловский В.Б. О теории прозы. М.; Л., 1925. С.12.
126. Шувалов С.В. Природа в творчестве Тургенева // Творчество Тургенева: Сб. ст. М., 1920. С.115-139
127. Эвентов И. Человек и природа в лирике С. Есенина // Эвентов И. Три поэта: В. Маяковский. Д. Бедный. С. Есенин. Л., 1980. С.322-386
128. Эпштейн М.Н. “Природа, мир, тайник вселенной...”: Система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990.
129. Яблоков Е.А. Художественное осмысление взаимоотношений природы и человека в советской литературе 20-30-х гг. (Л. Леонов, А. Платонов, М. Пришвин). АКД. М., 1990¹

130. Bertens, Hans 2008. *Ecocriticism. Literary Theory: the Basics*. Taylor & Francis: London and New York, pp. 195–209.
131. Buell, L. *The Future of Environmental Criticism: Environmental Crisis and Literary Imagination* / L. Buell. – New York: John Wiley & Sons, 2009. – 208 p.
132. Buell, Lawrence 1995. *Environmental imagination: Thoreau, nature writing, and the formation of American culture*. Belknap Press of Harvard University Press: Cambridge, Massachusetts, London, England.
133. Clark, T. *The Cambridge Introduction to Literature and the Environment* / T. Clark. – New York: Cambridge University Press, 2011. – 255 p.
134. Crimmel, H. *The Apple Doesn't Fall Far from the Tree: Western American Literature and Environmental Literary Criticism* / H. Crimmel // *A Companion to the Literature and Culture of the American West*. – Oxford, Malden: Wiley-Blackwell, 2011. – P. 367-379.
135. Delines M. *La Terre dans le Roman Russe*. Paris, 1887.
136. Evanoff, R. *Bioregionalism and Global Ethics: A Transactional Approach to Achieving Ecological Sustainability, Social Justice, and Human Well-being (Studies in Philosophy)* [Online] / R. Evanoff. – New York: Routledge, 2011. – 285 p. Available
137. Gersdorf C., Mayer S., *Nature in Literature and Cultural Studies. Transatlantic Conversation on Ecocriticism*. – Amsterdam: Radopi, 2006. –490 p.
138. Glotfelty Ch., Fromm H. *The Ecocriticism Reader: Landmarks in Literary Ecology*. – Athens: University of Georgia Press, 1996. – 456 p.
139. Kowalewski, M. *Contemporary Regionalism* / M. Kowalewski // *A Companion to the Regional Literatures of America*. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2003. – P. 7-24.
140. Kupffer von E. *Klima und Dichtung*. München, 1907. S.10-11. ¹

141. Lahtinen, Toni, Lehtimäki, Markku 2008. Johdatus ekokriittiseen tutkimukseen. Äänekäs kevät. Toim. Toni Lahtinen ja Markku Lehtimäki. Suomalaisen kirjallisuuden seura: Helsinki, s. 7– 28.
142. Murphy, P. D. Ecocritical Explorations in Literary and Cultural Studies: Fences, Boundaries, and Fields / P. D. Murphy. – Plymouth: Lexington Books, 2009. – 217 p.
143. Naess, A. Ecology, Community and Lifestyle: Outline of Ecosophy / A. Naess. –Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 223 p.
144. Nivat, Georges. Chapitre XLI. Le «Tsar-Poisson» D’Astafiev//Georges Nivat. Vers la fin du mythe russe; Essai sur la culture russe de Gogol à nos jours: Collection Slavica dirigée par Jacques Catteau, Georges Nivat et Vladimir Dimitrijevi. Lausanne, Suisse, Édition L’âge de l’homme, 1982.
145. Oppy G., Trakakis N.N., Burns L., Gardner and F. Leigh S. A Companion to Philosophy in Australia and New Zealand. Clayton: Monash University Publishing. – 2010. – 736 p
146. Payne, D. G. Voices in the Wilderness: American Nature Writing and Environmental Politics / D. G. Payne. – Hanover and London: University Press of New England, 1996. – 195 p.
147. Phillips, D. The Truth of Ecology: Nature, Culture, and Literature in America / D. Phillips. – New York: Oxford University Press, 2003. – 300 p.
148. Rueckert, William 1996. Literary and Ecology. An Experiment in Ecocriticism. The Ecocriticism Reader. Ed. Cheryll Glotfelty and Harold Fromm. The University of Georgia Press: Athens, Georgia, pp. 105–123.
149. Scharnhorst, G., Quirk, T. Research Guide to American Literature: Realism and Regionalism, 1865–1914 / G. Scharnhorst, T. Quirk. – New York: Facts on File, 2010. – 234 p.
150. Slovic, S. Literature / S. Slovic // A Companion to Environmental Philosophy / S. Slovic / Ed. D. Jamieson. – Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 2001. – P. 250-263.¹

151. Snyder, G. *A Place in Space: Ethics, Aesthetics, and Watersheds* / G. Snyder. – New York: Counterpoint, 1995. – 263 p.
152. Snyder, G. *The Gary Snyder Reader: prose, poetry, and translations* / G. Snyder. – New York: Counterpoint Press, 2000. – 617 p.
153. Snyder, G. *The Practice of the Wild* / G. Snyder. – San Francisco: North Point Press, 1990. 190 p.
154. Snyder, G., Martin, J. *Nobody Home: Writing, Buddhism, and Living in Places* / G. Snyder, J. Martin. – San Antonio: Trinity University Press, 2014. – 268 p.
155. Thayer, R. L. *LifePlace: Bioregional Thought and Practice* / R. L. Thayer. – Oakland: University of California Press, 2003. – 300 p.
156. Tredinnick, M. Interview by K. Rozynski [Online]. Available from: <http://cordite.org.au/interviews/mark-tredinnick/> (Accessed: 02.07.2017)
157. Tredinnick M. *A Place on Earth. An Anthology of Nature Writing from Australia and North America.* – Sydney: University of New South Wales Press Ltd., 2003. – 268 p.
158. Weiner D. *A Little Corner of Freedom. Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev.* Berkeley, LA; London, 1999.¹